

Т. Л. Лабутина

Британские дипломаты и Екатерина II

Диалог и противостояние

Алетейя

Татьяна Лабутина

**Британские дипломаты
и Екатерина II. Диалог
и противостояние**

«Алетейя»

Лабутина Т. Л.

Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние /
Т. Л. Лабутина — «Алетейя»,

ISBN 978-5-907189-36-2

Как Екатерина II пришла к власти? Какую роль в подготовке дворцового переворота 1762 г. сыграли англичане? Была ли российская императрица английской шпионкой? Чьи интересы она отстаивала в переговорах с британской дипломатией по вопросам пролонгации торгового и оборонительного договоров, а также «вооруженного нейтралитета»? Какой стратегии и тактики в переговорном процессе с Екатериной II и ее ближайшими сподвижниками Н. И. Паниным и Г. А. Потемкиным придерживались послы Великобритании? Каким образом дипломаты совмещали свою профессиональную деятельность с разведывательной? Насколько объективными были их характеристики России и ее политической элиты? Ответы на эти и многие другие вопросы читатели найдут в предлагаемой книге, в основу которой положена секретная переписка послов с главой внешнеполитического ведомства Великобритании. Для историков, преподавателей и студентов гуманитарных вузов, а также всех интересующихся историей российско-британских отношений в правление Екатерины II.

ISBN 978-5-907189-36-2

© Лабутина Т. Л.

© Алетейя

Содержание

Введение	5
Глава первая	11
Глава вторая	29
Глава третья	42
Глава четвертая	54
Глава пятая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Т. Л. Лабутина

Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние

Введение

История взаимоотношений стран Запада и России в последние десятилетия вызывает неподдельный интерес не только со стороны специалистов, но и обычных граждан. Объясняется это не только расширением различных контактов нашего государства со странами Запада, а также укреплением позиций России на международной арене, но и возросшим интересом соотечественников к истории своей страны. Отрадно сознавать, что всевозможные формы проявления «американизации», «вестернизации», а также восхищения «общечеловеческими ценностями» и прочими атрибутами либеральной модели демократии постепенно теряют свои позиции в российском обществе. Им на смену приходит пробуждение национального самосознания наших граждан.

Особое место в истории международных отношений России с Западом всегда занимали отношения с Англией, насчитывавшие наиболее продолжительный период. В марте 1556 г. известный путешественник, «открывший» Московию, Ричард Ченслер получил первую жалованную грамоту от царя Ивана Грозного, позволявшую англичанам вести беспошлинную торговлю в Московском государстве. Между странами установились дипломатические и экономические отношения. С той поры, на протяжении более 460 лет Англия и Россия прошли сложный и тернистый путь взаимодействия. Порой между ними возникали непреодолимые препятствия на пути к сотрудничеству (попытки англичан колонизации Русского Севера в 1612 г.), что нередко приводило к открытым военным конфликтам (Крымская война 1853–1856 гг., интервенция Великобритании в Советской России в 1918 г.). В то же время государства иногда были вынуждены сражаться, что называется, «по одну сторону баррикад» (совместное участие в Антанте и антигитлеровской коалиции во время мировых войн XX столетия).

Работая на протяжении ряда лет над проектом «Британская культура в России в XVI–XVIII веках. Восприятие, заимствования и отторжение», мы попытались в своих монографиях¹ проследить за тем, как развивались экономические, политические и культурные связи Англии и России, начиная с установления дипломатических отношений в 1553 г. и до конца XVIII века. Мы стремились выяснить, каким образом происходил данный процесс, насколько ощутимым оказалось влияние британской культуры и ее носителей на представителей властной элиты России, в первую очередь, ее правителей. Нас интересовало также, как жили британцы в нашей стране и какие впечатления они вынесли о России и русском народе.

Предлагаемая читателю книга является продолжением начатого проекта. На этот раз мы обратились к слабо изученной в исторической науке теме: истории дипломатических отношений двух стран в правление Екатерины II, акцентируя главное внимание на деятельности британских послов при дворе императрицы. Что представляли собой послы, насколько плодотворной была их деятельность в России, как они отстаивали свою позицию в дипломатическом поединке с императрицей и российскими министрами, наконец, какие впечатления составили о своем пребывании в России – эти вопросы ставил перед собой автор, приступая к работе над книгой.

¹ Лабутина Т.Л. Англичане в допетровской России. СПб., 2011; она же. Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013.

Следует отметить, что XVIII век занимает особое место в истории внешней политики России. Как отмечали авторы коллективной монографии «История внешней политики России. XVIII век (От Северной войны до войн России против Наполеона)», это было время, «когда российское великодержавие поднималось на новую ступень, а сам характер политики страны стал постепенно меняться, приспособляясь к новому положению великой страны, когда сформировались главные направления международной активности русского государства, когда в новых социально-экономических, политических международных условиях были заложены основы идеологии и традиций, которыми станут руководствоваться правящие круги в XIX и начале XX столетия»².

Как известно, в первой четверти XVIII столетия главное внимание российского правительства было направлено на утверждение своих позиций на Балтике. Победа над Швецией в Северной войне превратила Россию «в великую державу общеевропейского ранга». При Петре I обозначились главные направления внешней политики государства, которые продолжали его преемники. В петровскую эпоху были созданы регулярная армия и военно-морской флот, вырос промышленный потенциал страны, расширилась внешняя торговля, что имело большое значение для проведения «эффективной внешней политики»³.

В последней четверти XVIII века во главу угла внешней политики России ставится решение черноморской проблемы. «В результате двух войн и дипломатической борьбы Россия вышла широким фронтом к Черному морю, приобрела право проводить свои торговые суда через Босфор и Дарданеллы, а также покровительствовать поработанному Турцией христианским народам»⁴.

Внешняя политика, проводимая Екатериной II, уже при ее жизни расценивалась и в России, и в Европе как «полная блестящих успехов и громкой русской славы». «Слава побед и внешних успехов ее времени, – отмечал академик Е. В. Тарле, – оставалась непоколебимой»⁵. И действительно, трудно сравнить достижения Екатерины II в расширении территории Российской империи с успехами ее предшественников на этом поприще. За период с 1762 по 1796 гг. в состав империи вошли: Белоруссия, Украина, Литва, Курляндия, Крым, Таманский полуостров, земли между Днестром и Бугом, нижнего Приднепровья; были основаны порты в Севастополе, Одессе, Херсоне, Николаеве, завоеван Очаков; присоединены плодородные степи Новороссии, Кубань, Большая и Малая Кабарда, установлен протекторат над Имеретией, а также Кахетией и Карталинией (Грузией) по желанию правителей и народов этих стран, «искавших защиты от турок и персов». Как отмечал Е.В. Тарле, «русские эскадры спокойно прошли из Балтийского моря, от Кронштадта в Архипелаг и здесь совершенно разгромили сильный турецкий флот при Чесме. Русские армии одерживали блестящие победы, в русскую военную историю были занесены Ларга, Кагул, Фокшаны, Рымник, Измаил, штурм Праги, морские победы при Чесме и на Черном море, были вписаны имена Румянцева, Суворова, Ушакова, при Екатерине же успели прославиться Кутузов и Багратион, ученики Суворова»⁶.

Территориальные завоевания, как отмечал современный историк В.Н. Виноградов, считались в XVIII веке нормой международного права. С их помощью, подчеркивал ученый, «создавались все великие империи»⁷. Российская империя не являлась исключением. Однако Екатерина II не ставила перед собой цели завоевывать территории ради расширения государственных границ. «Намерения нашего никогда не было, да и нет в этом нужды, чтобы стараться

² История внешней политики России. XVIII век (От Северной войны до войн России против Наполеона). М., Международные отношения, 1998. С. 5.

³ Там же. С. 7.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Тарле Е.В. Екатерина II и ее дипломатия. М., 1945. С. 6–7.

⁶ Там же. С. 9.

⁷ Виноградов В.Н. Дипломатия Екатерины Великой // Новая и новейшая история. М., 2001. № 3. С. 136.

о расширении империи нашей. Она и без того пространством своим составляет нарочитую часть земного круга», – поясняла императрица в циркулярной ноте российским послам от 13 ноября 1763 г.⁸ Императрицей двигали прежде всего экономические интересы дворянства и купечества, нуждавшихся в выходе к Черному морю для расширения торговли сельскохозяйственной продукцией со странами Южной Европы. Необходимо было также укрепить северо-западные границы России, для чего потребовалось усилить свое влияние в Польше и Швеции, сохранив в них существующую систему правления. Наконец, требовалось упрочить отношения с главными европейскими державами, которые были основательно испорчены в правление Петра III. Все это, по признанию российского историка И.Ю. Родзинской, привело к активному и целенаправленному курсу внешней политики Екатерины II⁹.

Надо отметить, что Екатерина II не искала новых путей во внешней политике. Как признавал В.Н. Виноградов, «стремление утвердиться на Балтике, укрепить позиции в Центральной Европе, пробиться к Черному морю, ликвидировать угрозу набегов крымских татар, освоить богатейшие залежи тогдашней целины, красочно именовавшейся Диким полем, она унаследовала от предшественников»¹⁰. Главными фигурами среди них являлись цари Иван III, Иван Грозный и Петр Первый.

Следует признать, что, несмотря на всю историческую важность, внешняя политика Екатерины II продолжает оставаться недостаточно изученной. Е.В. Тарле обращал внимание на то, что в XIX в. известные историки С.М. Соловьев, П.А. Бильбасов, Н.Д. Чечулин мало внимания уделяли данному вопросу¹¹. Обобщающие работы о внешней политике России («Очерки истории СССР» и «История СССР с древнейших времен до наших дней») были изданы более полувека тому назад¹². В этой связи особую ценность приобрели изданные на рубеже XXXXI вв. «История Европы»¹³, «История СССР с древнейших времен до 1861 года». вышеупомянутый труд «История внешней политики России. XVIII век», а также «История международных отношений и внешняя политика России. 1648–2000»¹⁴. Отдельные проблемы, связанные с историей внешней политики России в правление Екатерины II, изучались рядом ученых (А.И. Алексеев, В.С. Бобылев, В.И. Буганов, А.Л. Нарочницкий и др.). Наибольший интерес представляют монографии Н.Н. Молчанова и Н.И. Павленко¹⁵.

В зарубежной историографии внешняя политика Екатерины II в XX столетии освещалась слабо, на что указывал Е.В.Тарле¹⁶. Впрочем, в 1990-е годы в этом направлении наметились определенные положительные сдвиги¹⁷.

Одним из важных направлений во внешней политике России являлись отношения с Великобританией. Правительства в России и Англии¹⁸ считали свои государства «естествен-

⁸ Там же.

⁹ Родзинская И.Ю. «Естественные» союзники (Русско-английские отношения 60–70-х годов XVIII в. // Проблемы британской истории. М., 1972. С. 198.

¹⁰ Виноградов В.Н. Указ. соч. С. 138.

¹¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб., 1851– 1879. Тт. 25, 26; Бильбасов П.А. Россия и Англия в XVIII в. // Русская старина. Т. LXXX, 1893; Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II (1762–1774). СПб., 1896.

¹² Очерки истории СССР. М., 1956; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1959.

¹³ История Европы. Т. 4. Европа Нового времени (XVII–XVIII века). М., «Наука», 1994. С. 430–464; История СССР с древнейших времен до 1861 года. М., 1989.

¹⁴ Протопопов А.С., Козьменко В.М., Елманова Н.С. История международных отношений и внешняя политика России. 1648–2000. М., 2001.

¹⁵ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1984; Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 1999.

¹⁶ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 11–16.

¹⁷ Imperial Russian Foreign Policy. Ed. By H. Raglsdale. Cambridge, N.Y., Melbourne. 1993.; The Frontier in Russian History// Russian History. University of Southern California, 1992, vol. 19, № 1–4.

¹⁸ С 1714 года после заключения Унии Англии с Шотландией объединенное королевство стало именоваться Великобританией.

ными союзниками». Неудивительно, что Великобритания на протяжении 1762–1783 гг. одну из основных своих целей усматривала в заключении союза с Россией. Причиной тому являлось положение королевства, в котором оно оказалось после окончания Семилетней войны (1756–1763 гг.). Великобритания находилась по сути дела в дипломатической изоляции. Как утверждает современный историк А.Б. Соколов, «в критический момент своей истории, в войне против восставших американских колоний, она (Великобритания – Т.Л.) не только осталась без союзников, но, напротив, оказалась перед лицом мощной коалиции своих прежних противников (Франции и Испании) с США и Голландией при недружественном нейтралитете со стороны других европейских держав»¹⁹. Неудивительно, что британцы в трудный час обратились за поддержкой к своему «естественному союзнику» – России.

Не менее значимым для себя британцы считали необходимым пролонгацию Торгового договора, заключенного в 1734 г. Поскольку срок его действия истекал, они озаботились заключением Торгового договора в прежней, наиболее выгодной для них, редакции. И эта проблема, как и заключение союзного договора, сделались главными в дипломатическом поединке двух держав. Помимо них, острые дискуссии политических элит Великобритании и России вызывали события, происходящие в ту пору в Европе (Русско-турецкие войны, разделы Польши, Англо-французская, Англо-испанская, Англо-голландская войны), а также в Америке (Война за независимость североамериканских колоний). Обсуждение всех этих событий, а также реакция на них правительств России и Англии нашло свое отражение не только в официальных документах обоих государств, но и на страницах дипломатической переписки британских послов при дворе Екатерины II.

Заметим, что взаимоотношения России и Великобритании в указанный период в исторической литературе еще недостаточно изучены. В своих статьях, опубликованных в 1966–1972 гг., И.Ю. Родзинская выделяла те работы, которые затрагивали указанную тему²⁰. В их числе упомянуты труды историков XIX – начала XX вв. С.М. Соловьева, П.А. Бильбасова, Н.Д. Чечулина, Н.А. Нотовича²¹. Среди ученых XX – начала XXI вв. к указанной проблеме обращались А.М. Станиславская²², а также Н.Н. Яковлев²³ и В.Н. Виноградов. Наиболее плодотворно в данном направлении работает А.Б. Соколов²⁴.

В Великобритании работы, в которых затрагивались российско-британские отношения второй половины XVIII в., появились в середине XX столетия. Ряд проблем был освещен в трудах М. Андерсона²⁵, В. Реддауэя²⁶, Д. Хорна²⁷, Изабель де Мадариаги²⁸ и др.

¹⁹ Соколов А.Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. СПб., 2015. С. 169.

²⁰ Родзинская И.Ю. Русско-английские отношения в шестидесятых годах XVIII в. // Московский государственный историко-архивный институт. Труды. Т. 21. М., 1965; она же. Источники по истории русско-английских отношений 1760–1770 годов // Московский государственный историко-архивный институт. Труды. Т. 24. М., 1966; она же. Англия и русско-турецкая война (1768–1774 гг.). М., 1967; она же. «Естественные» союзники (Русско-английские отношения 60–70-х годов XVIII в.) // Проблемы британской истории. М., 1972.

²¹ Нотович Н.А. Россия и Англия. СПб., 1907.

²² Станиславская А.М. Россия и Англия в годы второй русско-турецкой войны. 1787–1791 гг. // Вопросы истории. М., 1948 № 11; она же. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. 1798–1807. М., 1962.

²³ Яковлев Н.Н. Британия и Европа. М., 2000.

²⁴ Соколов А.Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XIX–XVIII вв. Ярославль, 1992; он же. Английский дипломат о политике и дворе Екатерины II // Вопросы истории. М., 1999, № 4–5; он же. «Очаковское дело»: Англо-русский конфликт 1791 г. // Отечественная история. М., 2002, № 4; он же. «Россия должна вернуть завоеванное». Как Очаковский кризис 1791 г. повлиял на русско-британские отношения // История. М., 2014, № 10; он же. Прав ли Маркс? Заметки о британской политике по отношению к России в XVIII веке // Родина. М., 2014, № 10; он же. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. Указ. соч.

²⁵ Anderson M.S. Great Britain and the Russian Fleet. 1769–1773 // The Slavonic and the East European Review. Vol. XXXI, 1952; idem. Great Britain and the Russo-Turkish War of 1768–1774 // English Historical Review. Vol. LXIX, 1934; idem. Britain Discovery of Russia. L., 1958

²⁶ Reddaway W.F. Macartney in Russia. 1765–1767 // Cambridge Historical Journal. 1931, № 3; idem. History of Europe 1715–

Детальный анализ работ отечественных и зарубежных авторов, затрагивавших проблему российско-британских отношений второй половины XVIII века, проделанный И.Ю. Родзинской, позволил автору констатировать, что специальных исследований по данной теме в XX столетии издано не было²⁹. Ученые чаще всего обращались к отдельным вопросам: русско-турецким войнам, разделам Польши, Декларации о вооруженном нейтралитете, Очаковскому кризису и др. Современные исследователи какого-нибудь обобщающего труда по данной проблеме также не представили.

Свое внимание мы решили обратить на одну из проблем, прежде не изучавшуюся в исторической литературе: переговорному процессу британских дипломатов с императрицей Екатериной II и ее министрами в последней трети XVIII столетия. Нас побудило к этому знакомство с таким интересным источником, как дипломатическая переписка английских послов и посланников в России. Донесения британских дипломатов содержат сведения о внутренней и внешней политике России, ее взаимоотношениях со странами Европы. Они позволяют проследить перипетии, связанные с переговорами британской дипломатии с правительством Российской империи по вопросам заключения русско-английского торгового договора 1766 г.; выяснить причины неудачи пролонгации союзного договора между странами; прояснить позицию Великобритании в Русско-турецких войнах и разделах Польши; проследить события, связанные с изданием Екатериной II Декларации о вооруженном нейтралитете 1780 г. и многое другое.

В центре нашего внимания оказалась переписка семи послов, ведущих переговоры с российской дипломатией, начиная с 1756 по 1783 гг. В их числе: Чарльз Уильямс, Роберт Кейт, Джон Бэкингэмшир, Джон Макартни, Генрих Ширли, Роберт Ганнинг, Джеймс Гаррис. Что касается двух последних послов при дворе Екатерины II (Аллейн Фицгерберт и Чарльз Уитворт), то их переписка с госсекретарем Великобритании, хотя и была опубликована, но в российских архивах не сохранилась. В этой связи последнее десятилетие дипломатического поединка британцев и российской императрицы осталось, к глубокому сожалению автора, за пределами настоящего исследования.

Донесения послов, одновременно представленные в сборниках на английском и русском языках, являются достаточно полным источником для освещения хода дипломатических переговоров России и Великобритании по внешнеполитическим вопросам. Кроме того, они содержат богатый фактический материал по истории внутренней политики, проводимой Екатериной II, о быте и нравах русской знати. В них представлены яркие характеристики императрицы, ее министров и приближенных. Заметим, что указанная информация не являлась случайной в донесениях послов. Она собиралась дипломатами по заданию короля Великобритании. Таким образом, донесения послов в Лондон позволяют составить представления еще об одной, неофициальной их деятельности – разведывательной.

Насколько объективной и достоверной была информация послов, трудно сказать. Порой дипломаты сообщали своему двору то, что им говорили (и это не всегда было правдой), либо то, что предполагали они сами (а они нередко ошибались). Примечательно, что этот факт отметила британская исследовательница И. де Мадариага³⁰. В этой связи для установления достоверности тех или иных сведений, о которых упоминали в своих донесениях или мемуарах послы, приходилось обращаться к описанию событий из других источников, если таковые находились. Иногда это было невозможно выполнить. К примеру, споры по поводу раздела Польши, по замечанию И. де Мадариаги, не отразились даже в протоколах Совета при Высочайшем дворе,

1814. Vol. VII. L., 1957.

²⁷ Horn D.B. The British Diplomatic Service. 1689–1789. Oxford, 1961.

²⁸ Де Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002; она же. Екатерина Великая и ее эпоха. М., 2006. *De Madariaga I. Britain, Russia and the Armed Neutrality of 1780. New Haven, 1962.*

²⁹ Родзинская И.Ю. «Естественные» союзники (Русско-английские отношения 60–70-х годов XVIII в.) Указ. соч. С. 198.

³⁰ Де Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 379.

где этот вопрос был поднят в мае 1771 г.³¹. Вместе с тем, указанный источник, несмотря на отдельные его «изъяны», не утерял своей научной значимости.

Добавим несколько слов об истории появления документа в России. В 1880 г. Русское историческое общество обратилось к своим посольствам за границей с просьбой собрать материалы в архивах, относящиеся к периоду правления Екатерины II. На их основе было подготовлено 14 томов донесений английских послов в России за первую половину XVIII века. Вторая половина века освещена значительно слабее. Было издано лишь два тома (XII и XIX), в которых содержались донесения послов за 1762–1776 гг.³² Остальной материал, вплоть до 1800 г., хотя и был собран, но, как утверждала И.Ю. Родзинская, не был издан и бесследно исчез³³.

Дополнением к дипломатической переписке послужили источники, содержащиеся в «Собрании трактатов и конвенций» Ф.Ф. Мартенса³⁴, «Обзоре внешних сношений России (по 1800 год)» Н.И. Бантыш-Каменского,³⁵ сборнике исторических документов «Британия и Россия в правление Петра I»³⁶. Важными для нашего исследования оказались мемуары и книги британских дипломатов Роберта Кейта³⁷, графа Бэкингэмптона,³⁸ графа Джона Макартни³⁹, Джеймса Гарриса (графа Мальмсбюри)⁴⁰, и переписка последнего с главой внешнеполитического ведомства Великобритании в 1778–1783 гг.⁴¹ В работе использовались также материалы, принадлежавшие перу Екатерины II⁴² и ее сподвижников⁴³.

Не претендуя на детальный анализ российско-британских отношений в правление Екатерины II, мы надеемся, что изучение деятельности британских послов в России и их участия в переговорном процессе с российской дипломатией в определенной мере восполнит существующую лауну в исследовании столь важной и непростой проблемы.

³¹ Там же.

³² Сборник русского императорского исторического общества. Т. XII. СПб., 1873; Т. XIX. СПб., 1876.

³³ Родзинская И.Ю. Источники по истории русско-английских отношений 1760–1770 годов. Указ. соч. С. 137.

³⁴ Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1892. Т. 9 (10).

³⁵ Бантыш-Каменский Н.И. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. I. М., 1894–1902.

³⁶ Britain and Russia in the Age of Peter the Great. Historical Documents. L., 1998.

³⁷ Memoires and Correspondence (Official and Familiar) of Sir Robert Keith. Vol. I. Lnd., 1849.

³⁸ Секретные мемуары, относящиеся к кабинету в Санкт-Петербурге // Соколов А.Б. Английский дипломат о политике и дворе Екатерины II. – Вопросы истории. М., 1999, № 4–5.

³⁹ An account of Russia in 1767 by lord Macartney. L., 1768.

⁴⁰ Harris J. Diaries and Correspondence of James Harris First Earl of Malmesbury. L., 1844. 4 v.

⁴¹ Лорд Мальмсбюри в России // Русский архив. М., 1866. Т. I, № 4; Лорд Мальмсбюри в России в царствование Екатерины II // Русский архив. М., 1874. Т. I, № 6; Лорд Мальмсбюри в России в царствование Екатерины II // Русский архив. М., 1874. Т. I, № 7; Лорд Мальмсбюри (Гаррис) в России в царствование Екатерины II // Русский архив. М., 1874. Т. I, № 8; Лорд Мальмсбюри (Гаррис) в России в царствование Екатерины II // Русский архив. М., 1874. Т. II, № 11.

⁴² Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Г. Уильямса. 1756 и 1757 гг. М., 1909; Письма Екатерины к Понятовскому // Тайны и истории Екатерины II в воспоминаниях современников, оценках историков. М., 1998; Екатерина II без ретуши (Антология). Сост., предисловие. А. Фадеева. СПб., 2009.

⁴³ Дашкова Е.Р. Записки. 1743–1810. Л., 1985.

Глава первая

Первые контакты британцев с будущей русской императрицей: Была ли Екатерина английской шпионкой?

В отечественной и зарубежной историографии одной из дискуссионных до сих пор остается проблема зарождения в правление Екатерины II такого явления как англомания. Некоторые ученые полагали, что сама императрица являлась англофилом. К примеру, британский историк Д. Хорн считал Екатерину II англофилом, основываясь на том, что она любила читать переведенные на французский или немецкий язык труды британских ученых, философов и экономистов, восхищалась историческими работами Д. Юма и У. Робертсона. Императрица собственноручно перевела с французского или немецкого на русский язык несколько пьес У. Шекспира и способствовала постановке английскими актерами в театре Санкт-Петербурга ряда его пьес, в том числе «Отелло». Кроме того, Екатерина II позволяла российским студентам обучаться в университетах Шотландии⁴⁴. На взгляд А.Б. Соколова, императрица являлась англоманкой по своим интеллектуальным интересам⁴⁵. Известный британский ученый Э. Кросс был убежден в том, что не только сама императрица, но и все высшее российское общество при Екатерине отличались не просто «широко распространенной англоманией, но англофильством»⁴⁶. Однако, изучая указанную проблему, мы пришли к иному выводу: ни особого преклонения перед всем английским, ни стремления какой-либо части общества поддерживать во всем английские интересы (англомания и англофильство, по С.И. Ожегову)⁴⁷ в правление Екатерины II в России не наблюдалось⁴⁸. На наш взгляд, при этой императрице в стране заметно усилилось влияние французской культуры, в частности, закрепилось распространение французского языка в высшем свете. Однако это не означало, что британцы совсем перестали оказывать воздействие на политическую элиту России, как то бывало при Петре I. Их позиции при дворе, да и в высших слоях российского общества оставались по-прежнему достаточно прочными.

Активный интерес англичан к Екатерине как будущей императрице проявился еще до ее вступления на престол. Посол Великобритании Чарльз Уильямс сумел установить тесные сношения с «молодым двором» незадолго до начала Семилетней войны (1756–1763 гг.). Для великой княгини Екатерины Алексеевны это было первое знакомство с представителем официального Лондона.

Чарльз Генбюри Уильямс родился 8 декабря 1708 года в семье богатого промышленника из древнего аристократического рода, проживавшего в графстве Уорчестер. О юных годах Чарльза сохранилось немного информации. В 24 года он женился на наследнице знатного рода леди Фрэнсис Кониингсби. В семье родились две дочери: Фрэнсис и Шарлотта. По семейной традиции 26-летний Чарльз занял место в палате общин, где с 1734 по 1747 гг. представлял графство Монмут, а в последние годы жизни избирался от графства Леоминстер. Чарльз всегда поддерживал партию вигов, преданно отстаивая ее интересы в парламенте и был известен как ярый сторонник политики, проводимой премьер-министром Великобритании сэром Р. Уолпо-

⁴⁴ Horn D. Great Britain and Europe in the Eighteenth Century. Oxford, 1967. P. 213.

⁴⁵ Соколов А.Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль, 1992. С. 258.

⁴⁶ Кросс Э. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996. С. 292–293, 299.

⁴⁷ Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 3-е. М., 1953. С. 19.

⁴⁸ См.: Лабутина Т.Л. Англомания и англофильство в правление Екатерины II // Лабутина Т.Л. Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013. С. 135–164.

лом. Хотя Уильямс и не отличался особым красноречием, но быстро приобрел известность, отчасти благодаря изяществу своих манер, но главным образом из-за «едкости замечаний», которыми приправлял свои сатирические вирши. На взгляд издателя его переписки с молодой Екатериной С.И. Горяинова, это был человек, «любивший жизнь и умевший пользоваться ее благами». Поэтический и сатирический дар пригодился ему и на дипломатическом поприще, когда в 1747 году он был назначен послом при саксонском дворе в Дрездене. Его депеши отличались «живым блестящим слогом; он легко и правдиво рисовал портреты замечательных личностей, а в своих письмах к друзьям остроумно передавал всякие события иностранной жизни»⁴⁹. Спустя три года Уильямса перевели в Берлин, однако там он задержался недолго: его колкие замечания не понравились королю Пруссии Фридриху II, и тот потребовал отозвать дипломата. В феврале 1751 года Уильямс возвратился в Дрезден. Отсюда он неоднократно выезжал в Варшаву, где сблизился с семейством князей Чарторыйских и их свояка Станислава Понятовского. Очарованный сыном Понятовского Станиславом Августом, посол принял юношу под свое покровительство. И когда в 1755 году сэр Чарльз был назначен послом Великобритании в Петербурге, он предложил Станиславу Августу должность секретаря посольства. Это назначение сыграло важную роль в сближении молодой Екатерины с британским послом. Зародившаяся при содействии Уильямса любовная связь великой княгини и графа Понятовского способствовала усилению влияния сэра Чарльза на Екатерину.

12 июня 1755 года на торжественной аудиенции посол Великобритании был принят императрицей Елизаветой Петровной. Произнося приветственную речь, посол призвал императрицу «способствовать миру и тишине в Европе» и употребить свою «бесчисленную силу к благополучию своих союзников»⁵⁰. Король Георг II Ганновер поручил послу заключить договор с Россией для защиты своих владений в Германии от нападения Фридриха II⁵¹. С этой задачей дипломат справился успешно. Спустя три месяца, договор, по которому Россия, в обмен на ежегодную выплату 500 тыс. фунтов стерл., обязалась выставить для защиты ганноверских владений Георга II корпус в 55 тыс. человек, был подписан. Этот успех вскружил голову Уильямсу, и он, по утверждению С.М. Горяинова, «самонадеянно возмечтал, посредством своего влияния на великокняжеский двор и на великого канцлера графа А. П. Бестужева, управлять политикой империи в угоду интересам Англии»⁵². Большие надежды Уильямс возлагал на 26-летнюю великую княгиню Екатерину Алексеевну, с которой познакомился вскоре по прибытии в Петербург.

Первое послание Екатерине, в котором посол не только клялся доказать свою «вечную и ненарушимую привязанность», но и обещал извещать обо всем, что доходило до его сведения «по делам Европы», было отправлено 31 июля 1756 года. Однако, судя по доверительному тону письма, а также его содержанию (посол пытался убедить Екатерину Алексеевну в том, что прусский король склонен обсудить с императрицей и королем Великобритании «самые дружеские меры»), знакомство великой княгини и Уильямса произошло раньше. О.И. Елисева полагала, что Екатерина выделила Уильямса из круга иностранных министров, когда на праздновании именин великого князя Петра Федоровича в Ораниенбауме между ними завязался разговор, «столь же приятный, сколь и веселый»⁵³. Неудивительно, что Уильямс сумел произвести на молодую женщину большое впечатление: по замечанию секретаря французского

⁴⁹ Горяинов С.М. Предисловие // Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Г. Уильямса. 1756 и 1757 гг. М., 1909 (далее – «Переписка великой княгини»). С. IX.

⁵⁰ Цит. по: Елисева О.И. Молодая Екатерина. М., 2010. С. 316.

⁵¹ Подробнее о расстановке сил в Европе накануне Семилетней войны см.: История Европы. Т. IV. М., 1994. С. 460–461; Яковлев Н.Н. Россия и Великобритания накануне Семилетней войны: от союза к конфронтации // Яковлев Н.Н. Британия и Европа. М., 2000. С. 192–208.

⁵² Горяинов С.М. Предисловие // Переписка великой княгини. Указ. соч. С. XIII.

⁵³ Елисева О.И. Молодая Екатерина. Указ. соч. С. 258.

посланника Клода Рюльера, британский дипломат отличался «пылким воображением и пленительным красноречием». На этом же приеме Уильямс осмелился высказать Екатерине, явно намекая на ее унижительное положение при дворе Елизаветы Петровны то, что «кротость есть достоинство жертв, ничтожные хитрости и скрытый гнев не стоят ни ее звания, ни ее дарований; поелику большая часть людей слабы, то решительные из них одерживают первенство». И далее Уильямс призвал молодую княгиню разорвать «узы принужденности», чтобы «жить по своей воле»⁵⁴. А затем посол представил Екатерине молодого поляка, бывшего в его свите – графа Станислава Понятовского.

Переписка Екатерины Алексеевны и британского посла, активно продолжавшаяся на протяжении года, с 31 июля 1756 г. по 2 июля 1757 г., насчитывала 157 писем. Автором 87 посланий являлся Уильямс, 70 – великая княгиня. Свою переписку оба корреспондента держали в строгой тайне. Уильямс, подписываясь литерой «А», передавал письма через Сваллю, ставшего впоследствии британским консулом в Петербурге. Екатерина, подписываясь литерой «L», для передачи вручала свои письма камер-юнкеру Льву Нарышкину: при этом их содержание она излагала от имени мужчины. Уильямс неоднократно повторял ей, что их «сношения через письма» должны оставаться «непроницаемой тайной»⁵⁵. «Лучше, чтобы наша переписка оставалась тайною между нами обоими, – настаивал дипломат. – Способ сношений через Нарышкина и Сваллю так удобен и окружен такой тайной, что никто не сможет проникнуть в него». Однако он сам же порой и нарушал эту тайну, передавая свои зашифрованные записки через Понятовского. Как позднее вспоминал Станислав, став польским королем, Уильямс нередко давал ему читать «самые секретные депеши, поручал зашифровывать их и расшифровывать ответы»⁵⁶. Горяинов высказывал предположение, что Уильямс «давал списывать письма Екатерины до возвращения их обратно ей» (что и позволило сохранить переписку для потомков)⁵⁷. Таким образом, нельзя исключать, что с письмами великой княгини были знакомы не только посол, но и ряд высокопоставленных лиц Великобритании, включая монарха.

Следует отметить, что переписка великой княгини с британским послом, опубликованная в 1909 году, имела свою предысторию. В 1864 г. император Александр II передал в Государственный архив документ с указанием хранить его «запечатанным». Это и была секретная переписка Чарльза Уильямса с будущей императрицей. В 1881 г. документ затребовал император Александр III; ознакомившись с перепиской, он наложил резолюцию: «хранить за печатью Архива». Исследователь творческого наследия Екатерины II Я.Л. Барсков писал: «Двое царей живо интересовались письмами Екатерины Уильямсу, но не решились огласить их; это дозволил после революции 1905 г. Николай II, презиравший Екатерину II и высоко чтивший Павла I»⁵⁸. Таким образом, «высочайшее разрешение» на публикацию данного документа было получено лишь в 1909 г. Было ли сокрытие от общественности переписки с британским послом случайностью, или потомки императрицы это делали преднамеренно? Более детальный анализ источника даст на этот вопрос исчерпывающий ответ.

Заметим, что к указанному документу обращались многие ученые, изучавшие историю царствования Екатерины II, однако чаще всего они использовали его фрагментарно⁵⁹. Современные исследователи (З.С. Константинова, О.И. Елисеева) с большим вниманием отнеслись

⁵⁴ Екатерина II без ретуши (Антология). Сост., предисловие. А. Фадеева. СПб., 2009. С. 56.

⁵⁵ Переписка великой княгини. Указ. соч. С. 86, 130.

⁵⁶ Цит. по: Елисеева О. И. Молодая Екатерина. С. 301.

⁵⁷ Переписка великой княгини. С. 170.

⁵⁸ Цит. по: Елисеева О. И. Молодая Екатерина. С. 308.

⁵⁹ Бильбасов В.А. Первые политические письма Екатерины II. СПб., 1887; он же. История Екатерины II. СПб., 1890; Архангельский Д. Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла Чарльза Гэнбюри Уильямса как исторический памятник // Русская старина. М., 1910.; Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 2003; Минаев А.И. Британский парламентаризм и общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVIII – начало XX веков. Рязань-М., 2008 и др.

к эпистолярному наследию императрицы⁶⁰. Однако отдельные эпизоды, связанные с взаимоотношениями великой княгини и британского дипломата, остались историками незамеченными.

Надо признать, молодая великая княгиня произвела на посла неизгладимое впечатление. Ее привлекательная внешность, живой ум, рассудительность, умение вести беседы на самые разные темы, а также явно выраженное расположение к Англии не могли оставить 46-летнего британца равнодушным. «Моя привязанность к вам... не имеет границ... мои услуги и моя жизнь как честного человека в вашем распоряжении... Ваши возражения достойны здравого рассудка Ришелье и ума Мольера», – писал сэр Чарльз в одном из писем. В другом послании он восклицал: «Я дивлюсь вам, я вас обожаю с каждым днем все более». Наконец посол разразился целым потоком хвалебных слов в адрес великой княгини: «Вы одна имеете мой секрет; мое сердце, моя жизнь, моя душа вам преданы. Я смотрю на вас, как на существо, превосходящее меня. Я вас обожаю...»⁶¹. Читатель может задаться вопросом: уж не был ли Уильямс влюблен в великую княгиню? Увы, почитателей любовных романов ждет разочарование: опытный дипломат рассматривал Екатерину всего лишь как подходящий объект для манипулирования при достижении своих целей. Что это были за цели?

Здоровье императрицы Елизаветы Петровны в ту пору заметно ухудшилось, и европейские монархи были озабочены тем, кто наследует российский престол в случае ее кончины. Уже в одном из первых писем к Екатерине сэр Чарльз умолял сообщать ему все, что ей станет известно о здоровье императрицы. «Ничего нет на свете, что интересует меня более», – подчеркивал он⁶². И действительно, посол постоянно интересовался у княгини, в каком здравии находится Елизавета Петровна. Екатерина охотно отвечала, извещая Уильямса о том, что императрица не может «взойти на свои лестницы без одышки», подтверждением тому служат «подъемные машины, поставленные везде». Спустя месяц сообщала, что состояние Елизаветы Петровны резко ухудшилось: императрица упала в обморок, «пальцы рук сжались, ноги и руки охладели как лед, глаза лишились зрения. Тут ей бросили кровь, сильно и много, а зрение и чувства вернулись ей». В письме от 17 октября 1756 г. Екатерина более подробно информировала Уильямса о состоянии здоровья императрицы: «Вчера, среди дня, случились (у императрицы – Т.Л.) три головокружения или обморока. Она боится и сама очень пугается, плачет, огорчается и, когда спрашивают у нее, отчего, она отвечает, что боится потерять зрение. Бывают моменты, когда она забывается и не узнает тех, которые окружают ее... Ей дают пропасть снадобий, и она очень послушно принимает все. Мой хирург, человек очень опытный и разумный, высказывается за апоплексический удар, который сразит ее безошибочно». Тот же эскулап убеждал Екатерину, что частые боли у императрицы возбуждали у него «подозрение в раке»⁶³. Чтобы постоянно получать информацию о состоянии здоровья государыни, Екатерина даже разместила в ее покоях своих соглядатаев. «У меня имеются три лица, которые не выходят из ее комнаты и которые не знают, каждое в отдельности, что они меня предупреждают, и не преминут в решительный момент сделать это», – информировала она посла. В ответ Уильямс писал: «Я рад узнать, что вы так хорошо осведомлены о ее состоянии; это вам очень нужно»⁶⁴. Он почти не сомневался в том, что императрица доживает последние дни. В письме от 22 октября он извещал Екатерину о том, что Елизавета Петровна «кашляет кровью и задыхается; ноги ее распухли, и ее мучает грудная водянка».

Изучавшая мемуары Екатерины М.А. Крюčkова подчеркивала, что в переписке Уильямса с великой княгиней просматривалась «смесь политического авантюризма, салонного жеман-

⁶⁰ Константинова З. С. Ч.Г. Уильямс и Россия // <http://www.sgu.ru/files./nodes/9738/02.pdf>; Елисеева О.И. Молодая Екатерина. Указ. соч.

⁶¹ Переписка великой княгини. С. 10, 32, 78.

⁶² Там же. С. 13.

⁶³ Там же. С. 121, 206, 211, 217.

⁶⁴ Там же. С. 211–212..

ства и неприкрытого цинизма». Однако более всего автора поражало, даже шокировало в письмах «почти открытое ожидание смерти императрицы Елизаветы». Екатерина и посол сообщали друг другу признаки прогрессирующей болезни императрицы, «вовсе не притворяясь, что это их печалит»⁶⁵.

Почему же британский посол уделял столь пристальное внимание состоянию здоровья российской императрицы? «Особое внимание, – писал известный историк XIX в. А.Г. Брикнер, – обращалось за границей на вопросы престолонаследия; иностранные дипломаты при русском дворе иногда старались содействовать их решению. Отсутствие закона о престолонаследии, недостаток в учреждениях государственного права давали полный простор подобному вмешательству»⁶⁶. Неудивительно, что правительство Великобритании проявляло заинтересованность в том, чтобы после кончины Елизаветы Петровны на троне оказалась Екатерина, а не склонный к прусским порядкам ее супруг великий князь Петр Федорович. Поэтому, совместно с великой княгиней, Уильямс проработал план ее действий после смерти императрицы. По сути, это был план государственного переворота.

Уже спустя неделю после начала переписки Екатерина упоминает о своем желании «надеть венец» и о поддержке ее в этом стремлении сэром Чарльзом. «Сколько я обязана providению, которое вас прислало сюда, как ангела хранителя, для того, чтобы связать меня дружбою с вами. Вы увидите, что если когда-нибудь я надену венец на царство, я отчасти вам буду обязана в этом», – писала Екатерина 8 августа 1756 г. Она почти не сомневалась в успехе своего предприятия, убеждая посла, что «будет царствовать или погибнет». «Я, – сообщала она вскоре, – занята формированием, обучением и привлечением разного рода пособников для события, **наступления которого вы желаете** (выделено нами – Т.Л.), отчего в моей голове сумбур от интриг и переговоров».

Еще через 10 дней, когда состояние здоровья Елизаветы Петровны, резко ухудшилось, Екатерина направляет Уильямсу уже конкретный план своих действий. «Когда я получу предупреждение настолько верное, что нельзя было допустить ошибки, о начале предсмертных припадков (императрицы), я прямо пойду в комнату моего сына... возьму его к себе... пошлю верного человека предупредить пять гвардейских офицеров, на которых я могу положиться; каждый из них мне приведет пятьдесят солдат (в чем уже условлено, по первому сигналу), которых, может быть, я не пушу в дело, но которые будут сопровождать меня... во избежание всяких помех. Заметьте, – продолжала Екатерина, – что они получают приказание только от великого князя и от меня. Я пошлю предупредить канцлера, Апраксина, Ливена, чтобы они пришли ко мне, а в ожидании их я войду в покои умирающей, куда я велю позвать капитана командующего караулом, и я лично приму его присягу и удержу его при себе... Я думаю, что местом сбора моих людей будет моя передняя. При каком-либо движении, и даже самом малейшем, которое я бы заметила, я велю как своим людям, так и солдатам караула взять под стражу Шуваловых и дежурного генерал-адъютанта. Прибавьте к этому, что младшие офицеры лейб-компаний – люди надежные, и хотя я не имею сообщений со всеми, но я могу в достаточной мере рассчитывать на двух или трех из них и настолько пользуюсь уважением, что заставляю повиноваться мне всякого, кто не будет подкуплен»⁶⁷. В завершение Екатерина просила Уильямса, «как друга», исправить то, «чего недостает в ее мыслях, и то, чего она не предвидела».

Посол ответил не сразу, по-видимому, обдумывал детали, а может, консультируясь с официальным Лондоном. Во всяком случае, его инструкции носили вполне конкретный характер. «В случае смерти (императрицы – Т.Л.) вы, благодаря Богу, на местах. Нужно чтобы великий

⁶⁵ Крючкова М.А. Мемуары Екатерины II и их время. М., 2009. С. 212.

⁶⁶ Брикнер А. История Екатерины Второй. М., 1998. С. 12.

⁶⁷ Переписка великой княгини. С. 27, 35, 47-48.

князь и вы явились почти тотчас, но не прежде, как присяга вам обоим не будет установлена и принесена министрами или министром, которого вы допустите первым к себе... Не принимайте никого худо в первые дни, но отличайте тех, которым вы покровительствуете. Примите облик, который не выражал бы ничего, кроме значительной твердости и хладнокровия. Если великий князь Павел здоров, вы должны были бы его предъявить на ваших руках на мгновение. Нет никакой необходимости даже думать о вашей безопасности или о вашей защите. Титул великого князя ясен, как ясный день, нет лучшего в Европе его. Все согнется, распрострется перед вами и взойдете на престол так же легко, как я сажусь за стол. **Если найдется завещание и если оно не совсем вашего фасона (в ваших видах) лучше его устранить** (выделено нами – Т.Л.)... Необходимо немедленно, чтоб великий князь собрал все гвардейские полки и показался им. Вот все, что я имею вам сказать по этой статье. Если будут настолько добры умереть (речь шла об ожидаемой кончине Елизаветы Петровны – Т.Л.), все остальное пойдет как по нотам»⁶⁸.

Как видно, британский посол учел при подготовке переворота, который планировала великая княгиня, все детали. Его ничуть не смущало наличие законного претендента на российский престол – великого князя Петра Федоровича. В расчет послом принимались исключительно интересы британского правительства, заинтересованного в том, чтобы на престол вошла именно Екатерина, симпатизировавшая и послу, и стране, из которой он прибыл. А для этого хороши были все средства. Однако планам двух заговорщиков не суждено было на этот раз сбыться: Елизавета Петровна поправилась.

Завоевав доверие Екатерины, посол стал обращаться к ней с просьбами об информации относительно намерений русского двора, прежде всего в вопросах внешней политики. В ту пору Великобритания и Франция соперничали за первенство в заключении союза с Россией. С Францией в 1747 году отношения были прерваны, но в октябре 1755 года в Петербург прибыл агент секретной дипломатии Людовика XV Макензи Дуглас, задачей которого было добиться нормализации отношений. Елизавета Петровна на этот счет высказывалась доброжелательно; с ней солидаризировались ее фаворит Иван Иванович Шувалов и вице-канцлер граф Михаил Илларионович Воронцов. В то же время канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин выступал за союз с Англией; его поддерживала великая княгиня. Что же касается великого князя, то он явно симпатизировал прусскому королю.

В этих условиях Уильямс был вынужден приложить немало усилий, чтобы помешать французам закрепить свои позиции при русском дворе. В одном из писем к Екатерине посол просил «дать знать» о любой информации по этому вопросу, которая до нее дойдет. В ответ великая княгиня поделилась впечатлениями от разговора с Иваном Ивановичем Бецким, который высказался в поддержку приглашения в Россию французского посла. На его взгляд, «искусства и науки нам нужнее, чем всякое другое... Французы, убедившись в том, что им покровительствуют, поселились бы здесь и содействовали процветанию искусств и наук, для введения которых посол был бы полезен». «Вот это отлично, – парировала в ответ Екатерина, – если мало будет выгоды для торговли, мы зато получим целые тюки остроумия... Наши щеголи будут наиболее в барыше, придет к ним некто, кому они будут подражать»⁶⁹. А далее великая княгиня, обещая впредь сообщать послу все, что ей «покажется достойным внимания», извещала его о прошедшей «конференции», на которой «было единогласно постановлено» обеспечить необходимой защитой Ганновер (владения короля Великобритании – Т.Л.). Уильямс пришел в восторг от разговора Екатерины с Бецким («Ваши возражения достойны здравого рассудка Ришелье и ума Мольера»), но более всего от решения конференции («Какой благодарности к вам я должен быть преисполнен за известие о постановлении конференции, состоявшейся в

⁶⁸ Там же. С. 208.

⁶⁹ Там же. С. 6.

прошлую пятницу! Великий канцлер уже велел мне передать, что все идет отлично; но я не знал подробностей»)⁷⁰.

Тем временем Екатерина предпринимала попытки оказать влияние на великого князя. Поначалу ей это удалось. Петр Федорович отказался поставить свою подпись под докладом об учреждении посольств во Франции и в России. Однако через несколько дней британский посол получил «дурные вести», о чем тут же проинформировал Екатерину: «Почти достоверно, что этот двор вместо гарантии Ганновера, как вам передали, не желает даже принять условленных 100 000 фунтов стерлингов. Дело о французском посольстве совершенно решено... Как это могли вам сказать, что хотели обеспечить Ганновер? Я знаю их план (и это план великого канцлера); он заключается в том, чтобы предложить новые переговоры с целью их затянуть и выиграть время до приезда французского посла к этому двору, не обещая английскому королю никакой помощи, ни даже доброго расположения со стороны России». И далее Уильямс просил советов и содействия великой княгини («Я их прошу у вас на коленях») рекомендовать ему новых друзей. «Укажите мне их; и я очень опасаясь, чтобы и вам они не были также нужны, так как канцлер уже в руках Австрии и Франции». Впрочем, сам посол неплохо разбирался в расстановке сил при дворе, судя по тому, что советовал Екатерине сообщить Бецкому, что «в доказательство своей привязанности он бы помешал приезду французского посла, прибавляя, что в этом заключается самое большое сокровенное желание великого князя»⁷¹.

Предпринимаемые послом действия по недопущению сближения России с Францией продолжались, и Екатерина в том ему активно помогала, расценивая ожидаемый приезд посла Франции «с презрением», а его самого как «врага, вооруженного с ног до головы». Она пыталась оказывать влияние на сановников, убеждая посла, что Нарышкин пойдет к Ивану Ивановичу Бецкому и подтвердит, что докажет свою привязанность к великому князю, препятствуя приезду французского посла. Не исключено, что именно Екатерина инспирировала отказ супруга подписать бумаги о приглашения ко двору французского дипломата. «Вчера императрица велела спросить у великого князя, кто ему отсоветовал подписаться, – извещала великая княгиня Уильямса. – Он ответил с досадой... что никогда не заставят его играть роль бесчестного человека и подписать то, чего он не одобрял».

То, что на решение великого князя противиться подписанию доклада повлияла его супруга, свидетельствует письмо Екатерины от 11 августа 1756 г. Она заверяла дипломата в том, что на ближайшей конференции императрица спросит у великого князя причины отказа подписать им доклад и получит ответ, что ему «было невозможно подписать по совести то, что он признает вредным, и что французский посол может прибыть сюда с одной целью заводить козни». Уильямс остался доволен позицией «молодого двора». «Великий князь отлично сыграл свою роль, – писал он. – Я горжусь этим доказательством его благосклонности и доверия»⁷².

Однако вскоре великий князь, не выдержав давления со стороны канцлера и Апраксина, все же подписал бумаги, заявив, что сделал это только для того, «чтобы понравиться императрице, но вовсе не потому, чтобы он одобрял самое дело». Тем не менее, Екатерина попросила Уильямса написать Петру Федоровичу благодарственное письмо, полагая, что он заслужил это, «хотя бы за его доброе намерение». Посол, моментально отреагировав на просьбу Екатерины, отправил послание великому князю, попросив при этом возвратить его по прочтении. «Ваше Высочество, – писал Уильямс. – Мне очень хорошо известно, насколько король, мое отечество и я сам обязаны Вашему Императорскому. Король... в состоянии оказать Вашему Императорскому Высочеству знаки своей дружбы, и он к этому очень склонен. Мое отечество, находящееся в союзе с Россией непрерывно в течение двух столетий, всегда сохранит за то

⁷⁰ Там же. С. 12.

⁷¹ Там же. С. 25.

⁷² Там же. С. 27, 31, 34.

живую благодарность, что же касается меня, то моя привязанность и моя преданность особе вашего императорского высочества и ее выгодам прекратятся только с моей жизнью». А далее Уильямс продолжал: «Я не удивился тому, что Ваше Императорское Высочество воспротивились задуманным мерам к учреждению французского посольства при этом дворе. Версальские министры интриганы и предприимчивы при всех дворах, и они довольно блестящим образом доказали это в С. Петербурге... И если сегодня Франция делает вид, что ищет дружбы императрицы, то она это делает скорее с намерением повредить Великобритании, чем с целью предоставить какую-либо выгоду этой империи»⁷³. Как видно, и посол, и Екатерина стремились к тому, чтобы великий князь стал их союзником в деле, направленном на сближение с Великобританией.

Каким же образом послу удалось не только быстро войти в доверие к великой княгине, но и оказывать на нее столь значительное влияние? Прежде всего Уильямс использовал для этой цели своего протеже – Станислава Понятовского, всячески поощряя его тайную связь с Екатериной. На будущего короля Польши великая княгиня произвела неизгладимое впечатление. «Ей было 25 лет, – описывал Понятовский одну из первых встреч с Екатериной. – Оправляясь от первых родов, она расцвела так, как об этом только может мечтать женщина, наделенная от природы красотой. Черные волосы, восхитительная белизна кожи, большие синие глаза навывкате, много говорившие, очень длинные черные ресницы, острый носик, рот, зовущий к поцелую, руки и плечи совершенной формы; средний рост – скорее высокий, чем низкий, походка на редкость легкая и в то же время исполненная величайшего благородства, приятный тембр голоса, смех столь же веселый, сколь и нрав ее ... Она много знала, умела приветить, но и нащупать слабое место собеседника. Уже тогда, завоевывая всеобщую любовь, она торила себе дорогу к трону». Примечательно, что секретарь британского посла, красочно описывавший портрет своей возлюбленной, не обошел вниманием шифровальный столик, стоявший в комнате княгини. Он не преминул заметить, что «напряжение физическое пугало ее не больше, чем самый текст, каким бы... опасным ни было его содержание»⁷⁴. Как видно, Понятовский был неплохо осведомлен о секретной переписке своего патрона с великой княгиней.

Красивый поляк, влюбленный (или изображавший влюбленность?) в Екатерину, пленил княгиню. «Мы находили необычайное удовольствие в этих свиданиях украдкой, – писала в своих «Записках» Екатерина. – Не проходило недели, чтобы не было одной, двух или трех встреч, то у одних, то у других»⁷⁵. Роман развивался бурно, и посол этому активно способствовал, «тысячью различных способов» помогая Понятовскому связываться с Екатериной – хотя и делал это вопреки своему собственному желанию. Ведь он и сам был неравнодушен к красавцу-поляку. В одном из писем к Екатерине Уильямс писал: «Я полюбил Понятовского прежде, чем вы увидели его. Шесть лет прошло, как я его воспитываю, я всегда считал его моим приемным сыном... Друг столь привязанный, доверенный, столь ловкий и верный – бесценен... Он... разделяет мои горести и мои радости и ... любит меня без интереса... привязан ко мне без расчета и уважает меня только потому, что он знает меня. Правда, что я имею к нему нежность отца; он мой избранник, мой приемный сын, и я сам себе рукоплещу, когда я вижу каждый день, что мой рассудок и вы хвалите мой выбор»⁷⁶. В свою очередь, и Станислав с восторгом отзывался об Уильямсе: «Он мой благодетель, и гувернер, и наставник, и опекун, которому доверили меня родители. Он так давно и нежно любит меня». Впрочем, об отношениях британского посла и его секретаря всю сплетничали в свете. Клод Рюльер замечал: «Граф Понятовский свел в Польше искренние связи с сим посланником, и так как

⁷³ Там же. С. 37, 42, 44.

⁷⁴ Цит. по: *Елисева О.И.* Указ. соч. С. 298.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Переписка великой княгини. С. 82, 201.

один был прекрасной наружности, а другой крайне развратен, то связь сия была предметом злословия». Не исключено, что именно «особые» отношения Уильямса с молодым аристократом послужили причиной ревности посла, что однажды вылилось в публичный скандал и едва не привело к самоубийству Понятовского⁷⁷.

Как бы то ни было, но влюбленным вскоре пришлось расстаться. В начале августа 1756 г. саксонское правительство Речи Посполитой отозвало Понятовского на родину. Опечаленная Екатерина бросается искать утешения у посла, умоляя его изыскать способ возвращения любимого. Чуть ли не в каждом письме сэра Чарльза и Екатерины упоминается их общий фаворит. Великая княгиня просит Уильямса поспособствовать его назначению младшим гетманом в Польшу, а также информировать обо всем, что связано с этим человеком. «Вы просите у меня известий о нашем друге. Я вам посылаю их немедленно, – отвечал Уильямс, – и я льщусь тем, что письмо к вам очень вас обрадует». Екатерина отвечает: «Просьба, с которой он (Понятовский – *Т.Л.*) обращается к вам, сообщить ему, люблю ли я его, придает мне смелость вам признаться, что вы, извещая его о том, только подтвердите ему самую сухую правду. Его письмо мне доставило чувствительное удовольствие». Княгиня просит посла выслать Понятовскому тысячу червонцев, а также прислать его портрет, полагая, что это немного отвлечет ее «от неприятной перспективы пяти месяцев отсутствия» любимого. В ответ Уильямс советует великой княгине «всеми силами подвинуть возвращение Понятовского в качестве министра», добиваясь в том протекции от канцлера: «Действуйте твердо и мягко!» Екатерина следует совету и 11 сентября 1756 г. направляет канцлеру послание: «Возвращение графа Понятовского зависит исключительно от вас. Хотите ли вы обязаться в том, что граф Понятовский вернется сюда на Рождество, так как его возвращение вашими заботами есть цена, которую я ставлю за мою дружбу в настоящем и за мое покровительство в будущем?»⁷⁸

Однако не все идет так гладко, как хотелось бы тайным корреспондентам. 5 октября Екатерина извещает Уильямса, что намерена послать к канцлеру «просить удовлетворения» в разъяснении, почему императрица назвала Понятовского «шпионом прусского короля». «Я потребую бумаг, откуда она извлекает эти вещи, – даже не пытается скрыть своего гнева княгиня, – и подыму большой шум». Уильямс заверяет Екатерину, что «усердствует» в возвращении Понятовского, как и она сама: «Боже мой, как я желаю его возвращения для собственного утешения». Он также высказывал надежду, что когда-нибудь Екатерина вместе с королем Пруссии сделают Понятовского польским королем⁷⁹. (Это и произойдет, когда она станет императрицей – *Т.Л.*). Пока же ситуация для фаворита Екатерины и Уильямса складывалась явно неблагоприятно. Елизавета Петровна в разговоре с канцлером обмолвилась: «Подумают при дворе, что я влюблена в Понятовского», недоуменно прибавив: «для чего его посылают?». Тем не менее, императрица приказала приготовить для Понятовского красивый дом, хотя назначить его на пост министра, несмотря на рекомендации короля, решительно отказалась, как утверждали, «ввиду его большой дружбы с господином Уильямсом»⁸⁰. В результате создалась ситуация, при которой не только Екатерина, но и сэр Чарльз были вынуждены общаться с Понятовским тайно. 26 декабря 1756 г. Уильямс пишет Екатерине: «Я сам бы советовал ему (Понятовскому) никакого не делать вида, что имеет сношения со мною. Только он сам мог бы когда-нибудь убедить меня в том, что он отказывается от моей дружбы... Он говорит, что ему тяжело и жестоко поступать таким образом со мною. Скажите ему от моего имени, что один вид холодности между нами мне причиняет огорчение. Но убежденный, что такая мера

⁷⁷ Елисеева О.И. Указ. соч. С. 299–300.

⁷⁸ Переписка великой княгини. С. 37, 108, 129, 161.

⁷⁹ Там же. С. 196, 289.

⁸⁰ Там же. С. 271..

полезна ему и даже необходима, я вместо того, чтобы его порицать, совершенно одобряю его. Я надеюсь, что вы и он будете очень довольны тем, что я только что написал»⁸¹.

Теперь уже Екатерина вынуждена выступать посредницей между Понятовским и Уильямсом. «Граф Понятовский просит меня сказать вам, – извещает она посла, – что сердце у него обливается кровью из-за вас и что он повинуетя частью вашим собственным советам, избегая вас». При этом великая княгиня замечает, что ее горе «чрезвычайно», что она «унижена, смущена» тем, что явилась невинной причиной огорчений, которые терпят дорогие ей люди. В ответ Уильямс с горечью признается: «Ничто в мире после уверений, которые вы даете мне о сердце Понятовского, не убедит меня в том, чтобы он не был всегда моим самым дорогим другом. Я приму его как сына. Я не замолвлю с ним ни слова о политике. Наша речь будет вертеться вокруг вас, него и его семейства. Я впредь знаю, что слезы покажутся у меня на глазах, когда я обниму его. Пусть он делает и говорит, что ему будет угодно. Я убежден в том, что он любит меня, и этого мне довольно»⁸².

Наконец, Понятовский возвращается в Петербург, о чем Уильямс извещает Екатерину: «Я поздравляю вас столько же, как и себя, с приездом Понятовского, но припадая к вашим коленям, я прошу вас прибегать, по его приезде, к наивысшей осторожности, которую можно себе вообразить». Посол обещает Екатерине устроить ей свидание с любимым, но просит соблюдать всяческие предосторожности. «Будьте... очень осторожны по отношению к свиданиям, которые вы будете иметь с Понятовским, а в особенности, чтобы вы виделись с ним у него или в постороннем месте, но никогда у вас, – писал Уильямс. – Если вы войдете ночью, и если вас узнают, – об этом только все заговорят, и возбудятся подозрения. Но если он будет пойман при входе к вам, все кончено, и его участь будет решена»⁸³. Екатерина убеждает Уильямса, что тот будет «смирен, как ягненок», а сама она будет следовать советам посла неукоснительно.

Между тем, после возвращения Понятовского, когда для Екатерины появилась реальная возможность встречаться с любимым человеком, хотя и тайно, но уже без посредничества британского посла, необходимость в постоянной переписке с Уильямсом отпала. Оба корреспондента начинают обмениваться письмами нерегулярно, а вскоре их переписка и вовсе сходит на нет. И одной из причин тому, по мнению издателя писем, послужило возвращение ко двору графа Понятовского⁸⁴.

Однако не только сердечная привязанность Екатерины использовалась сэром Чарльзом для оказания влияния на великую княгиню. Не менее ощутимым рычагом давления оказались деньги. Екатерина находилась в весьма стесненном финансовом положении, нуждаясь в средствах, прежде всего для подкупа сановников, и иногда, к примеру, чтобы приобрести понравившиеся ей драгоценности. Познакомившись с Уильямсом, она решила обратиться за финансовой помощью к королю Великобритании, и вскоре получила благоприятное известие из Лондона: «Все, что вы предложили, разрешено с большим удовольствием, и 40 000 руб. находятся в ваших руках и в вашем распоряжении, – сообщал посол. – Король приказал вам передать самые что ни на есть во всем свете любезные слова». На следующий день Уильямс отправил Екатерине очередное послание, в котором передал адресованные ему слова короля: «Вы вручите деньги ее императорскому высочеству и **взамен получите от нее обязательство сообразно с тем, что она вам предложила** (выделено нами – Т.Л.). И вместе с тем король вам приказывает сказать великой княгине, насколько он чувствителен ко всем свидетельствам дружбы, которые он получает от ее императорского высочества, и вы должны ее уверить от имени короля в том, что он готов и всегда будет склонен ей давать доказательства

⁸¹ Там же. С. 309.

⁸² Там же. С. 310–311.

⁸³ Там же. С. 252, 302.

⁸⁴ Горяинов С.М. Указ. соч. С. XXV.

своего доверия и своей привязанности». Екатерина тронута знаками доверия Георга и просит Уильямса передать слова благодарности: «Моя благодарность королю, вашему государю, все увеличивается... Я надеюсь расплатиться с ним **скорее своими услугами, чем деньгами** (выделено нами – Т.Л.), которые надеюсь ему возратить в исправности... Его доверие мне льстит, я надеюсь его заслужить и с достоверностью поддержу мнение его величества». Давая подобные обещания, Екатерина сама себя убеждала: «в этом заключается благо России»⁸⁵. Судя по документу, общая сумма, полученная ею от британского монарха, составляла 44 тыс. рублей.

Передавать деньги великой княгине, высланные британским ведомством, вызвался сам Уильямс, заявив, что станет ее «верным банкиром». Посол давал советы Екатерине, как расходовать полученные средства («из этой суммы вы будете забирать, ... постепенно по мере потребности»), извещает, каким образом княгиня сможет их получать («относительно способа передачи денег, когда вам они будут нужны, ничего нет легче. Нарышкину стоит только сказать Сваллю принести мне записку от вас, и я перешлю сумму к Сваллю через него же. Нарышкин может ее взять у него»). Давая подобные советы, Уильямс беспокоился относительно своей личной безопасности («моя личная безопасность требует, чтобы никто не мог когда-либо доказать, что я вам доставлял деньги»). Однако самое главное, на чем настаивал посол, так это обязательство, которое великая княгиня должна дать королю, собственноручно переписав его с образца, который прислал сэр Чарльз. В письме Уильямса от 23 августа прилагался текст данной расписки: «Я получила из рук британского посла сумму в десять тысяч фунтов стерлингов (44 тыс. руб. – Т.Л.), которую я обещаю возратить Его Величеству великобританскому королю, когда он ее от меня потребует»⁸⁶. Екатерина подобную расписку дала (документ хранится в Государственном архиве)⁸⁷, хотя и сделала это неохотно, опасаясь, что расписка может попасть в посторонние руки. «Что вы торопитесь с моей распиской на деньги, – возмущалась Екатерина в письме к Уильямсу. – Еще недостает 4 тыс. рублей»⁸⁸. Даже в одном из последних писем к дипломату, зная, что тот покидает Россию, Екатерина просила об очередном займе. «Милостивый государь, – писала она, – я обязана вам ответом, который я не знаю, как сделать вам; с одной стороны много неудовольствия от вашего отъезда, а с другой затруднение вам сказать то, чего я хочу и как вам это сказать... Я буду говорить с вами прямо: **сделайте, чтобы мне дали вперед (если вы это могли бы) такую сумму, какую я получила; если это возможно, чтобы это было еще более в тайне, чем в первый раз** (выделено нами – Т.Л.), и не могло ли бы это прийти без того, чтобы знали здесь, что это для меня, но для вашего употребления или под другим каким-либо предлогом?»⁸⁹. Так или иначе, но, судя по переписке, становилось очевидным: деньги от короля Великобритании Екатерина получила в полном объеме. Елисеева упоминала о двух полученных ею от британцев займах: первый – 12 июля 1756 г. в размере 10 тыс., второй – 11 ноября в размере 44 тыс. рублей⁹⁰. Однако последняя просьба великой княгини о займе, судя по всему, осталась без ответа.

Надо признать, что британский посол также предпринимал попытки склонить на свою сторону великого князя. 23 августа 1756 г. Екатерина извещала Уильямса о том, что их с князем дом в Ораниенбауме «походил на английскую колонию» из-за многих англичан, которых пригласил и угостил великий князь. Княгиня интересовалась у сэра Чарльза, остались ли его соплеменники довольны оказанным приемом. Уильямс заверял: все англичане, возвративши-

⁸⁵ Переписка великой княгини. С. 54, 56–57, 63.

⁸⁶ Там же. С. 68, 79, 81.

⁸⁷ Там же. С. 255.

⁸⁸ Там же. С. 92, 257–258.

⁸⁹ Там же. С. 82, 92, 197,

⁹⁰ Елисеева О.И. Указ. соч. С. 303.

еся из Ораниенбаума, пребывают в восхищении, а сама Екатерина их просто околдовала. Хотя посол не обнаружил в великом князе своего сторонника, полагая, что тот «пруссак на смерть единственно из военного вкуса, и это доходит до того, что оно обратилось в страсть и основано на его темпераменте», тем не менее, считал необходимым заручиться поддержкой Петра Федоровича, ссужая его деньгами. «Знаете ли вы, что Его Высочество находится в большой нужде для получения 1600 рублей? – интересовался Уильямс у Екатерины. – Он просил Свалло достать ему их... я ему помогу. Простите ли вы мне этот шаг, так как я думаю, что это подарок, предназначенный для одной особы, которая носит титул любовницы»⁹¹. Как видно, дипломат был хорошо информирован не только о финансовом положении великого князя, но и о его сердечных привязанностях.

Тот факт, что иностранные дворы всегда стремились покупать расположение наследников и претендентов с целью изменения внешнеполитического курса государства, признавала О.И. Елисеева. «Елизавета взошла на престол на французские деньги, руководимая Шетарди, которому обещали прекратить войну России со Швецией, – отмечала она. – Сын Екатерины Павел за долгое царствование матери сближался то с одним, то с другим двором, получая займы, и, наконец, обрел постоянных союзников в Пруссии». И как бы в оправдание явно неблагоприятных поступков Екатерины Елисеева заключает: «В этом ряду сотрудничество нашей героини с британским послом – не исключение, а правило»⁹².

Как можно заметить, подкуп высших должностных лиц сделался обычным делом для британского посла. Не только великая княгиня и великий князь, но ряд высокопоставленных чиновников получали значительные денежные суммы от короля Великобритании через сэра Чарльза. Одним из них был известный канцлер граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. Горяинов так характеризовал его: «Великий канцлер... единственный из всех людей, стоявших тогда у власти, обладавший способностями государственного мужа, человек даровитый от природы и твердого характера, но плутоватый, корыстный.... был увлечен умом Екатерины и ее блестящими способностями,.. смотрел на нее, как на будущую государыню, и ... пользовался ее исключительным доверием»⁹³. Канцлер был сторонником союза России с Австрией и Англией, что и позволило Уильямсу включить его в орбиту своих союзников. По-видимому, посол начал вести какие-то переговоры с Бестужевым-Рюминым, во всяком случае, на это указывает его письмо, которое канцлер попросил возвратить Уильямса по прочтении. В письме в частности говорилось: «Ваша записка, милостивый государь, меня очень обрадовала, а в особенности в виду того, что вы убедились в моей привязанности. Это служит для меня полной наградой и уверением в том, что мои труды не пойдут напрасно в дело; будьте совершенно убеждены ... что о всю мою жизнь, и днем, и ночью, я устремлю свою мысль только на то, чтобы быть приятным и полезным для служения вам ... и даже в ущерб моей жизни, я буду вам верен»⁹⁴. И далее канцлер сообщал новости из Стокгольма, из которых можно было заключить, «как жестоко французские интриги действуют на шведскую нацию.., чего (интриг) мы также можем ожидать после приезда французского посла (в Россию) и мы должны быть настороже». 23 августа Уильямс известил Екатерину о просьбе канцлера денег у короля Великобритании. «Уже с некоторого времени великий канцлер просил меня предоставить ему крупную пенсию от короля, говоря, что ему давали здесь ежегодно лишь семь тысяч рублей, и что на такое жалованье он не мог жить по своему положению; что ему были известны интересы его отечества, что он знал, что они были связаны с интересами Англии, и что поэтому тот, который служил хорошо России, служил бы Англии, и что таким образом он мог служить королю, не

⁹¹ Переписка великой княгини... С. 72, 82, 264, 275.

⁹² Елисеева О.И. Указ. соч. С. 310..

⁹³ Горяинов С.М. Указ. соч. С. XIX.

⁹⁴ Переписка великой княгини. С. 50.

действуя против своей совести и не нанося вреда своему, что если бы король желал дать ему возможность жить сообразно с высоким чином, которым он был облечен, руки у него были бы свободны и он служил бы всегда только России и Англии». Посол отвечал, что хотя канцлер оказал королю незначительные услуги, тем не менее, он жалует ему ежегодную пенсию в 12 тыс. руб. Канцлер поначалу не решился поверить в такой исход дела, когда же пришел в себя, то попросил передать послу, что благодарит Его Величество: «Скажите ему, что мы заживем вместе наилучшим образом, что я сделаю все возможное для него, что постараюсь, чтобы приняли тотчас сто тысяч фунтов стерлингов (на содержание российских войск, направленных на защиту владений короля в Ганновере – *Т.Л.*), и что, если будет возможно, мы все покончим до приезда французского посла»⁹⁵.

Королевская пенсия, безусловно, подразумевала, что канцлер будет содействовать исполнению замыслов посла. Неудивительно, что Уильямс начал оказывать давление на Бестужева, чтобы заставить его ускорить возвращение ко двору Понятовского: «Я даю вам слово, – писал посол Екатерине, – что если он этого не сделает, я найду повод поссориться с ним; он никогда не получит ни одного су своей пенсии. Он беден теперь, но он будет вам служить, или я ему более не помогу». В другом письме Уильямс обещал Екатерине: «Я поссорюсь с ним, я поссорю его с моим двором. Я это сделаю для вас и моего друга»⁹⁶. Однако канцлер не был всемогущ, а может и не очень-то желал возвращения ко двору графа Понятовского. Во всяком случае, хотя он и заверял Уильямса о своем желании «сделать все» для английского короля, тем не менее, оттягивал решение столь важного для посла и великой княгини вопроса. В письме от 12 сентября Уильямс передал Екатерине свой разговор с канцлером, во время которого заявил, что обещанная ему денежная сумма «очень крупна», и что в настоящее время деньги находятся у него в руках. «Тогда у него (Бестужева-Рюмина – *Т.Л.*) слюнки потекли, его глаза заблестели, он мне пожал руку: “Мы сделаем хорошие вещи”, сказал он. И я убежден, – продолжал посол, – что он так много думал об этих деньгах, что всю ночь не спал»⁹⁷.

Примечательно, что высокопоставленный сановник не только не отказывался от пенсии короля Великобритании, но даже не стеснялся просить уплатить ему пенсию за полгода вперед!⁹⁸ Однако Уильямс не торопился исполнить его просьбу, прежде, чем не дожидается выполнения со стороны канцлера его обещаний.

Из переписки великой княгини с послом мы узнаем, что не только Бестужев-Рюмин получал деньги от Уильямса, но и другие высокопоставленные чиновники не стеснялись брать взятки от иностранных послов. Так, в письме от 7 ноября Уильямс, говоря о канцлере, упоминал, что не знает, сколько Бестужев получил от венского двора, но что он «отлично осведомлен о сумме, которую получил Апраксин». Двумя неделями позже посол извещал Екатерину о том, что «французский двор делал подарок ценою от восьми до десяти тысяч рублей вице-канцлеру за то, что он восстановил назначение послов между обоими (русским и французским – *Т.Л.*) дворами»⁹⁹. Как видно, мздоимство высокопоставленных чиновников при дворе Елизаветы Петровны являлось делом привычным. «Рассказ о продажности русского кабинета – общее место дипломатических донесений из Петербурга середины XVIII в.» – утверждала О.И. Елисеева, приводившая примеры мздоимства сановников, среди которых значились имена супругов Трубецких, братьев Шуваловых, вице-канцлера М.И. Воронцова и других¹⁰⁰. Нередко члены правительства становились пенсионерами сразу от нескольких держав. К примеру, тот

⁹⁵ Там же. С. 77–78.

⁹⁶ Там же. С. 135, 153.

⁹⁷ Там же. С. 156.

⁹⁸ Там же. С. 298.

⁹⁹ Там же. С. 252, 282.

¹⁰⁰ Елисеева О.И. С. 311.

же М.И. Воронцов, известный сторонник сближения с Францией, обещал Уильямсу изменить свою позицию, если получит достойное вознаграждение от англичан. «Эмиссар Воронцова сказал мне, что... я ни разу не обращался к вице-канцлеру надлежащим образом, – сообщал в Лондон сэр Чарльз, – что дом, который он строит в городе, был начат на английские деньги, но уж пять или шесть лет не может быть завершен, поелику сие также должно произойти за счет английских средств... Ежели не дам денег я, дадут другие»¹⁰¹.

Чем же расплачивались сановники за полученные от иностранных послов немалые суммы? Бестужев-Рюмин усердно «отрабатывал» английские деньги. Так, он делал все возможное, чтобы помешать сближению России с Францией. Как писала Екатерина, канцлер ей казался «очень подогретым Англией» и старался внушить отвращение к «французским козням, чтоб им воспрепятствовать». «Вот, что произвели 12 000 рублей!», – заключала великая княгиня и советовала послу продолжать свои действия, уверяя, что английские деньги непременно возьмут: «всеми руководит выгода, и в тот момент, когда Ивану Ивановичу (Бецкому) понадобятся деньги, он настоит на их принятии, чтобы получить из них свою долю, и их займут у коллегии иностранных дел, так как, между прочим, нужно вам знать, что кабинет занимает у всех коллегий, и что он должен несколько миллионов, которые пошли на пустяки»¹⁰². Во время одной из бесед с Уильямсом, которая продолжалась «два добрых часа», канцлер заявил, что посоветует великому князю «просить постоянно заседать на конференции» (где речь шла о приглашении французского посла в Россию – Т.Л.), в противном случае он грозился, что вообще «не будет подписываться под докладом». Именно Бестужев способствовал возвращению Понятовского ко двору. Он также настоятельно добивался упрочения отношений с Великобританией. 15 октября 1756 г. Екатерина пишет Уильямсу: «Канцлер велел сказать мне, что вчера на конференции хотели всеми силами порвать с Англией... он с яростью воспротивился этому, представляя стыд, гибель торговли, малую добросовестность Франции... Апраксин его поддержал... Потом канцлер велел просить меня написать вам письмо для того, чтобы вам сказать, .. что он взял верх над всеми, что не порвут вашего договора и что с целью сделать удовольствие Англии, он будет благоприятнее к прусскому королю, чем был до того, что наше войско, хотя оно перешло границы, далее не пойдет»¹⁰³.

В том, что канцлер защищал при дворе интересы Великобритании, Екатерина не сомневалась и пыталась в этом убедить посла. В письме от 8 января 1757 г. Екатерина писала о канцлере: «Какой бы он ни был, это – человек мне привязанный, единственный с головой, которого я имею, единственный, который мог бы быть мне полезен... Он враг Пруссии, но он не враг Англии. Я знаю из разных сторон и, между прочим, от графа Понятовского, что он поддерживает при всех случаях и говорит совершенно ясно во всех дворах, что необходимо, чтобы Россия оставалась другом Англии. Ваши таланты могут вызывать в нем зависть, он может вас не любить, но будьте уверены, что он менее всего враг вашего отечества»¹⁰⁴. Впрочем, иногда канцлер разочаровывал великую княгиню. К примеру, он не воспротивился решению императрицы отказать в вывозе хлеба из Лифляндии для ганноверских штатов, главой которых являлся король Великобритании. Уильямс был возмущен подобной позицией сановника и не преминул сообщить о том Екатерине. Великая княгиня с его мнением согласилась. «В самом деле, милостивый государь, – писала Екатерина Уильямсу, – я очень недовольна отказом, который вам сделали насчет хлеба, и я дам это очень сильно почувствовать канцлеру; как связать этого человека, если он не связан благодарностью, которую он обязан королю, вашему госу-

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Переписка великой княгини. С. 90.

¹⁰³ Там же. С. 199, 205.

¹⁰⁴ Там же. С. 318.

дарю?»¹⁰⁵. Как видно, оба корреспондента ничуть не сомневались в том, что подкупленный чиновник просто был обязан «отработать» полученные от короля Великобритании деньги.

Если подкупленные сановники старались действовать в интересах Великобритании, то в чем заключалась «благодарность» великой княгини, получившей солидную финансовую поддержку от короля Георга II? В одном из писем Екатерина заверяла Уильямса в своем желании «расплатиться» с королем и с английской нацией, «сделав все возможное» с помощью канцлера и других чиновников, «чтобы помешать всем глупостям». Великая княгиня уверяла Уильямса в том, что союз с Англией всегда будет для нее «священным», и что она считает его «полезным и необходимым для России»¹⁰⁶. Завоевав доверие Екатерины, Уильямс начинает ее инструктировать, как действовать в том или ином случае, какие шаги предпринимать, на кого положиться из числа придворных и т.д. Так, посол, не доверяя канцлеру, писал Екатерине: «Как можно скорее сделайте что-либо решительное с канцлером. Посмотрите, друг ли он ваш, то есть, хочет ли он вам служить в том, что желательно вам, так как если он не хочет, нужно произвести перемену, и я уже обдумал план о том». В другом письме Уильямс побуждал Екатерину действовать более решительно: «Если, наконец, великий канцлер не хочет вам служить, нужно принять другие меры; и я умоляю вас вовремя их обдумать, и я о них также подумаю»¹⁰⁷. Уильямс настоятельно советовал Екатерине «порвать» с канцлером, обвиняя его в предательстве ее интересов. Он также настаивал, чтобы княгиня была более настойчива в отношении приближенных Елизаветы Петровны. «Если они (речь шла об Апраксине и братьях Шуваловых – Т.Л.) хотят иметь надежду на ваши будущие милости, – писал посол, – то нужно, чтобы они заслужили их, как привязываясь к вам, так и следуя теперь велениям вашей воли, и что без этого вы изменитесь в поведении. Если они предложат повиноваться вашим приказам, я вам доставлю материал для того, чтобы испытать их покорность и чтобы служить пробным камнем их преданности»¹⁰⁸. Уильямс советовал великой княгине более полагаться на Нарышкина и Трубецкого, которые верны ей.

Екатерина охотно следовала советам британского посла. Так, обсуждая с ним кандидатуру будущего вице-канцлера (после занятия ею престола!), она обрадовалась, что посол одобрил ее выбор в лице Панина. Екатерина советовалась с Уильямсом по поводу кандидатуры Бутурлина как возможного их союзника. «Бутурлин прислал мне предложить свой голос на советах, прибавив, что он готов слепо следовать тому мнению, к которому я бы желала, чтоб он примкнул, лишь бы он знал его, – писала Екатерина. – **Я предоставляю вам решить это** (выделено нами – Т.Л.) и думаю, что, несмотря на его слабость и плутовство, мы могли бы извлечь пользу из него»¹⁰⁹. Узнав о беспокойстве Уильямса за свою безопасность, Екатерина извещает его о том, что направила канцлеру записку, в которой «имела случай изложить очень кстати» то, что **ей «продиктовал»** (выделено нами – Т.Л.) посол. «Я ко всему этому присовокупила крепкую клятву в том, что вы вовсе не его враг, как он мне это вполне определенно сказал очень туманными намеками», – завершала свое послание великая княгиня¹¹⁰. Когда же канцлер не ответил на одно из ее писем, то она известила посла, что будет «применять» его правило: «никогда не быть в крайне хороших отношениях с ним», когда того пожелает. А далее Екатерина советовала воспользоваться алчностью канцлера, которая «подобна алчности паши», и которая навела ее на мысль предложить ему деньги.

¹⁰⁵ Там же. С. 327.

¹⁰⁶ Там же. С. 184, 281.

¹⁰⁷ Там же. С. 134, 145.

¹⁰⁸ Там же. С. 215..

¹⁰⁹ Там же. С. 211, 112.

¹¹⁰ Там же. С. 254.

Время от времени Екатерина сообщала Уильямсу информацию об обсуждении при дворе («на конференции») вопросов внешней политики России¹¹¹. Она передавала послу важные документы, попавшие ей в руки, с просьбой вернуть их по прочтении. В частности, перевод депеши из Турции чрезвычайно заинтересовал посла, который его «прочел с удовольствием три раза». «Я позволю себе сохранить на два или три дня бумагу по константинопольским делам, – писал Уильямс. – Я хотел бы знать, что сказала императрица, прочитав эту депешу»¹¹². Иногда посол сам проявлял инициативу и просил свою корреспондентку разузнать об интересующих его событиях. «Я прошу вас постараться узнать, что произошло на конференции в воскресенье вечером и вчера утром, – писал Уильямс 22 октября. – Дуглас (посланник Франции, – Т.Л.) просит конференцию, чтобы сделать большие предложения со стороны французского короля». Когда же британцу не удалось помешать заключению Версальского договора, он попросил великую княгиню «раскричаться против такого коварства» и «объявить канцлеру, что великий князь воспротивится этому всеми своими силами и что вы будете смотреть, как на врагов России, на всех тех, которые будут способствовать такому делу»¹¹³.

Весной 1757 г. положение британского посла при дворе императрицы заметно ухудшилось. Ему перестали доверять. 22 марта Екатерина извещает Уильямса о том, что издан приказ «распечатывать все письма иностранных министров», который направлен скорее всего против него одного. В ответ посол писал: «Я уверяю вас, что уже более года, как я с почты не получаю никаких писем без явных признаков того, что они были распечатаны, и я ожидал, что если бы был дан новый приказ по этому поводу, то он бы состоял в том, чтобы их задержали совершенно». И далее Уильямс заверял княгиню, что будет «на страже» по отношению к своей переписке¹¹⁴. Однако это не помогло. Потерпев неудачу в переговорах с канцлером и вице-канцлером, которых старался всеми силами привлечь на свою сторону, посол вскоре заболел и попросил правительство себя отозвать. Пока же, дожидаясь решения из Лондона, он продолжал «дружить» с Екатериной, всячески стараясь заручиться ее поддержкой.

Почти ежедневно корреспонденты обменивались письмами, и Уильямс нередко напоминал великой княгине о выгодах России от союза с Англией. Подобный союз, полагал посол, существует «без перерыва» со времен Ивана Васильевича (Грозного), он «древний и естественный» для обоих государств и выгоден каждой из сторон. Екатерина соглашалась с мнением посла, заявляя, что союз с Англией «полезен и необходим для России», и всегда останется для нее «священным»¹¹⁵. Примечательно, что в одном из писем великая княгиня обращалась к истории установления дипломатических отношений Московского государства с Англией. «Несколько лет тому назад, – вспоминала Екатерина, – я видела подлинный договор за подписью Елизаветы (Тюдор – Т.Л.), заключенный этой королевой с Иваном Васильевичем (Грозным). Он находится в московских архивах. Этот государь, хотя и был тираном, был великим человеком, а так как я постараюсь, насколько мне позволит моя природная слабость, подражать великим людям этого края, **я надеюсь украсить также когда-нибудь ваши архивы моим именем**» (выделено нами – Т.Л.). Уильямс согласился с мнением великой княгини в том, что Иван Васильевич «был очень великий государь», и что Петр Первый придерживался того же мнения. «Знаете ли вы, что во время восстания против него он попросил у Елизаветы убежища? А Елизавета была, по меньшей мере, столь же деспотична, как и он», – утверждал посол¹¹⁶. Заметим, что столь высокая оценка личности Ивана Грозного будущей императри-

¹¹¹ Там же. С. 12–13.

¹¹² Там же. С. 50, 79, 81.

¹¹³ Там же. С. 219, 242.

¹¹⁴ Переписка великой княгини. С. 332–333.

¹¹⁵ Там же. С. 80, 201, 281.

¹¹⁶ Там же. С. 91, 106.

цей, равно, как и британским послом, а также упоминание последнего о деспотичности английской королевы могут служить опровержением высказываний ряда современных историков о «кровожадности», «жестокости», «тирании» русского царя, противопоставляя ему «хороших» европейских правителей¹¹⁷.

Переписка великой княгини с британским послом завершилась летом 1757 года. После возвращения в Россию Понятовского и получения значительных денежных сумм от короля Георга II Екатерина заметно охладела к Уильямсу. Впрочем, она по-прежнему продолжала заверять его в своей дружбе и уважении, подчеркивая, что советы посла были ей полезны и «возбудили дружбу и живейшую благодарность». «Вы будете звеном, которое скрепит естественную дружбу, которая должна существовать между нашими обеими родинami, – обращалась она к Уильямсу, – а какое звено более крепкое, как то, которое основано на уважении, и на доверии самом заслуженном? Мы преодолеем вместе наших врагов», заключала Екатерина¹¹⁸.

Особого внимания заслуживает одно из последних писем Екатерины Уильямсу (не имеющее даты), в котором она просит передать слова благодарности королю Великобритании: «Я смотрю на английскую нацию, как на ту, союз с которой самый естественный и самый полезный для России, и эта идея укрепила во мне **воспоминанием о личных обязательствах, по которым я должна и по которым я всегда хотела бы быть должной английскому королю, так как я истинно привязана к нему... Я охотно окажу мою поддержку кому бы то ни было, услугами коего английский король захочет пользоваться здесь**» (выделено нами – Т.Л.)¹¹⁹. Прекрасно сознавая, какую помощь (не только своими советами, но и финансами) оказал ей британец, в своем прощальном письме от 2 июля 1757 года Екатерина пишет: «Моя дружба и моя благодарность к вам дошли до того, что... я никогда не буду в состоянии ничем расплатиться с вами. **Я обращаю поэтому, коль скоро я смогу, мои обязательства к вам на благо вашей родины...**» (выделено нами – Т.Л.). Екатерина заверяла Уильямса в том, что почитает и любит его как отца и счастлива тем, что приобрела его дружбу: «Прощайте, милостивый государь, я желаю вам всего счастья, которое вы заслуживаете, а мне – то, чтобы я могла когда-нибудь воспользоваться вашими советами»¹²⁰.

Вскоре британский посол был отозван на родину и осенью покинул Россию. В начале ноября 1757 года Уильямс достиг Гамбурга, где серьезно заболел. В Англию его перевезли психически больным. Еще год Уильямс лечился, пребывая в своем поместье, однако так и не смог поправиться. Потеряв рассудок, 2 ноября 1759 года он покончил с собой. Известный дипломат и наставник будущей российской императрицы был погребен в Вестминстерском аббатстве.

Очевидно, что дипломатическая миссия сэра Чарльза Уильямса в Россию потерпела неудачу: он не сумел воспрепятствовать возвращению в Петербург французского посла, а значит, и предотвратить сближение России с Францией. Ему также не удалось помешать началу военных действий против Пруссии и подписать новый договор о гарантии владений короля Великобритании в Ганновере. 11 января 1757 года Россия присоединилась к Версальскому договору Австрии и Франции и тем самым оказалась в стане противников Великобритании. Формально Российская империя сохраняла с Великобританией дипломатические отношения, однако более чем 20-летний период сближения двух держав закончился. Принадлежность к коалициям, противостоящим друг другу в Семилетней войне, еще больше развела два государства, и лишь революционные события во Франции в конце XVIII века их вновь сблизили¹²¹.

¹¹⁷ Подробнее об этом см.: Лабутина Т.Л. Англичане в допетровской России. СПб., 2011. С. 204–206.

¹¹⁸ Переписка великой княгини. С. 334, 338.

¹¹⁹ Там же. С. 338–340.

¹²⁰ Там же. С. 340–342.

¹²¹ Подробнее см.: Яковлев Н.Н. Указ. соч. С.207–208.

Более успешной оказалась деятельность посла в другой области. Информация, которую поставляла Екатерина Уильямсу, по-видимому, была не столь безобидной, если заставила историка Я. Л. Барскова признать, что великая княгиня выступала «на ролях английской шпионки»¹²². Насколько справедливо подобное утверждение исследователя творчества Екатерины II, судить трудно, но то, что посол оказывал на великую княгиню огромное влияние, очевидно. Кто знает, как сложились бы отношения тайных корреспондентов в дальнейшем, если бы Уильямс дожился до восшествия его «подопечной» на трон. Ведь он в шутку или всерьез предлагал свою кандидатуру на пост первого министра в ее будущем правительстве, быть может, памятуя о роли Эрнста Иоганна Бирона при Анне Иоанновне.

Став императрицей, Екатерина с неохотой вспоминала о своей переписке с Уильямсом. Продажа информации за деньги, подготовка государственного переворота в интересах иностранной державы, наконец, любовная связь с иностранным подданным – словом все, что нашло отражение в переписке, она старалась поскорее забыть. Не случайно в своих последних мемуарах знакомство с британским послом и Понятовским императрица описывала довольно бегло, а о своей роли в событиях, связанных с ними, вообще ни словом не обмолвилась. Как отмечала М.А. Крюкова, 1756 год оказался самым «провальным» в мемуарах Екатерины. Полный вариант мемуаров скорее замалчивает события, чем сообщает о них. «Описание этого года – наглядный пример, как Екатерина-мемуаристка умела молчать и сколько всего она могла оставить за кадром своих «Записок», – заключает автор¹²³. Не случайным нам представляется и тот факт, что в правление Екатерины II министры стали избегать контактов с иностранцами, поскольку «получение взятки от иностранной державы начали рассматривать как постыдное деяние. Его совершали в тайне, боясь разоблачения»¹²⁴. По-видимому, близкое знакомство с британским послом послужило императрице хорошим уроком и заставило ограничить контакты сановников с иностранными дипломатами. Возможно, неблагоприятная роль Екатерины, выявившаяся из ее переписки с послом, побудила ее потомков – императоров Александра II и Александра III держать ее в тайне от общества, чтобы не компрометировать династию Романовых.

Как бы то ни было, визит Уильямса в Россию не прошел бесследно для будущей российской императрицы. Общение с опытным послом явилось для молодой Екатерины своеобразной школой искусной дипломатии, прекрасно освоенной ею в зрелые годы. Возможно, что близкое знакомство с Уильямсом способствовало также зарождению у нее заметного интереса к британской культуре, что и могло привести к зарождению мифа об англomanии и англофильстве в России в ее царствование.

¹²² См.: Елисеева О.И. Указ. соч. С. 308.

¹²³ Крюкова М.А. Мемуары Екатерины II и их время. Указ. соч. С. 221.

¹²⁴ Елисеева О.И. С. 312.

Глава вторая

Роберт Кейт и его оценки событий дворцового переворота 1762 года

Великая княгиня Екатерина Алексеевна Романова, как известно, пришла к власти в результате государственного переворота в 1762 году. О том, как происходили эти события, она поделилась в переписке со своим возлюбленным – Станиславом Августом Понятовским. В какой мере изложенные ею факты отличались объективностью и достоверностью можно узнать, сопоставив их со свидетельствами очевидцев указанных событий. Одним из них оказался британский посланник в России Роберт Мюррей Кейт.

Вряд ли Роберт Кейт (–1774) являлся выдающимся дипломатом Великобритании, если судить по его довольно скромной биографии. Во всяком случае, его брат генерал Джеймс Кейт был более известен в России: с 1740 г. в качестве гроссмейстера он возглавил масонскую ложу, в которую охотно вступали российские дворяне. Что касается самого Роберта, то до прибытия в Санкт-Петербург в 1758 г., дипломат успел послужить при дворах Дрездена, Копенгагена, Вены. На своем посту в Петербурге Кейт пробыл четыре с половиной года, покинул Россию в октябре 1762 г.

Роберт женился на дочери сэра Уильяма Кэнингхема Маргарет в 1730 г., когда родился их первенец – Роберт Мюррей Кейт-младший. Наследника ждала блестящая карьера. Дослужившись до генеральского чина, он пошел по стопам отца, получив назначение посла при венском дворе. Второй сын Роберта – сэр Базиль Кейт не отставал от старшего брата. Избрав профессию морского офицера, он стал правителем острова Ямайки. Если о сыновьях Кейта сохранилась информация, то о его дочери Анне мало, что известно¹²⁵.

Надо заметить, что имя Роберта Кейта было хорошо знакомо его соотечественникам, особенно литераторам, которые в своем кругу называли его не иначе, как «посланник Кейт». Подобную известность он заслужил благодаря своему перу. Литературный талант посланника в определенной мере проявился и в донесениях, которые он отправлял в Лондон из Петербурга.

Роберт Кейт прибыл в Петербург в марте 1758 г. и в первых своих депешах в Лондон сообщал об аресте и отставке канцлера А.П. Бестужева и других придворных, приближенных к великой княгине. «Отставка канцлера, – писал дипломат, – была инициирована недоброжелателями Двора, а предлогом послужили его контакты с великой княгиней. И, как и предполагалось, все эти события оживили позиции французской партии». Кейт полагал, что арест Бестужева и усиление позиций французов при императорском дворе были связаны с появлением посла Франции в России. «Два посла – граф Эстерхази и маркиз де Лопиталь правили бал, как при дворе, так и в столице, – продолжал посланник. – Они также полностью подчинили своей воле великого князя, чтобы впоследствии оттолкнуть от него великую княгиню, которая оказывала на супруга большое влияние». Своеобразным «инструментом» в осуществлении замыслов французов выступил некто Брокдорф, принимавший вместе с великим князем самое активное участие в дебошах, на которые великая княгиня неоднократно жаловалась императрице. «К сожалению, ее жалобы не были услышаны, а ее недруги позаботились о том, чтобы с помощью фальшивых домыслов скомпрометировать великую княгиню в глазах императрицы, поэтому она чувствует себя очень неуютно при дворе», – отмечал Кейт¹²⁶. Он также предполагал, что великая княгиня к тому же «пребывала в печали» еще и из-за графа Понятовского,

¹²⁵ Memoires and Correspondence (Official and Familiar) of Sir Robert Murray Keith (далее – Memoires ...). Lnd., 2011. Vol. I. P. 1–2.

¹²⁶ Ibid. P. 30.

которого со дня на день должны были выслать из России. Вдобавок ко всему прочему была взята под арест ее любимая горничная.

Описываемые дипломатом события давали представление о том унижительном положении, в котором Екатерина находилась при дворе Елизаветы Петровны. Каким-то образом Кейт стал свидетелем приватного разговора императрицы с великой княгиней, о чем поведал в своих мемуарах. «Во время разговора, при котором одна сторона обвиняла, а другая предпринимала попытки оправдаться, великая княгиня, пытаясь найти выход из создавшегося положения, заявила, что поскольку она так несчастлива ... и ее обвиняют в разжигании семейных скандалов, что осложняет жизнь как императрице, так и ей самой, то Ее Величество может разрешить княгине покинуть Россию и провести оставшуюся жизнь со своей матерью. Что же касается великого князя, то в интересах империи он может жениться на другой женщине, против чего она не будет возражать». Во время этой беседы, свидетельствовал Кейт, императрица выглядела «очень взволнованной» и говорила с великой княгиней «мягче, чем обычно». Когда же княгиня упомянула о жестоком обращении с ней великого князя, который присутствовал при разговоре, то императрица «велела ей придержать язык и, понизив голос, заявила, что поговорит с ней обо всем наедине очень скоро»¹²⁷. После состоявшегося разговора, как полагал посланник, положение великой княгини заметно улучшилось и у нее появилось немало друзей среди придворных. По-видимому, императрица в обращении с великой княгиней решила сменить гнев на милость, перестав упрекать ее в чем-либо.

В своих мемуарах Роберт Кейт описал первый прием у императрицы Елизаветы Петровны, состоявшийся 30 мая 1758 г. «С момента приезда в Петербург я впервые увиделся с императрицей. Ее Величество после разговора с великим князем и великой княгиней, обратилась ко мне и в своей любезной манере уделила мне внимание, поговорив около четверти часа». Посланник свидетельствовал: императрица пребывала «в прекрасной форме, и не было видно и следа флюса на лице, из-за которого она не показывалась на публике». Он обратил внимание также на то, что великая княгиня «выглядела очень довольной»¹²⁸.

Трудно сказать, чем объяснялось «молчание» дипломата в отношении происходящих при дворе событий в 1758–1759 гг., но очередная запись в его мемуарах появилась лишь в мае 1760 г. и касалась личных просьб к государственному секретарю графу Холдернессу. Кейт высказывал пожелание поскорее возвратиться на родину. Он напоминал, что согласился на порученную ему правительством миссию не более, чем на два-три года, этот срок подходил к концу, и пора было подумать о его отзыве. Поскольку ситуация при российском дворе остается «стабильной», и ничто не угрожает интересам Великобритании, то это можно сделать в течение лета. «В моем возрасте естественно просить об отставке и возвращении в семью, с которой я не жил вместе около 20 лет, – продолжал сетовать Кейт. – Мое здоровье также оставляет желать лучшего, хотя я никогда не пытался, находясь на службе, на это ссылаться. Дважды переболел лихорадкой прошлой зимой, я с ужасом ожидаю приближения этого времени года. Все вышесказанное побуждает меня просить о скорейшей отставке»¹²⁹.

Примечательно, что в своем письме к государственному секретарю Кейт упоминал о значительной денежной сумме (100 тыс. фунтов стерл.), которые ему были доверены королем. Не исключено, что эти средства шли на подкуп высокопоставленных чиновников (возможно, что и самой великой княгини), судя по тому, что дипломат отмечал: «Эти суммы выплачивались время от времени различным лицам»¹³⁰.

¹²⁷ Ibid. P. 31.

¹²⁸ Ibid. P. 32.

¹²⁹ Ibid. P. 33–34.

¹³⁰ Ibid. P. 34.

В этой же депеше Кейт обращался с просьбой, чтобы его сыновьям оказали покровительство в продвижении по службе. «Это первая за всю мою двадцатилетнюю службу просьба, – писал посланник, – которую я прошу для себя лично ... Я никогда не просил о почестях, должностях, прибавке жалованья, и никогда не отказывался от поручений, полагая, что могу быть полезен на службе Его Величества»¹³¹. В завершение он почти умолял государственного секретаря похлопотать перед королем о своей отставке.

Однако правительство Великобритании не спешило удовлетворить просьбу дипломата: Кейту пришлось пробыть в России еще два года. В конце декабря 1761 г. в своих мемуарах он оставил запись о кончине императрицы Елизаветы Петровны и о вступлении на российский престол нового государя. «В тот же вечер, когда скончалась императрица, – писал посланник, – барон Лефорт, известный мастер церемониала, прибыл в мой дом (так же, как и в дома других иностранных министров) и сообщил, что на следующее утро император и императрица будут принимать наши соболезнования на галерее двора без особых церемоний. В указанное время я прибыл ко двору. Их Высочества (великий князь Петр III и великая княгиня Екатерина Алексеевна – *Т.Л.*) появились вместе и принимали нас доброжелательно. Затем мы имели честь отобедать с ними за столом, накрытым на 100 персон, где все ... бросали жребий, кому, где сидеть. Но главное, что я хочу сообщить, – продолжал Кейт, – это то, что император (он всегда относился ко мне доброжелательно) приблизился ко мне и шепнул на ухо, что надеется, я останусь с ним, поскольку днем раньше он направлял курьеров в армию с приказом не продвигаться в прусскую территорию, чтобы избежать всеобщего недовольства»¹³². Петр III также добавил, что генерал Чернышев отдал приказ вывести войска из Австрии, которые маршем возвращаются на родину.

Как видно из данного сообщения, симпатии к Пруссии император начал демонстрировать буквально с первых дней своего правления. Подобная политика российского государя отвечала интересам Великобритании, и потому Кейт спешил поздравить короля «со столь счастливым оборотом дел». «Я надеюсь, – писал дипломат, – король Пруссии счастливо выйдет из войны, а Его Величество сможет покончить со ссорой с Францией с почетом для себя и преимуществами для своего народа». Кейт предлагал воспользоваться создавшейся ситуацией и незамедлительно возвратиться к вопросу об обсуждении продления действия торгового договора с Россией. По-видимому, для этой цели предполагалось кого-то подкупить, если Кейт просил о выделении «необходимой денежной суммы» в свое распоряжение «в интересах королевской службы»¹³³.

Первые меры, принятые Петром III, нашли свое отражение в мемуарах Кейта. Он отмечал, что император стремится завершить войну (речь шла о Семилетней войне – *Т.Л.*) и заключить мир на «справедливых и разумных условиях». Посланник с удовлетворением отмечал, что Его Императорское Высочество «при каждом удобном случае выражает недовольство Францией и всем, что идет от Франции». В подтверждение своих слов он ссылался на выдворение из страны труппы французских комедиантов. В то же время император с большей симпатией стал относиться к британскому посланнику, посещая его дом и за приватной беседой выказывая «дружеское расположение» к королю Георгу III.

Бесспорный интерес в мемуарах Кейта представляют его высказывания о внутренней политике Петра III. Дипломат полагал, что император «ведет себя мудро и с достоинством в каждом деле». Он отправил в отставку своих недоброжелателей «со всей предупредительностью». Старый граф Лесток был освобожден из ссылки в день вступления императора на престол. Граф Хорст по освобождении получил 1 тыс. марок в качестве благодарности от импера-

¹³¹ Ibid. P. 35.

¹³² Ibid. P. 41.

¹³³ Ibid. P. 42.

тора, а также саблю из его рук. Но более всего подивили посланника намерения Петра провести реформы в государстве. Так, в январе 1762 года император впервые посетил Сенат, где объявил, что «знать и джентри России должны быть свободными и свободно общаться со знатью других европейских государств, а также поступать на их службу, не испрашивая особого позволения у него самого, а также других престолонаследников». «Милорд, – обращался посланник к госсекретарю графу Буту, – Вы не можете представить то удивление и радость, с которой знать встретила подобное заявление императора, почувствовав себя не рабами, а действительно свободными гражданами». Кейт обратил внимание на то, что император «не забыл и о простолюдинах». Он приказал снизить цену на соль и заявил, что впредь она должна оставаться неизменной. И хотя подобный указ существенно подрывал государственный бюджет, император желал хотя бы таким образом облегчить участь бедняков. «Подобные великодушные и щедрость императора вселили радость в сердца людей, одновременно возвышая авторитет императора в глазах европейских держав», заключал Кейт¹³⁴. Среди «благодетельств» императора дипломат упомянул также его распоряжение об упразднении Тайной канцелярии или «государственной инквизиции», которая, на взгляд Кейта, была еще «отвратительнее и ужаснее», чем испанская инквизиция. Примечательно, что перечисляя указы, изданные Петром III, Кейт отметил: было незаметно, чтобы императрица принимала какое-либо участие в государственных делах. И, как отмечалось в комментариях к мемуарам, это была существенная ремарка, объяснявшая последующие события (переворот 1762 г. – Т.Л.)¹³⁵.

Одна из последних записей, касающаяся правления Петра III, датировалась в мемуарах Кейта 23 марта 1762 г. Дипломат рассказывал о том, что был удостоен приглашения на аудиенцию к императору, на которой вручил ему полученное накануне от Георга III послание с поздравлением о вступлении на престол. В нем, в частности, говорилось о пожелании короля, чтобы «первые шаги Его Императорского Величества были направлены на достижение общественного мира, что принесет ему титул европейского миротворца». Поздравления короля были встречены, по словам Кейта, «с благодарностью и теплотой». Император заявил, что признателен королю за его добрые пожелания и что сам он был бы счастлив заслужить подобный титул и приложит все усилия к достижению «этой великой цели». После официальной части начался обед, на котором присутствовало около 40 персон. В середине первой перемены блюд император предложил тост за здоровье короля Пруссии, а к концу обеда «предложил выпить за всеобщий и счастливый мир». Собравшиеся, повествовал посланник, «с удовольствием этот тост поддержали»¹³⁶.

На этой восторженной ноте завершилось повествование Кейта в мемуарах о правлении императора Петра III. Далее он подробно описывал события дворцового переворота 1762 г., которые нашли свое отражение также в его депешах государственному секретарю. «В пятницу на прошлой неделе в девятом часу утра (в то время как я собирался в Петергоф на встречу к императору) ко мне в комнату вбежал один из моих слуг и в сильном испуге рассказал мне, что на другом конце города обнаружилось восстание. Гвардейские полки взбунтовались и замыслили ни более, ни менее, как свержение императора с престола, – сообщал посланник в Лондон. – Я узнал, что императрица находилась в городе ... гвардия и остальные полки гарнизона провозгласили ее своей государыней и императрицей, ... она в Казанском соборе, где служили молебен по случаю происшедшего события ... Члены всех высших коллегий и все знатные сановники присягали в верности новой императрице, что уже прежде того было сделано гвардией и всеми полками»¹³⁷.

¹³⁴ Ibid. P. 45.

¹³⁵ Ibid. P. 46.

¹³⁶ Ibid. P. 47–48.

¹³⁷ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе (далее – «Дипломатическая переписка...») // Сборник императорского русского исторического общества. Т. XII. СПб., 1873. С. 2.

Кейт обращал внимание, с одной стороны, на тот факт, что эти события были похожи на «внезапную революцию», которая вспыхнула и совершилась «не более как в два часа времени, причем не было пролито ни капли крови», а с другой, подчеркивал, что все происшедшее «замышлялось давно»¹³⁸. Слышать подобные слова из уст британского посланника неудивительно, поскольку, как мы помним, замысел и конкретный план переворота разрабатывался великой княгиней Екатериной Алексеевной с его предшественником – послом Великобритании Чарльзом Уильямсом еще летом 1756 г.¹³⁹ Между тем, Екатерина в письме от 2 августа 1762 г. сообщала Станиславу Понятовскому о том, что ее «восшествие на престол» замышлялось шесть месяцев, добавляя при этом, будто бы инициатива предприятия исходила не от нее самой, а от ее ближайшего окружения, а она просто «стала вслушиваться в предложения», которые ей делались со времени смерти императрицы Елизаветы Петровны¹⁴⁰.

В письме Понятовскому Екатерина подробно останавливалась не только на событиях, связанных, по ее собственной характеристике, с «переворотом», но и на причинах, которые его вызвали. Петр III «потерял ту незначительную долю рассудка, какую имел, – писала Екатерина. – Он во всем шел напролом, ... хотел сломить гвардию, для этого он вел ее в поход; он заменил бы ее своими голштинскими войсками, которые должны были оставаться в городе. Он хотел переменить веру, жениться на Л.В. (Елизавете Воронцовой), а меня заключить в тюрьму»¹⁴¹. Подобное поведение императора, по мнению Екатерины, и спровоцировало действия заговорщиков. Кроме того, указанные события, на ее взгляд, произошли «из ненависти к иностранцам», а Петр III «сам слывет за такового»¹⁴².

По мнению Роберта Кейта, причин, вызвавших «революцию» (так окрестил произошедшие события посланник), было несколько, главная из которых заключалась «в отнятии церковных земель и в пренебрежении императора к духовенству». Кроме того, большое недовольство вызвали попытки императора ввести строгую дисциплину в армии, особенно в гвардии, «привыкшей до того времени к лени и распущенности». Это недовольство еще более усилилось, когда Петр III вознамерился отправить большую часть гвардии в Германию для войны с Данией с целью защиты герцогства Голштинии. «К этой мере, – подчеркивал посланник, – и весь народ относился весьма враждебно, тяготясь новыми издержками и опасностями». И хотя государь, на взгляд Кейта, обладал «многими прекрасными качествами и в течение своего кратковременного царствования не сделал ничего жестокого; но дурное воспитание развило в нем отвращение от занятий, а неудачно выбранные любимцы еще более усилили в нем этот недостаток, отзывавшийся полным беспорядком во всех делах государственных». К тому же, император был безосновательно убежден в том, что «милости, щедро розданные им при вступлении на престол, навсегда укрепили за ним любовь народную, вследствие чего он предался полной беззаботности и бездействию, столь пагубно отразившимся на его судьбе ... Рассеянная жизнь и постоянная лесть низких личностей, окружавших его, вредно действовали на его рассудок», – заключал посланник¹⁴³.

Кто входил в число заговорщиков? По свидетельствам Екатерины, наибольшую активность проявили братья Орловы, «люди необычайно решительные» и очень любимые большинством солдат гвардии; шеф лейб-гвардии Измайловского полка, президент Академии наук граф К.Г. Разумовский (брат фаворита императрицы Елизаветы Петровны генерала-фельдмаршала А.Г. Разумовского – Т.Л.), князь Волконский, а также наставник цесаревича Павла Пет-

¹³⁸ Memoires... P. 53.

¹³⁹ См.: Глава I.

¹⁴⁰ Письма Екатерины к Понятовскому // Тайны и истории Екатерины II в воспоминаниях современников, оценках историков. М., 1998. С. 129–130.

¹⁴¹ Там же. С. 129.

¹⁴² Там же. С. 134.

¹⁴³ Дипломатическая переписка. Указ. соч. С. 8–9.

ровича Н.И. Панин. К указанному списку Кейт добавил имя главного начальника артиллерии Вильбуа. Он также указал на неблагоприятную роль фельдмаршала К.Г. Разумовского, который пользовался наибольшим расположением императора. За два дня до своего свержения Петр III обедал у него на даче, но стоило императору покинуть дом, отправившись в Ораниенбаум, как Разумовский помчался в Петергоф для переговоров с императрицей. На взгляд посланника, неизвестной в данных событиях оставалась роль камергера И.И. Шувалова¹⁴⁴.

По-разному Екатерина и Кейт осветили участие в заговоре известной княгини Е.Р. Дашковой, с которой посланник был лично знаком. Как писала в своих мемуарах княгиня, она и ее супруг находились в прекрасных отношениях с «уважаемым пожилым джентльменом», который относился к ней как к дочери и даже нередко так ее и называл. Дашкова подчеркивала, что Кейт был «в фаворе» у императора, наряду с прусским посланником. Ей запомнилась фраза, произнесенная британским дипломатом на вечернем приеме у него в доме. Обращаясь к императору, тот заявил: «Вы начали свое правление с решения добиться народной любви, но можете таким же образом ее потерять, не достигнув ничего, кроме презрения»¹⁴⁵.

Обращаясь к событиям переворота, или, по словам посланника, «революции», Кейт утверждал, что Дашкова принимала «самое ревностное участие в заговоре и от начала до конца много содействовала его успеху». Однако Екатерина была более скромного мнения о действиях своей приятельницы. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, младшая сестра любовницы Петра III Елизаветы Воронцовой, «хоть и желает приписать себе всю честь, так как была знакома с некоторыми из главарей, не была в чести вследствие своего родства и своего девятнадцатилетнего возраста и не внушала никому доверия; хотя она уверяет, что все ко мне проходило через ее руки, – писала Екатерина Понятовскому. – Однако все лица имели сношения со мною в течение шести месяцев прежде, чем она узнала только их имена. Правда, она очень умна, но с большим тщеславием ... соединяет взбалмошный характер и очень нелюбима нашими главарями; только ветреные люди сообщали ей о том, что знали сами, но это были лишь мелкие подробности». Императрица напоминала, что ей приходилось скрывать от княгини «пути, которыми другие сносились» с ней еще за пять месяцев до того, как она что-либо узнала, а за четыре последних недели ей сообщали так мало, как только могли». В этой связи Екатерина не скрывала своего возмущения поведением И.И. Шувалова, которого характеризовала как «самого низкого и самого подлого из людей» за то, что тот осмелился написать Вольтеру, что «девятнадцатилетняя женщина (Е.Р. Дашкова – Т.Л.) переменила правительство этой империи», и настоятельно просила Понятовского «вывести из заблуждения ... великого писателя»¹⁴⁶.

Если обратиться к «Запискам» самой Е.Р. Дашковой, то окажется, что она «начала агитацию» в пользу Екатерины Алексеевны в кругу офицеров – друзей своего супруга еще в апреле 1762 года. «... Я, не теряя времени, старалась утвердить в надлежащих принципах друзей моего мужа, капитанов Преображенского полка Пассека и Бредихина, – писала Дашкова, – братьев Рославлевых, майора и капитана Измайловского полка, и других. Я виделась с ними довольно редко, и то случайно, до апреля месяца, когда я нашла нужным узнать настроение войск и петербургского общества»¹⁴⁷. Судя по всему, юная приятельница императрицы действительно что-то знала о готовящемся заговоре, но вряд ли она могла открыто агитировать офицеров, призывая их к решительным действиям, направленных против императора, не опасаясь преследований с его стороны.

¹⁴⁴ Там же. С. 8.

¹⁴⁵ *Memoires...* Р. 60.

¹⁴⁶ Письма Екатерины к Понятовскому. Указ. соч. С. 133–134.

¹⁴⁷ Дашкова Е.Р. Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 30.

Заметим, что современники и историки неоднозначно оценивали роль Дашковой в подготовке дворцового переворота, но большинство склонялось к выводу о чрезмерно преувеличенной, или даже вымышленной ее роли в указанных событиях¹⁴⁸. М.М. Сафонов, признавая, что роль княгини в перевороте до сегодняшнего дня так и не определена, обращался к первым описаниям событий в письме Дашковой к русскому послу в Варшаве – Герману Карлу Кейзерлингу, что называется, «по горячим следам». Из анализа указанного документа становилось очевидным, что княгиня лишь подала мысль о необходимости спасения Екатерины Алексеевны в Измайловском полку после ареста одного из заговорщиков – капитана Преображенского полка П.Б. Пассека. «Все, что произошло после, явилось лишь следствием ее инициативы», – подчеркивал историк. Братья Орловы отнюдь не исполняли приказания Е.Р. Дашковой провозгласить императрицу самодержицей, потому что «такого распоряжения из уст княгини и не исходило вовсе. Это была их личная инициатива ... Орловы действовали на свой страх и риск и добились всего, чего хотели»¹⁴⁹.

Между тем, реальные заговорщики проделали, как полагала Екатерина Алексеевна, большую работу: «умы гвардейцев были подготовлены»; в тайну было посвящено от 30 до 40 офицеров и около 10 тыс. солдат. При этом, с гордостью констатировала будущая императрица, «не нашлось ни одного предателя в течение трех недель». План заговорщиков предусматривал арест императора «в его комнате», заключение под стражу, последующее его отречение от престола и провозглашение Екатерины российской императрицей. Примечательно, что лишь один из заговорщиков – Никита Панин высказал пожелание, чтобы отречение императора состоялось в пользу сына Петра III – цесаревича Павла, однако на это будто бы «ни за что не хотели согласиться» братья Орловы. Нам представляется, что вряд ли братья высказали по этому поводу собственные пожелания, не принимая во внимание мнения самой Екатерины.

Поначалу предполагалось произвести дворцовый переворот во время отъезда Петра III в Померанию, где русские войска собирались для военных действий против Дании. Однако план пришлось срочно менять из-за того, что император отменил поездку. Он неожиданно покинул Петербург и отправился в свою летнюю резиденцию Ораниенбаум. В результате, как полагал современный исследователь А.В. Шишов, «выступление против императора перемещалось из стен его дворца в гвардейские казармы и на улицы Санкт-Петербурга. То есть, «келейно» осуществить заговор было в те дни невозможно», констатировал историк¹⁵⁰.

События переворота, которые подробно описала великая княгиня, не обошел своим вниманием и британский посланник. Екатерина находилась в Петергофе, тогда как Петр III, по ее словам, «жил и пьянствовал в Ораниенбауме». 28 июня в 6 часов утра (Кейт утверждал, что в четвертом часу – Т.Л.) в спальню Екатерины вбежал Алексей Орлов со словами: «Пора вам вставать; все готово для того, чтобы вас провозгласить»¹⁵¹. Как писал Кейт, императрица поспешила одеться, вышла из дворца через черный ход и в сопровождении Орлова «без всякой прислуги», пустилась в путь. Спустя два часа они въехали в Петербург и отправились в казармы Измайловского полка, который был уже под ружьем под командованием гетмана Разумовского. Оттуда Ее Величество проехала к Семеновскому и Преображенскому полкам и в их сопровождении направилась к дворцу¹⁵².

¹⁴⁸ См.: Суворов А.А. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова. СПб., 1888. С. 34,42–48; Лозинская Л.Я. Во главе двух академий. М., 1983. С. 18–22; Тычинина Л.В., Бессарабова Н.В. «... Она была рождена для больших дел». Летопись жизни княгини Е.Р. Дашковой. М., 2009. С.29.

¹⁴⁹ Сафонов М.М. Письмо Е.Р. Дашковой Г.К. Кейзерлингу о дворцовом перевороте 28 июня 1762 года // Е.Р. Дашкова и русская культура. От эпохи Просвещения к современности. М., 2014. С. 29–37.

¹⁵⁰ Шишов А.В. Тайны эпохи Екатерины II. М., 2007. С. 46.

¹⁵¹ Письма Екатерины к Понятовскому. Указ. соч. С. 130.

¹⁵² Дипломатическая переписка. С. 4.

Как утверждала сама Екатерина, когда она прибыла в Измайловский полк, там находилось всего 12 человек и один барабанщик, который забил тревогу. Тут же, продолжала Екатерина, «сбегаются солдаты, обнимают меня, целуют мне ноги, руки, платье, называют меня своей спасительницей». Затем привели священника с крестом, и все начали приносить присягу (Кейт подтверждал, что все полки присягнули «без малейшей нерешительности», исключая некоторых офицеров собственного полка императора – кирасиров)¹⁵³. После присяги все отправились в Семеновский полк, который приветствовал Екатерину криками «Виват!». Вместе с полками она направилась в Казанский собор, где ее встречал Преображенский полк с извинениями за то, что «явились последними», поскольку часть офицеров задержала солдат, требуя оставаться верными императору Петру Федоровичу. К преображенцам вскоре присоединилась конная гвардия, пребывавшая, по словам императрицы, «в диком восторге». «Я никогда не видела ничего подобного, – признавалась Екатерина, – плакала, кричала об освобождении Отечества». Затем она отправляется в Зимний дворец, где Синод и Сенат уже были в сборе. «Наскоро» составили манифест и присягу. Екатерина спускается к войскам, которых, по ее оценкам, было более 14 тыс. человек гвардии и полевых полков. «Едва увидели меня, – не могла сдержать восторга Екатерина, – как поднялись радостные крики, которые повторялись бесчисленной толпой»¹⁵⁴.

Народ принял известие о перемене монарха с ликованием. «День (28 июня) был самый красный, жаркий, – вспоминал один из очевидцев событий. – Кабаки, погреба и трактиры для солдат растворены: пошел пир на весь мир; солдаты и солдатки в неистовом восторге и радости носили ушатами вино, водку, пиво, мед, шампанское и всякие другие дорогие вина и лили все вместе без всякого разбору в кадки и бочонки, что у кого случилось...»¹⁵⁵. Позднее купец Дьяконов подаст челобитную в Сенат о компенсации разграбленных у него винных погребов на сумму 24 тыс. 331 рублей¹⁵⁶. Иск будет удовлетворен.

Пока народ веселился, император, как сообщал Р. Кейт, ничего не подозревая о происходящем, направляясь из Ораниенбаума в Петергоф, повстречал слугу, посланного шталмейстером Нарышкиным. Тот и поведал Петру III о случившемся в столице. В Петергофе император узнал об отъезде императрицы – обстоятельстве, которое от него до тех пор скрывали, утверждая, что Екатерина нездорова и не встает с постели. «С этой минуты, – писал Кейт в донесении в Лондон, – несчастный император совершенно растерялся, а немногочисленные его приверженцы предались отчаянию и смущению; долго они не знали, на что решиться и лишь поздно вечером император со своей свитой ... сел на галеру, проезжавшую мимо Петергофа и направился к Кронштадту, в надежде быть там принятым, но чиновники Адмиралтейства, присланные из Петербурга, узнали его, и когда император подошел к гавани, его не только не впустили, несмотря на то, что он назвал себя по имени, но даже угрожали, что откроют по нему огонь. Отчаянье императора и свиты еще усилилось и судно его вместе с остальными лодками, сопровождавшими его, направилось обратно к берегу, но разными дорогами – один к Петергофу, а другие к Ораниенбауму, между последними находился император с несколькими приближенными. В субботу утром он послал для переговоров с императрицей вице-канцлера Голицына и генерал-майора Измайлова. По прошествии некоторого времени Измайлов принес ему акт отречения от престола. Император немедленно подписал его и вместе с Измайловым сел в карету и поехал к Петергофу, после чего его никто не видел, и мне не удалось разузнать, куда его отвезли. Говорят, что в акте отречения от престола была статья, обещавшая импера-

¹⁵³ Там же. С. 4–5.

¹⁵⁴ Письма Екатерины к Понятовскому. С. 130–131.

¹⁵⁵ Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XIII. История России с древнейших времен. М., 1994. С. 96.

¹⁵⁶ Там же. С. 97.

тору свободу удалиться в Гольштейн»¹⁵⁷. Примечательно, что британский посланник, симпатизировавший императору, незадолго до указанных событий «всячески старался отговорить» его от намерения покинуть свои владения, и то лично намекал ему об этом, «то представлял всю опасность задуманного дела»¹⁵⁸. Однако, как показали дальнейшие события, советы дипломата Петру III негодились.

Процедуру отречения от престола императора Петра III Екатерина описывала несколько иначе. Она хорошо понимала, что одного принесения присяги войска и ближайших сановников недостаточно. Следовало, по ее словам, «принять необходимые меры и закончить дело». Посовещавшись со своими единомышленниками, Екатерина решает отправиться в Петергоф. (Заметим, что идею отправиться в Петергоф, чтобы предупредить возвращение свергнутого императора в Петербург, Е.Р. Дашкова приписывала себе)¹⁵⁹. Надев гвардейский мундир и приказав объявить себя полковником, что вызвало «неописуемые крики радости», императрица верхом выступила во главе войска. Одним из первых этот поход описал известный историк А.Г. Брикнер: «Была ясная летняя ночь. Екатерина, верхом, в мужском платье, в мундире Преображенского полка, в шляпе, украшенной дубовыми ветвями, из-под которой распущены были длинные красивые волосы, выступила с войском из Петербурга; подле императрицы ехала княгиня Дашкова, также верхом и в мундире: зрелище странное, привлекательное, пленительное. Эта сцена напоминала забавы Екатерины во время юношества, ее страсть к верховой езде, и в то же время здесь происходило чрезвычайно важное политическое действие: появление Екатерины в мужском костюме, среди такой обстановки, было решающим судьбу России торжеством над жалким противником, личность которого не имела значения, сан которого, однако, оставался опасным до совершенного устранения его»¹⁶⁰.

Всю ночь процессия двигалась к Петергофу. По дороге ей встретился вице-канцлер А.М. Голицын «с очень льстивым письмом» от Петра III. (Как утверждал А.А. Шишов, в письме не было ни слова об отречении, а содержалась лишь просьба императора отпустить его за границу вместе с графиней Елизаветой Воронцовой и генерал-адъютантом Гудовичем, либо «разделить с ним власть»)¹⁶¹. Екатерина, однако, оставила данное послание без ответа. Вскоре принесли второе письмо императора, которое доставил генерал-майор Михаил Измайлов. Он поведал Екатерине: «Император предлагает отречься. Я вам доставлю его после его совершенно добровольного отречения. Я без труда избавлю мое отечество от гражданской войны»¹⁶².

В этом пересказе разговора Екатерины с генералом обращают на себя внимание две детали. Во-первых, то, что инициатива отречения от престола будто бы исходила от самого императора, и, во-вторых, что предполагалось «совершенно добровольное» его отречение. В сравнении с повествованием британского посланника версия Екатерины по поводу данного инцидента, как мы видим, заметно разнилась. Как бы то ни было, но император поставил свою подпись под следующим документом: «В краткое время правительства моего самодержавного Российским государством ... узнал я тягость и бремя, силам моим несогласное, чтоб мне не токмо самодержавно, но и каким бы то ни было образом правительство владеть Российским государством ... того ради, помыслив, я сам ... непринужденно ... объявляю ... торжественно, что я от правительства Российском государством на весь век мой отрицаюсь...»¹⁶³.

Последующие события Екатерина описывала следующим образом: «Петр III отрекся в Ораниенбауме безо всякого принуждения, окруженный 1590 голштинцами, и прибыл с Елиза-

¹⁵⁷ Дипломатическая переписка. С. 5–6.

¹⁵⁸ Там же. С. 10.

¹⁵⁹ Дашкова Е.Р. Записки... Указ. соч. С. 43–45.

¹⁶⁰ Цит. по: Шишов А.В. Указ. соч. С. 58–59.

¹⁶¹ Там же. С. 59.

¹⁶² Письма Екатерины к Понятовскому. С. 131.

¹⁶³ Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения. Книга XIII. История России с древнейших времен. М., 1994. С. 95.

ветой Воронцовой, Гудовичем и Измайловым в Петергоф, где для охраны его особы я дала ему шесть офицеров и несколько солдат». Затем императора перевезли в местечко Ропша, «очень уединенное и очень приятное», находившееся в 25 верстах от Петергофа. Казалось, что Екатерина проявила должную заботу о своем супруге, а потому в случившемся позднее нет никакой ее вины, просто «господь Бог расположил иначе».

Что же произошло далее со свергнутым императором, согласно версии Екатерины? Она извещала Понятовского, что страх вызвал у Петра III диарею, продолжавшуюся три дня. На четвертый день он «чрезмерно напился», так как имел все, что хотел, кроме свободы. Впрочем, продолжала Екатерина, он попросил у нее «свою любовницу, собаку, негра и скрипку; но боясь произвести скандал и усилить брожение среди людей, которые его караулили», она ему послала «только три последние вещи». Между тем, состояние здоровья бывшего императора резко ухудшилось: «его схватил приступ геморроидальных колик вместе с приливами крови к мозгу; он был два дня в этом состоянии, за которым последовала страшная слабость, и, несмотря на усиленную помощь докторов, он испустил дух, потребовав перед тем лютеранского священника»¹⁶⁴.

По-видимому, подобная версия не выглядела убедительной даже для самой Екатерины, если она высказала опасения, не отравили ли императора офицеры, и велела произвести его вскрытие. Результаты вскрытия она сочла «вполне достоверными»: следов отравы не нашли, император имел совершенно здоровый желудок и умер от воспаления в кишках и апоплексического удара¹⁶⁵. Однако известно, что данный диагноз не соответствовал действительности: Петр III умер не от болезни, а был убит заговорщиками, среди которых особую активность проявили граф Алексей Орлов, капитан Петр Пассек и князь Федор Барятинский. Один из современников происшедших событий подчеркивал, что, несмотря на лавры победителя в битве при Чесме, Алексей Орлов снискал за свое «злодейство» славу человека «ненавистного и гнусного». Император Павел не простил убийцу своего отца и выслал его в Германию, где «от него бегут, от него отвертываются, как от одного из тех чудовищ, которое внушает ужас»¹⁶⁶.

Почему же Екатерина скрыла от своего недавнего фаворита истинную причину смерти свергнутого императора? Быть может, она опасалась, что ее переписка с Понятовским получит огласку, а значит, обществу станут известны обстоятельства кончины ее супруга? Конечно, этого нельзя исключать. Ведь с самого первого письма к Понятовскому от 2 июля 1762 г. Екатерина настоятельно просила его не спешить с приездом в Россию, поскольку это было бы опасно и «очень вредно» для нее. Она «до смерти» боялась за письма, которые присылал ей Понятовский, и неоднократно просила его прибегать к шифрованию своей корреспонденции¹⁶⁷. Однако более существенным в стремлении Екатерины сохранить в тайне убийство императора нам представляется ее опасение выглядеть не должным образом в глазах общественного мнения европейских государств. Не случайно, новоиспеченная императрица просила у Понятовского узнать о том, что «дурного» говорят о ней в чужих краях после происшедших событий¹⁶⁸.

Как бы то ни было, но западными дипломатами была озвучена официальная версия. Роберт Кейт в донесении от 9 июля 1762 г. сообщал государственному секретарю Г. Гренвиллю: «... бывший император ... скончался от сильного припадка коликов следствия геморроя, которому он бывал часто подвержен. Император умер на маленькой казенной даче, в 18 верстах расстояния от Царского Села, где и находится в настоящую минуту, и куда народ стекается толпами, чтобы взглянуть на него. Похороны, как слышно, будут завтра или послезав-

¹⁶⁴ Письма Екатерины к Понятовскому. С. 132.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Тайны и истории Екатерины II в воспоминаниях современников, оценках историков. Указ. соч. С. 231.

¹⁶⁷ Письма Екатерины к Понятовскому. С. 129, 135, 137, 138.

¹⁶⁸ Там же. С. 137.

тра». Спустя три дня посланник в своей депеше добавил: «Покойного императора похоронили в среду утром в Невском монастыре без всякой церемонии в присутствии чинов первых пяти классов»¹⁶⁹.

Однако в официальную версию кончины Петра III поверили отнюдь не все дипломаты. К примеру, секретарь французского посольства К.К. Рюльер не сомневался в насильственной смерти императора. Трудно сказать, какими источниками он располагал, описывая страшные события, но его повествование выглядело достаточно убедительным. Так Рюльер сообщал, что Алексей Орлов и статский советник Г.Н. Теплов «сначала попытались отравить императора, а потом удушили его». Они заявили к императору и объявили, что намерены с ним обедать. «По обыкновению, русскому перед обедом подали рюмку с водкою, и подставленная императору была с ядом ... Через минуту они налили ему другую. Уже пламя распространилось по его жилам, и злодейство, изображенное на их лицах, возбудило в нем подозрение – он отказался от другой; они употребили насилие, а он против них оборону. В сей ужасной борьбе, чтобы заглушить его крики, которые начинали раздаваться далеко, они бросились на него, схватили его за горло и повергли на землю. Но он защищался всеми силами ... и они ... призвали к себе на помощь двух офицеров, которым поручено было его караулить ... Это был младший князь Барятинский и некто Потемкин, 17-ти лет от роду ... Они прибежали, и трое из сих убийц, обвязав и стянувши салфеткою шею сего несчастного императора (между тем как Орлов обеими коленями давил ему на грудь и запер дыхание) таким образом его душили, и он испустил дух в руках их»¹⁷⁰.

Весьма любопытно описание Рюльера реакции императрицы на случившееся. «В сей самый день, когда сие случилось, государыня садилась за стол с отменною веселостью, – сообщал француз. – Вдруг является ... Орлов – растрепанный, в поте и пыли, в изорванном платье, с беспокойным лицом, исполненным ужаса и торопливости, его сверкающие и быстрые глаза искали императрицу. Не говоря ни слова, она встала, пошла в кабинет, куда и он последовал; через несколько минут она позвала к себе графа Панина, который был уже наименован ее министром. Она известила его, что государь умер, и советовалась с ним, каким образом объявить о его смерти народу. Панин советовал ... на другое утро объявить ... новость, как будто сие случилось ночью. Приняв сей совет, императрица возвратилась с тем же лицом и продолжала обедать с тою же веселостью. Наутро, когда узнали, что Петр умер от геморроидальной колики, она показала, орошенная слезами, и возвестила печаль своим указом»¹⁷¹.

Следует отметить, что тайна смерти Петра III продолжает интересовать современных историков, которые, к слову сказать, не высказывают никаких сомнений в насильственной кончине императора. Концепции ученых различаются лишь в вопросе способа умерщвления Петра III и имен непосредственных его исполнителей. К примеру, А.С. Мыльников полагает, что императора душил ружейным ремнем некий швед из бывших лейб-компанцев – Шванович¹⁷².

В письмах к Понятовскому Екатерина сообщала о наиболее активных участниках дворцового переворота. Она особо выделила братьев Орловых, подчеркнув, что они «блистали своим искусством управлять умами, осторожною смелостью, ... присутствием духа и авторитетом, который это поведение им доставило». Екатерина восхищалась братьями, полагая, что у них «много здравого смысла, благородного мужества. Они патриоты до энтузиазма и очень честные люди», страстно к ней привязанные. Императрица упомянула также капитана Пассека, который «отличался стойкостью», брата адъютанта императора князя Барятинского, офицера

¹⁶⁹ Дипломатическая переписка. С. 25,28.

¹⁷⁰ Цит. по: Екатерина II и ее окружение. М., 1996. С. 100.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Подробнее см.: Мыльников А.С. Петр III. М., 2002; Елисеева О.И. Тайна смерти Петра III. М., 2013.

конной гвардии 22-летнего Хитрова и 17-летнего унтер-офицера Потемкина (будущего фаворита императрицы Григория Потемкина – *Т.Л.*). На взгляд Екатерины, последние руководили «со сметливостью, мужеством и расторопностью». Не забыла императрица упомянуть и о собственной роли в событиях. «Все делалось, – признавалась она Понятовскому, – под моим ближайшим руководством»¹⁷³. При этом Екатерина утверждала, что на ее стороне была божья помощь. «Господь Бог привел все к концу, предопределенному им, и все это (участие в государственном перевороте и убийстве супруга – *Т.Л.*) представляется скорее чудом, чем делом, предусмотренным и заранее подготовленным, ибо совпадение стольких счастливых случайностей не может произойти без воли Божией», с долей цинизма заключала новоиспеченная императрица¹⁷⁴.

Интересна оценка переворота прусского короля Фридриха II, приведенная С.М. Соловьевым. «По справедливости, – заявлял король, – императрице Екатерине нельзя приписать ни чести, ни преступления этой революции: она была молода, слаба, одинока, она была иностранка, накануне развода, заточения. Орловы сделали все; княгиня Дашкова была только хвастливою мухою в повозке. Екатерина не могла еще ничем управлять; она бросилась в объятия тех, которые хотели ее спасти. Их заговор был безрассуден и плохо составлен, – продолжал Фридрих II, – отсутствие мужества в Петре, несмотря на советы храброго Миниха, погубило его: он позволил свергнуть себя с престола, как ребенок, которого отсылают спать»¹⁷⁵.

Обратимся еще раз к письмам Екатерины к Понятовскому. В одном из них она делилась своими планами на будущее. «Мое существование состоит и будет состоять в том, – писала она, – чтобы не быть под игом никакого двора ... заключить мир, привести мое обремененное долгами государство в наилучшее состояние, какое только могу, и это все». Столь благородные цели императрица предполагала осуществить с помощью доверенных лиц. В их число входили: сенатор из Коллегии иностранных дел Бестужев, с которым императрица, тем не менее, советовалась «лишь для виду»; преданный гетман К.Г. Разумовский; «самый искусный, самый смысленный и самый ревностный человек при дворе» Панин, а также президент мануфактур-коллегии Ададулов. По мнению Екатерины, все они «герои, готовые положить свою жизнь за Отечество и столь же уважаемые, сколь достойные уважения». Однако самым главным для императрицы была их лояльность: они должны были делать только то, что она им «диктовала». «Я их всех выслушиваю, и сама вывожу свои заключения», – утверждала императрица¹⁷⁶. В то же время Екатерина уже начинала тяготиться опекой и чрезмерной вниманием со стороны приближенных. «Могу вам сказать, – сообщала она Понятовскому в письме от 9 августа 1762 г., – что все это лишь чрезмерная ко мне любовь их, которая начинает быть мне в тягость. Они смертельно боятся, чтобы со мною не случилось малейшего пустяка. Я не могу выйти из моей комнаты без радостных восклицаний. Одним словом, – заключала Екатерина, – это энтузиазм, напоминающий собою энтузиазм времен Кромвеля»¹⁷⁷.

Теперь обратимся к рассмотрению реакции на свершившийся переворот со стороны официального Лондона. В своем письме к государственному секретарю Г. Гренвилю от 13 июля 1762 г. Р. Кейт отмечал, что «был поражен этим внезапным переворотом». «Не говоря о личной моей признательности императору за все доказательства его милости и внимания ко мне, – продолжал посланник, – я опасюсь, что перемена правительства отразится на общем ходе дел в Европе, в особенности же на сношениях с королем прусским». Кейт обещал сообщать в Лондон сведения, какие ему только удастся получить при дворе. В то же время он беспокоился

¹⁷³ Письма Екатерины Понятовскому. С. 133–134.

¹⁷⁴ Там же. С. 134.

¹⁷⁵ Цит. по: Соловьев С.М. Указ. соч. С. 95–96.

¹⁷⁶ Письма Екатерины Понятовскому. С. 136, 137.

¹⁷⁷ Там же. С. 135.

за свое положение, поскольку «не имел счастья пользоваться расположением императрицы», а потому опасался, что от этого пострадают государственные дела и просил, «как можно скорее» о своем отзыве¹⁷⁸. На этот раз просьба посланника была удовлетворена. 4 августа 1762 г. Гренвиль известил Кейта, что ему на смену в скором времени прибудет граф Бэкингэмшир, а пока поручал посланнику скорее отправиться к петербургскому двору и, испросив аудиенцию у императрицы, вручить верительную грамоту от короля «любезнейшей сестре нашей императрице русской». В дополнение к «уверениям в ней заключенным» посланнику предлагалось высказать императрице «высокое уважение» и «преданность» короля Великобритании, а также его искреннее желание «продолжать тесную дружбу и согласие между правительствами».

Государственный секретарь Гренвиль переслал Кейту копию ответа короля на сообщение императрицы о вступлении на престол. Монарх извещал, что в письме императрицы заключались «сильнейшие уверения» в ее расположении поддерживать с Великобританией мир и согласие, и потому требовал от посланника «постоянно доказывать словом и делом», что чувства Георга III по этому предмету «совершенно сходны с чувствами императрицы», и что он желает и всегда готов вступить с ней в переговоры и испрашивать ее совета, «касательно всех мер, действительно клонящихся к взаимным интересам» владений обеих империй.

Как видно, короля Великобритании мало взволновала смена престолонаследника в России. Подобно своим предшественникам, он продолжал интересоваться исключительно привилегиями и выгодами от торговли с Россией, а также получением преференций от проводимого Великобританией курса внешней политики. Неудивительно, что и методы достижения поставленных целей Георгом III практически не отличались от тех, которыми пользовались его предшественники (монархи Елизавета Тюдор, Яков I и Карл II Стюарты), взаимодействуя вначале с Московским, а затем и Российским государством¹⁷⁹.

Впрочем, все задуманное британским монархом предстояло осуществить новому послу, сменившему на этой должности Роберта Кейта. 12 августа 1762 г. он получил депешу из Лондона, в которой сообщалось, что посланник может покинуть Россию¹⁸⁰. В октябре Кейт отплыл в Англию. По возвращении на родину он вместе с семьей поселился в поместье неподалеку от Эдинбурга. Нельзя сказать, чтобы дипломат совсем отошел от дел. Правительство не раз доверяло ему важные поручения. Так, в 1772 г. Георг III направил Кейта для участия в переговорах об освобождении из тюремного заключения своей сестры Каролины Матильды, королевы Дании. Миссия Кейта оказалась успешной, королева была спасена и на британском судне переправлена во владения Ганноверов¹⁸¹. Блестящая операция, осуществленная при содействии Роберта Кейта, оказалась последней в его служебной карьере. Спустя два года, в 1774 г. Роберт Кейт ушел из жизни.

Что касается российской императрицы, то она очень быстро забыла о перипетиях дворцового переворота, к планированию которого был непосредственно причастен дипломат Чарльз Уильямс, и начала свою реформаторскую деятельность на благо России. Вспоминала ли она при этом данное английскому «покровителю» обещание поддерживать интересы Великобритании? Об этом мы узнаем из следующих глав.

¹⁷⁸ Дипломатическая переписка. С. 13.

¹⁷⁹ Подробнее о торговых отношениях Англии и России в Средние века и Раннее новое время см: *Лабутина Т.Л.* Англичане в допетровской России. СПб., 2011.

¹⁸⁰ *Memoires...* P. 60–61.

¹⁸¹ Подробнее см.: *Memoires of Carolina Matilda, Queen of Denmark // Memoires...* Op. cit. P. 154–345.

Глава третья

Неудачная миссия графа Бэкингэмптона

Осенью 1762 г. в Петербург на смену Р. Кейту прибыл новый посол Великобритании граф Джон Хобарт Бэкингэмшир. В ту пору еще продолжалась Семилетняя война (1756–1763 гг.), в которой, с одной стороны, участвовали Великобритания и Пруссия, а с другой – Австрия и Франция, к ним в 1757 г. присоединилась Россия. В ходе боевых действий русская армия сумела нанести сокрушительное поражение Пруссии, заняв в начале 1758 г. Восточную Пруссию, включая Кенигсберг. В сентябре 1760 г. войска вошли в Берлин. Казалось, окончательный разгром Пруссии был предreshен. Однако занявший престол после кончины императрицы Елизаветы Петровны Петр III не только остановил войну с Пруссией, но заключил с ней военный союз, в соответствии с которым русские войска должны были начать боевые действия против вчерашних союзников¹⁸². Новая императрица Екатерина II летом 1762 г. предотвратила подобное развитие событий.

Подобно многим современным ей правителям Екатерина II считала, по словам британской исследовательницы Изабель де Мадариаги, что «внешняя политика есть истинное ремесло королей». С первых дней ее правления у советников императрицы «не осталось ни малейших сомнений в том, что все решения она будет принимать самостоятельно, – продолжала историк. – Одно из неотложных задач сразу по вступлении на престол оказалась для нее необходимость вывести страну из губительных внешнеполитических затей Петра III»¹⁸³. Екатерина отказалась от союза с Пруссией, русские войска, воевавшие на ее стороне, были немедленно отозваны. 29 июня 1762 г. императрица известила европейские дворы о своем намерении поддерживать мир со всеми державами. Оставшаяся в изоляции Великобритания должна была добиваться возвращения прежнего доверия России через заключение с ней оборонительного и торгового договоров.

Что представлял собой новый британский посол, на долю которого выпало решение поставленных правительством задач? Джон Хобарт, второй граф Бэкингэмшир, родился в 1723 году в семье баронетов из Норфолка. Его отец был членом парламента, служил в Комитете по делам торговли и плантаций. Продвижение Хобарта по карьерной лестнице нередко приписывали особому расположению короля Георга II к его сестре Генриетте, будущей графине Саффолк. Сам барон Хобарт был возведен в графское достоинство, получив титул Бэкингэмшира в 1746 году. Он был дважды женат. От первого брака с дочерью норфолкского землевладельца Юдифь Бриттиф у них родился сын Хобарт-младший.

Джон Хобарт-младший получил прекрасное образование в Вестминстерской школе и Крист-колледже в Кэмбридже. В 23 года он становится помощником лейтенанта графства Норфолк, а спустя два года избирается в палату общин от Норвича и бурга Сент-Айвз в Корнуэлле. В 1756 г. после смерти отца, унаследовав титул графа Бэкингэмшира, занимает место в палате лордов. В том же году становится королевским камергером. В июле 1762 г. он был назначен послом в Россию.

Бэкингэмшир был женат дважды. Его первой супругой стала дочь сэра Томаса Дрюди из Нортхэмптоншира Мари-Анна. У супругов родилось четыре дочери. От второго брака с дочерью Уильяма Конелли из Стратфордшира Каролины у графа родилось три сына, умерших в раннем возрасте, и дочь. Поскольку прямых наследников по мужской линии у графа Бэкинг-

¹⁸² Подробнее см.: Булыгин И.А. Внешняя политика России в XVIII веке // История Европы. Т. 4. С., 1994. С. 460–461; Яковлев Н.Н. Россия и Великобритания накануне Семилетней войны: от союза к конфронтации // Яковлев Н.Н. Британия и Европа. М., 2000. С. 200–203, 207.

¹⁸³ Де. Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. Пер. с англ. М., 2002. С. 303.

эмшира не осталось, его титул перешел к сводному брату Джорджу Хобарту. Как видно из биографии посла¹⁸⁴, Бэкингэмшир не являлся профессиональным дипломатом, так могла ли его деятельность на поприще посла в России оказаться успешной?

Отправляясь в Петербург, посол получил четкие инструкции от Георга III. Король настаивал на продлении союзного договора, заключенного 4 апреля 1741 г., сроком на 20 лет императрицей Елизаветой Петровной, причем «с такими прибавлениями и изменениями, которых бы потребовали настоящие обстоятельства». В соответствии с существующим договором Россия обязывалась в случае необходимости оказать помощь Великобритании, выделив 10 тыс. пехоты и 2 тыс. конников. В свою очередь англичане обещали послать 12 военных кораблей с 700 пушками, либо выплатить 100 тыс. ф. ст.¹⁸⁵ Данный договор способствовал сближению двух государств. Обращаясь к анализу причин российско-британского сближения, А.Б. Соколов пишет: «Сторонники концепции «естественного союзничества» положили в основу своей аргументации геополитический фактор и утверждали, что Англия и Россия, не имея общих границ, споров по территориальным вопросам, могут поддерживать друг друга во всех важнейших международных делах ... Эти страны дополняют одна другую с военной точки зрения: Англия владеет самым могущественным флотом, Россия обладает огромными военными резервами на суше»¹⁸⁶. Поскольку срок действия договора истек, британское правительство интересовало, какого мнения в отношении его продления будет придерживаться Екатерина II.

Не менее важным англичанам представлялась также пролонгация заключенного в Петербурге в 1734 г. торгового договора, обеспечивавшего «различные привилегии и поощрения» для торговли обеих стран.

Надо отметить, что торговля в англо-русских отношениях всегда занимала важное, если не сказать, первостепенное место. Если обратиться к истории вопроса, то выяснится, что именно торговые связи Англии и Московского государства во многом способствовали установлению дипломатических отношений между ними. В марте 1556 г. «открывший» «Московию» Ричард Ченслер получил первую жалованную грамоту от царя Ивана Грозного, позволявшую англичанам вести беспощинную торговлю в государстве¹⁸⁷. Между тем Англия и Россия, вступившие в коммерческий диалог, ставили веред собой различные цели. В то время, как царь пытался проложить кратчайшую морскую дорогу на Запад, опираясь на поддержку англичан, через экономические с ней связи, политический союз, а, возможно, и династический брак, англичане преследовали исключительно коммерческие цели. В разговоре с английским посланником Даниилом Сильвестром Иван Грозный упрекал англичан в том, что у них «купеческие дела поставлены впереди и сочтены важнее наших дел, хотя успех должен бы зависеть от сих последних»¹⁸⁸. На взгляд исследователя Ф.Ф. Мартенса, английское правительство «смотрело на Московское государство только как на новый рынок для выгодного сбыта английских произведений и для получения нужного для английской промышленности сырья»¹⁸⁹. По утверждению историка М.А. Алпатова, «при всех переменах политика Англии по отношению к России оставалась неизменной – она состояла в помощи английским купцам и прокладывании торгового пути на восток через Россию и в освоении русского рынка»¹⁹⁰.

¹⁸⁴ Подробнее о биографии Бэкингэмшира см.: Соколов А.Б. Английский дипломат о политике и дворе Екатерины II // Вопросы истории. М., 1999, № 4–5. С. 113.

¹⁸⁵ Соколов А.Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль, 1992. С. 229–230.

¹⁸⁶ Там же. С. 234–235.

¹⁸⁷ Подробнее см.: Лабутина Т.Л. Англичане в допетровской России. СПб. 2011. С. 20–23.

¹⁸⁸ Грамоты, собранные, переписанные и изданные Ю. Толстым // Толстой Ю.В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593. СПб., 1875. С. 187.

¹⁸⁹ Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в продолжении XVI и XVII веков // Русская мысль. М., 1891. Кн. I. С. 75–76.

¹⁹⁰ Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М., 1973. С. 274.

Английское правительство всегда настойчиво добивалось для своих купцов беспопытной торговли и других льгот, защищало их, когда возникали конфликты с русскими властями, даже, если купцы совершали неблагоприятные операции с деньгами и товарами. «Дипломатические отношения Англии с Россией того времени, – подчеркивал Алпатов, – это бесконечные домогательства английской стороны о привилегиях ее купцам, протесты против любых ущемлений их привилегий, защита проштрафившихся негоциантов, выяснение бесконечных недоразумений. Что же касается политического союза, чего добивалась Россия, то английская сторона решительно уклонялась от этого. Столь противоположные позиции сторон приводили к частым конфликтам», – справедливо заключал историк¹⁹¹.

Не только Иван Грозный, но и известный «ласкатель» англичан Борис Годунов способствовали тому, что Московская торговая компания англичан стала процветать. Согласно официальным данным шотландских архивов, прибыли компании нередко достигали 300–400 процентов¹⁹². Значительные дивиденды из торговли в России британские негоцианты продолжали извлекать и в правление первых Романовых¹⁹³.

В XVIII веке Великобритания окончательно становится главным торговым партнером России. Как отмечает современный историк А.В. Демкин, на протяжении столетия было отмечено бурное развитие британской промышленности, требовавшей все больше сырья и полуфабрикатов. Великобритания потребляла основную долю вывозимых из России традиционных статей ее экспорта: пеньки и льна. Британские купцы покупали почти все экспортное русское железо. «Можно без преувеличения сказать, – продолжал ученый, – что британский флот (и прежде всего военный) был создан по преимуществу из материалов, вывезенных из России. Россия же потребляла готовые изделия британской промышленности: сукна, ткани, различные предметы обихода (среди них важное место занимали предметы роскоши) и т.д.». В результате в XVIII веке сложилась такая ситуация, когда оба государства сделались необходимы друг другу как экономические партнеры. «Промышленность и флот Великобритании не могли существовать без поставок сырья и полуфабрикатов из России. В то же время никто, кроме британских купцов, не мог купить у России производимое ею огромное количество экспортных товаров»¹⁹⁴.

Интенсивные торговые отношения с Англией можно было наблюдать уже в правление Петра I. Об этом свидетельствовал профессиональный купец и известный литератор Д. Дефо. «Мы посылаем теперь 100 судов в год вместо 8–9, как в прошлые годы», – писал он в 1705 г. в журнале «The Consolidator»¹⁹⁵. В целом, за 10 лет, с 1698 по 1708 гг. объем англо-российского товарооборота, по признанию историка В.М. Матвеева, утроился¹⁹⁶.

По мере того, как англичане укрепляли свои позиции на русском рынке, их аппетиты только росли. И вот уже британский резидент Джордж Маккензи 10 марта 1715 г. направляет Петру I от имени короля Георга I Ганновера меморандум, в котором были высказаны пожелания (скорее требования – Т.Л.) монарха, касающиеся торговли двух стран. В меморандуме, в частности, говорилось о необходимости разрешения российским правительством «свободной и открытой торговли для всех купцов, подданных Великобритании»; об освобождении их от уплаты налогов, а также от постоя солдат. Кроме того, подданные Его Величества должны быть

¹⁹¹ Там же. С. 266–267.

¹⁹² Tudor Economic Documents Principal Navigation. Vol. II. Glasgow, 1973.

¹⁹³ См.: Лабутина Т.Л. Указ. соч. С. 119–123.

¹⁹⁴ Демкин А.В. Русско-британские торговые отношения в XVIII веке. М., 1994.

¹⁹⁵ Britain and Russia in the Age of Peter the Great. Historical Documents. L., 1998. P. 326.

¹⁹⁶ Матвеев В.М. «Дипломатия в верхах» в XVII веке. Петр I и Вильгельм III в Утрехте и в Лондоне (1697–1698) // Петр Великий – реформатор России. М., 2001. С. 239.

подсудны исключительно британским судам, а книги, письма и другие бумаги фактории не подлежали досмотру¹⁹⁷.

В какой мере подобные требования британских властей были выполнены российским правительством, трудно сказать, поскольку каких-либо документальных свидетельств об этом обнаружить не удалось. Однако нельзя исключать, что царское правительство во многом шло на уступки британцам, поскольку было крайне заинтересовано в торговле с Англией. Во всяком случае, на это указывает проект торгового договора, представленный русским послом князем Б.И. Куракиным государственному секретарю лорду Таунсенду 23 марта 1715 г. и аналогичный проект англичан, составленный в мае того же года¹⁹⁸. В то же время, судя по всему, представленные обеими сторонами условия договора не устраивали ни англичан, ни русских. Во всяком случае, торговый договор между Англией и Россией был заключен лишь в 1734 году, уже после кончины Петра I.

На взгляд современных ученых, этот договор был первым документом в истории англо-русских отношений, который обеспечивал реальные преимущества для британских купцов в России. Ряд его статей (эксклюзивное право торговли с Персией через территорию России, оплата товаров в российской валюте, низкие размеры пошлин, освобождение от уплаты за арендуемые жилые помещения и т.д.) ставил британцев в привилегированное положение не только в сравнении с другими европейскими, но и с русскими купцами. На взгляд же Т.С. Минаевой, выгоды от заключения договора получали обе стороны: англичане – крупные прибыли от перепродажи русских и иранских товаров, а российские купцы, промышленники и государство – доходы от крупных сделок с британскими фирмами. Кроме того, продолжала историк, российские купцы с помощью британских судов могли вывозить свои товары в Европу, т.к. российский коммерческий флот в то время оставался еще малочисленным¹⁹⁹. Во всяком случае сами англичане расценили торговый договор как «блестящий коммерческий триумф Британии», а XVIII век назвали «золотым веком» в российско-британских торговых отношениях²⁰⁰. Неудивительно, что в правление Екатерины II для англичан представлялось особенно важным добиться пролонгации договора, обеспечивавшего привилегии для торговли своей страны.

Король потребовал от Бэкингэмпшира употребить «все усилия к возобновлению вышепоименованных торговых обязательств»²⁰¹. «Вы обязаны оказывать помощь и покровительство торговле наших подданных во всех владениях императрицы и наблюдать за тем, чтобы они беспрепятственно пользовались всеми торговыми привилегиями, которые им принадлежат или ... когда бы то ни было принадлежали, – наставлял посла Георг III. – Кроме того ... заботиться о доставлении им новых прав и привилегий ... а в случае, если у кого-либо из них возникнет процесс или вообще какое-нибудь дело, зависящее от местных властей ... стараться об оказании им скорой и полной справедливости». В то же время монарх не рекомендовал принимать жалобы от коммерсантов, «могущие наделать шума иначе как по поводу правого дела и, имея в руках законные доказательства», и вообще «вступать только в дела, заслуживающие вмешательства для поддержания прав и собственности британских подданных». Для надлежащего соблюдения правил торговли английских неогоциантов, поселившихся во владениях императрицы, Георг III советовал внимательно следить за составлением и «доставлением торговых

¹⁹⁷ Britain and Russia. .. Op. cit. P. 139–140.

¹⁹⁸ Ibid. P. 141–142, 144–146.

¹⁹⁹ Минаева Т.С. Россия и Швеция в XVIII веке: история таможенной политики и таможенной системы. Архангельск, 2009 – URL: <http://svts.ru/upload/iblock/81b/81b60e1ac911d2f3734054572ecdbfa3.pdf>.

²⁰⁰ Kryatova D. British Merchants in Russia in the 18-th Century // Russian-British Links, Proceedings of the Conference Held in Saint-Petersburg in 2000 and 2001. St. Petersburg, 2002. P. 115, 117.

²⁰¹ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе (далее – «Дипломатическая переписка») // Сборник императорского русского исторического общества. Т. XII. СПб., 1873. С. 17–18.

отчетов» от всех британских подданных, в соответствии с постановлением Торговой комиссии от 1 апреля 1715 г.²⁰² Подобная отчетность позволяла правительству получать подробную информацию о состоянии торговли своих подданных в иностранных государствах, в том числе и в России.

Джон Бэкингэмшир готов был исполнить королевский наказ, но его смущали определенные трудности, с которыми он столкнулся по прибытии в Россию. В одном из первых своих донесений к государственному секретарю Дж. Гренвиллю от 7 октября 1762 г. он сообщал: «Я постараюсь как можно скорее выслать вам верный отчет о состоянии этой страны, но нахожусь в сильном затруднении, не имея при себе курьера; здесь же, вероятно, будет нелегко найти верный путь для передачи известий деликатного свойства»²⁰³.

Первую частную аудиенцию у императрицы граф получил спустя две недели. «Вся церемония была выполнена по уставу, – повествовал он. – Предъявив верительную грамоту Его Величества, я сказал по-английски приветствие, копию с которого прилагаю, и надеюсь, что оно заслужит одобрение Его Величества. Императрица отвечала мне по-русски; я просил перевод ее слов и мне его обещали. Вечером в залах дворца был большой прием и концерт. Я имел честь играть в пикет с Ее Величеством. Она много расспрашивала меня об Англии, и вообще все ее обращение со мной ... было весьма милостиво»²⁰⁴. С этого момента британский посол мог приступить к своим непосредственным обязанностям.

Наиболее важным для правительства Великобритании являлось заключение союзного договора с Россией. В январе 1763 г. государственный секретарь граф Галифакс, сменивший на этом посту Дж. Гренвиля, отправляя депешу послу в Петербург, напоминал, что король желал «немедленно вступить в союз с императрицей» и возобновить с этой целью оборонительные обязательства договора 1742 г., срок которого завершился в 1759 году. Однако императрица не спешила с заключением договора. В одном из донесений графу Галифаксу посол сообщал: Екатерина II «желает этого возобновления, но ... она отложила на время выполнение этой мысли ... до тех пор, пока не выяснится система Европы по восстановлению общего мира». В другом послании Бэкингэмшир извещал госсекретаря, что при личной встрече в доме Григория Орлова императрица заявила: заключение подобного союза «могло бы внушить опасения прочим державам и возбудить их подозрения, на счет предмета этих сношений». Однако в силу ее собственного расположения к Англии и уверенности ее в таковых же чувствах короля к интересам России она рассматривает этот договор «как бы заключенным»²⁰⁵.

Как видно, Екатерина опасалась, что немедленное заключение союза с Великобританией может повлиять на общую расстановку сил в Европе и вызвать недовольство ряда других европейских держав, прежде всего союзников по коалиции – Франции и Австрии. Об этом упоминал и Бэкингэмшир в секретном послании графу Галифаксу 25 апреля 1763 г. «Считаю долгом сообщить вам, – писал он госсекретарю, – что императрица, как кажется мне, отчасти вследствие собственной симпатии, отчасти потому, что видит в том истинную выгоду для себя, желает вступить в самые тесные отношения с Англией и с австрийским домом; она питает глубокое отвращение к французскому народу и личную обиду и неприязнь против короля прусского, однако, весьма осторожна в своих отношениях с этими державами, опасаясь их интриг, которые бы могли существенно повредить ей в настоящем ее положении»²⁰⁶.

Однако Георг III продолжал настаивать на своем и даже упрекал императрицу в том, что в течение «столь долгого времени и, несмотря на усердные заявления с его стороны, ничего не

²⁰² Там же. С. 21.

²⁰³ Дипломатическая переписка. С.41.

²⁰⁴ Там же. С. 47.

²⁰⁵ Дипломатическая переписка. С. 54, 94.

²⁰⁶ Там же. С. 97.

было сделано по вопросу, представляющему такую важность для сохранения мира в Европе и для ... общих интересов обеих наций»²⁰⁷. Чтобы Екатерина II быстрее решилась на подписание договора, госсекретарь советовал послу использовать канцлера А.П. Бестужева («постарайтесь поддержать дружбу с ним»)²⁰⁸, полагая, что тот сможет склонить императрицу к более решительным действиям. Впрочем, посол довольно быстро разобрался в том, как можно заручиться «дружбой» с канцлером. В одном из посланий к Галифаксу он упоминал о сетованиях Бестужева на те убытки, которые тот понес от английских крейсеров, захвативших товары, посланные ему из Франции. «Я действительно полагаю, что его просьба справедлива, – соглашался граф Бэкингэмшир, – и что исчисление потерь не преувеличено, особенно по отношению к великолепным коврам, которые совершенно испорчены»²⁰⁹. По-видимому, ситуация была исправлена, судя по тому, что не прошло и месяца, а канцлер уже заверял посла, что «немедленно сообщит» ему «всякое известие, могущее иметь малейшее значение для Англии»²¹⁰. И в августе 1763 г. посол получил проект нового союзного договора.

В «Дипломатической переписке английских послов и посланников при русском дворе» приведены тексты двух секретных статей проекта договора оборонительного союза России с Великобританией. Первая из них касалась возведения на престол после кончины польского короля лица, «которое будет избрано обоими дворами» (речь шла о кандидатуре графа Станислава Августа Понятовского – *Т.Л.*). Для этой цели Георг III должен был «держат наготове в Польше значительную сумму денег и употребить ее в случае надобности для достижения общей цели», а императрица, если события «достигнут крайности», обещала «поддерживать оружием виды обеих высоких договаривающихся сторон». На короля возлагалась также обязанность покрытия расходов в сумме 500 тыс. рублей. Если же другие державы попытаются вмешаться и откроют «враждебные» действия против России, то королю следует употребить «все зависящие от него средства и дружелюбные увещания, чтобы остановить таковые действия»²¹¹.

Вторая секретная статья договора касалась Швеции, в которой «определенные круги» были настроены против России. Императрица предлагала королю «действовать заодно» для ослабления данной партии, поддерживаемой рядом других держав²¹².

Данный проект договора вызвал недовольство британской стороны. 23 сентября 1763 г. графу Бэкингэмширу пришла депеша из Уайтхолла, в которой король расценивал отдельные статьи договора не только как «чуждые» интересам Великобритании, но и «могущие послужить поводом к новым несогласиям, особенно на севере Европы». Все изменения трактата 1742 г., по мнению Георга III, «клонятся лишь к выгоде России». Посему глава внешнеполитического ведомства Великобритании граф Сэндвич, сменивший Галифакса, настоятельно рекомендовал послу постараться «возвратить настоящий договор как можно ближе к выражению предыдущего, за исключением тех статей, которые ниже будут поименованы и с которыми Его Величеству угодно согласиться»²¹³.

Еще больше британскую сторону возмутили секретные статьи договора. По утверждению Сэндвича, их заключение «положительно немыслимо, и они ни под каким видом не могут войти в состав настоящего договора, цель которого только и единственно состоит в продолжении и укреплении старинного союза между обоими державами Великобританией и Россией»²¹⁴. Сэндвич требовал от посла объяснить российской стороне, «как неблагоприятно» вступать в

²⁰⁷ Там же. С. 101.

²⁰⁸ Там же. С. 109.

²⁰⁹ Там же. С. 100.

²¹⁰ Там же. С. 107.

²¹¹ Там же. С. 122.

²¹² Там же. С. 124.

²¹³ Там же. С. 129.

²¹⁴ Там же. С. 131.

споры о польском престоле и подвергать эти королевства (Польшу и Швецию – Т.Л.) «опасности войны для целей, вовсе до них не относящихся». Ко всему прочему, графу Бэкингэмширу было предложено добиваться, чтобы торговый и союзный договоры были подписаны одновременно, тогда как императрица желала, чтобы торговый договор заключили после ратификации союзного договора.

Подобная реакция британского правительства на проект союзного договора, естественно, огорчила императрицу. Особенно ее возмутил отказ короля от обязательств относительно Польши, поскольку она уже отправила в королевство войска, а затем была вынуждена их поспешно отозвать. В то же время Екатерина не оставляла надежды на то, что Георг III согласится на ее предложения, относительно «польских и шведских дел». 23 ноября 1763 г. посол сообщал в Лондон: глава внешнеполитического ведомства Н.И. Панин интересовался, сможет ли король Англии оказать России финансовую помощь для решения «польских и шведских дел». Однако посол поспешил ответить, что «никак не предполагает, чтобы Его Величество согласился на подобную меру». Он также напомнил, что после «истощения причиненного английской казне последней войной» (речь шла о Семилетней войне – Т.Л.), невозможно ожидать, чтобы король решился на новые издержки, «особенно по делу, вовсе не касающемуся интересов его государства»²¹⁵.

Однако после смерти короля Августа III в 1763 г. Екатерина II продолжала усилия, направленные на реализацию своего замысла: возвести на польский престол графа Станислава Понятовского. Об этом Бэкингэмшир в донесениях в Лондон упоминал неоднократно. Он отмечал: императрица «одна между всеми государями» решается принять столь деятельное участие в деле, «не имеющем прямого отношения к ее собственным интересам». Екатерина через Панина велела передать английскому послу, что никакой союзный договор не сможет скрепить дружбу обеих держав до тех пор, пока Великобритания не примет участия «в намерениях России на севере, и особенно в Польше»²¹⁶. Императрицу не смутили также инсинуации министров Франции и Австрии, которые внушили туркам, что Понятовский женится на Екатерине II, в результате польские и русские владения составят сильный союз. «И это так сильно подействовало, – извещал граф Бэкингэмшир госсекретаря, – что Турция заявила ... избрание Понятовского королем польским будет сочтено ею за объявление ей войны со стороны России». Российским министрам пришлось употребить определенные усилия к тому, чтобы «ослабить и уничтожить дурное впечатление», которое могли вызвать планы императрицы. В то же время Понятовскому императрица наказала «немедленно вступить в брак с особой, которая бы не состояла в родстве ни с какой из иностранных держав»²¹⁷. Что же касается самого графа Понятовского, то он высказывал опасения, что при возведении на польский престол ему потребуется помощь и поддержка, без которых его ждет незавидная участь. Императрица обещала бывшему своему возлюбленному «немедленно выслать сто тысяч червонцев», а через некоторое время еще сумму, «столь же значительную», а также взять на себя расходы, связанные с его коронацией²¹⁸.

Почему Екатерина столь настойчиво продвигала на королевский престол в Польше Станислава Понятовского, по характеристике В.О. Ключевского, «фата, рожденного для будуара, а не для какого-либо престола: шага не мог ступить без красивого словца и глупого поступка»²¹⁹? Только ли желанием отблагодарить своего фаворита? Ответ можно найти в разъяснениях самой императрицы, утверждавшей, что Понятовский был выдвинут Россией в качестве кандидата

²¹⁵ Там же. С. 145.

²¹⁶ Там же. С. 161, 165.

²¹⁷ Там же. С. 175.

²¹⁸ Там же. С. 178.

²¹⁹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. V. М., 1989. С. 37.

на польский престол, так как «из всех претендентов имел меньше всех право на этот престол, и потому должен был быть обязан России больше других»²²⁰. По-видимому, Екатерина намеревалась в будущем использовать своего протеже для укрепления российского влияния в Польском королевстве.

Узнав об избрании Понятовского королем Польши, Великобритания незамедлительно решила объявить себя сторонницей нового короля и посоветовало послу «воспользоваться первым случаем по поводу этого события», поздравить царицу от имени Его Величества, выразив при этом, что король принимает «живейшее участие во всем, касающемся интересов ее и ее престола, столь тесно связанных с интересами Великобритании, в силу давнего и естественного союза»²²¹. Таким образом, эпопея с возведением графа Понятовского на польский престол была успешно завершена Екатериной без чьей-либо помощи. Англичанам оставалось только смириться с одержанной ею победой. Историк А.Б. Соколов подтверждал: «Британскую политику в Польше до ее первого раздела можно охарактеризовать как политику невмешательства, вполне устраивавшую Петербург»²²².

Еще более жаркими оказались баталии двух держав по вопросу продления торгового договора. «Как и в ситуации с союзным договором, Британия рассчитывала возобновить торговый договор без всяких изменений, если уж нельзя было добиться его усовершенствования, — отмечала британская исследовательница И. де Мадариага. — Но то, что обещала Россия в 1734 г., уже не устраивало уверенную в себе, даже дерзкую Россию 1765 г.»²²³. С первых дней своего пребывания в России граф Дж. Бэкингэмшир начал вести переговоры по этому вопросу с вице-канцлером князем А.М. Голицыным, однако встретил с его стороны только «неприятную холодность». «По моему мнению, — писал посол госсекретарю, — для нас ... лучше не входить ни в какие толки по этому предмету, а предложить составленный нами договор, или сохранить старый, выговорив в нем как можно больше изменений в пользу компании»²²⁴. Однако предложения посла не были услышаны. Россия предпочитала ввести ряд новых статей в договор от 1734 года²²⁵. Главные изменения, которые Россия предлагала внести в договор 1734 г., касались статьи 4, согласно которой английским купцам разрешалось платить экспортные пошлины в том же размере, что и русским купцам. «Этот равноправный подход, — подчеркивала И. де Мадариага, — исчез из русского проекта нового договора. Сверх того, в новом варианте статьи 4 Россия оставляла за собой право вводить такие внутренние правила, какие сочтет нужными ради поощрения российского мореплавания»²²⁶.

Добившись приватной встречи с канцлером А.П. Бестужевым, посол высказал удивление по поводу того, что был предложен совершенно новый торговый договор, вместо продления действия предыдущего. Он подчеркнул: эта мера рассчитана лишь на то, чтобы отнять у англичан все привилегии и льготы, «доставленные им в прежнее время справедливостью и политикой России, ниспровергая в тоже время ... основные законы торговли и мореплавания». Подобные действия, на взгляд дипломата, равняются «совершенному изгнанию из России народа, имеющего полное право на лучшее обращение»²²⁷. Выслушав «весьма любезно и

²²⁰ Цит. по: Шишов А. Тайны эпохи Екатерины II. М., 2007. С. 152.

²²¹ Дипломатическая переписка. С. 179.

²²² Соколов А.Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. Ярославль, 1996. С. 112.

²²³ Де Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. Пер. с англ. М., 2002. С.313.

²²⁴ Дипломатическая переписка. С. 46.

²²⁵ Подробнее о российско-британском торговом договоре 1734 г. см.: Демкин А.В. Русско-британские торговые отношения в XVIII веке. М., 1994; Kratova D. British Merchants in Russia in the 18-th century // Russian-British Links, Proceedings of the Conference Held in Saint-Petersburg in 2000 and 2001. St. Petersburg, 2002. P. 115–117.

²²⁶ Де Мадариага И. Указ. соч. С. 313–314.

²²⁷ Дипломатическая переписка. С. 49.

внимательно» пламенную речь Бэкингэмшира, канцлер заверил его, что императрица и окружающие ее лица желают поддерживать дружбу с Англией и попросил письменно подготовить возражения на этот проект, что посол и обещал незамедлительно исполнить.

Спустя неделю Бэкингэмшир навесил вице-канцлера, который сообщил ему, что императрица вполне убеждена в необходимости заключить между обеими державами новый торговый договор, и при этом поинтересовался у посла, не имеет ли он контрпроекта, который бы мог предложить взамен русского проекта. Поскольку Бэкингэмшир не решился самостоятельно принимать решение по данному вопросу, он попросил госсекретаря прежде узнать мнение короля: «Мне кажется, – заявлял он, – что нам удастся доставить некоторые льготы для рижских купцов, хотя с другой стороны я опасаясь, что они будут настаивать на исключении девятого пункта проекта, в силу которого веревки, мачты, корабельный лес, паруса, смола и деготь в военное время не почитались бы за контрабанду»²²⁸.

Как видно, англичане желали добиться от России больших уступок и преференций в коммерческих операциях. «Если в силу торгового договора Англии будет предоставлено право торговать с Персией, выгоды, могущие возникнуть от этого для нас не подлежат сомнению», – сообщал Бэкингэмшир государственному секретарю в феврале 1763 года. И далее продолжал: «Английским купцам было бы выгодно пользоваться в Астрахани теми же привилегиями, какие они имеют в Петербурге, Архангельске и т.д. Я упомянул об этом вице-канцлеру, предложив в то же время, чтобы правительство дозволило свободную торговлю персидскими товарами в Астрахани, взимая с англичан три процента таможенного сбора лишь за товары, назначенные к вывозу через Петербург за границу»²²⁹.

Однако Екатерина II не торопилась с подписанием торгового договора, предпочитая увязать его продление с заключением оборонительного союза. Из беседы с Паниным послу стало известно, что императрица сочла невозможным приступить к торговому договору немедленно, а также «придать ему столь же выгодное значение, иначе как в случае, если Англия заявит свое расположение к теснейшему соединению своих интересов с интересами России»²³⁰.

Чтобы ускорить решение вопроса о торговом договоре, граф Бэкингэмшир обратился к испытанному средству воздействия: подкупу влиятельных сановников. В одном из донесений в Лондон посол сообщал, что получил от канцлера Бестужева бумаги, которые содержали списки ущерба России от английских крейсеров. При этом канцлер добавил, что и сам понес «значительную потерю в виде многих ценных предметов, посланных ему из Франции», однако не требует вознаграждения, а только докладывает об этом, «вполне полагаясь на милость Его Величества». Бестужев также сообщил послу, что имеет много долгов и «вследствие расстроенного здоровья не может много утомлять себя делами». Бэкингэмшир обещал передать содержание беседы королю, а затем, просмотрев бумаги, убедился, что понесенные канцлером убытки составляли немногим более полутора тысяч, хотя тот говорил о двух тысячах фунтов стерлингов. Тем не менее, посол считал, что если Его Величеству будет угодно «предписать выдачу этих денег», то это произведет «весьма благоприятное впечатление»²³¹.

Судя по всему, Бэкингэмшир был неплохо осведомлен о том, что сановники при дворе Екатерины «очень избалованы подарками», а потому предлагал для успешного решения вопроса о торговом договоре «сделать подарки» не только канцлеру, но также Орлову, Панину и вице-канцлеру Голицину. И вскоре госсекретарь Галифакс уведомил посла, что король ждет от него более подробную информацию, касательно того, какую именно сумму следовало раздать лицам, упомянутых в депеше, и в каких размерах. В том же послании госсекретарь упо-

²²⁸ Там же. С. 50–51.

²²⁹ Дипломатическая переписка. С. 76–77.

²³⁰ Там же. С. 164–165.

²³¹ Там же. С. 70.

минал о желании британского правительства в случае, «если невозможно получить ничего, кроме возобновления истекшего договора», не отказываться от него совсем. Вряд ли благоразумно, продолжал он, «испрашивать у императрицы таких уступок, которые могут отзываться неудачей самого договора»²³².

Дискуссии по поводу преференций для английского купечества, закрепленных в торговом договоре, продолжились и в 1764 году. Бэкингэмшир направил Панину подробный отчет о ввозе и вывозе товаров английскими купцами в Петербург в 1763 г. «Ценность вывезенных товаров, считая таможенные пошлины и случайные расходы, простирается до 3 465 000 руб. Ценность ввезенных товаров – 910 000 руб. Баланс в пользу России – 2 555 000 руб.», – приводил доводы в пользу торгового договора посол. И далее добавлял: «Меня удивляет, что Россия, не сознавая выгод, извлекаемых ею из торговли с Англией, допускает сомнения насчет своих намерений продолжить их, предоставив купцам все прежние их привилегии»²³³. Однако русская сторона стояла на своем: торговый договор должен быть подписан одновременно с союзным. Невозможность заключения двух договоров одновременно правительство объясняло неуступчивостью англичан. Как отмечал С.М. Соловьев, Панин и вице-канцлер Голицын обыкновенно отвечали Бэкингэмширу, что «виною медленности неподатливость с английской стороны». Госсекретарь Сэндвич приводил свои аргументы, объясняя, почему Англия никак не может принять пункты о Польше и Турции. «Англия не может обязаться помогать России в случае войны последней с Турцией по своим существенным торговым интересам, – утверждал он, – не может также обязаться субсидиями для польских дел, потому что казна истощена последнею войною (Семилетняя война – *Т.Л.*), и таким обязательством нынешние министры возбудили бы против себя всенародный крик; а на все другие предложения императрицы в Англии охотно согласятся». Лорду Бэкингэмширу была отправлена депеша, в которой категорично напоминали, чтобы он «всячески старался окончить оба трактата – союзный и коммерческий; если же увидит совершенную невозможность успеть в этом, то ожидал бы отзывной грамоты»²³⁴.

Отказываясь от заключения договоров, Екатерина в свою очередь попыталась «надавить» на англичан, ссылаясь на финансовые затруднения. В своих донесениях Бэкингэмшир остановился на эпизоде, связанном с просьбой императрицы о финансовом займе у британского короля. В донесении Сэндвичу от 23 ноября 1763 г. посол сообщал о визите к нему Панина, который передал просьбу Екатерины II оказать ей «денежное пособие» в размере 600 тыс. рублей. В противном случае, заявлял сановник, заключение торгового договора на условиях, предложенных королем, станет невозможным. В ответном послании Сэндвич писал: «Достоинство Его Величества не допускает, а положение его королевства не требует, чтобы король подкупал или заискивал для заключения союза, в котором Россия заинтересована, по меньшей мере, столько же, как и Великобритания»²³⁵. Бэкингэмшир согласился с мнением Сэндвича, утверждая, что императрица считает себя единственной союзницей, на которую Англия может надеяться, и на этом основании полагает, что от нее зависит предписывать англичанам «какие угодно условия». Однако российская сторона стояла на своем. Панин еще раз заверил Бэкингэмшира, что трактаты не будут подписаны иначе, как если англичане не согласятся «оказать пособие» в том виде, как того желает императрица.

Убедившись, что британцы отказали ей в финансовой помощи, Екатерина сама предложила ... выплатить королю 44 тыс. руб., которые она в свое время у него одолжила через сэра

²³² Там же. С. 71–73.

²³³ Там же. С. 165.

²³⁴ Соловьев С.М. Книга XIII. История России с древнейших времен. М., 1994. С. 381–382.

²³⁵ Дипломатическая переписка. С. 146–148.

Чарльза Уильямса²³⁶. «Меня это очень поразило, – доносил в Уайтхолл Бэкингэмшир 31 марта 1764 г., – и я отвечал, что это безделица, о которой, я уверен ... двор забыл и нимало не заботится, и что мне было весьма неприятно сообщать об этом именно в то время, когда переговоры между обоими дворами приняли оборот, не вполне соответствующий желаниям». Панин, ведущий переговоры с послом, отвечал, что императрице «будет весьма жаль, если этот поступок с ее стороны будет объяснен неправильно; что, напротив, так как в то время она нуждалась в деньгах, то почувствовала всю цену оказанной ей услуги и потому навсегда сохранит благодарное воспоминание об этих первых доказательствах дружбы Англии». Однако официальный Лондон категорически отказывался принять 10 тыс. ф. ст., предложенных в уплату суммы, выданной императрице, в бытность ее великой княгиней. «Вам следует, – наставлял посла граф Сэндвич, – передать императрице, что королю особенно приятно воспоминание, сохраненное ею об этом деле в том отношении, что оно служит доказательством всегдашней искренней дружбы к ней Англии, но что в сущности это предмет слишком незначительный для того, чтобы Ее Величество заботилась об уплате»²³⁷. Вся эта история с денежным займом, описанная Бэкингэмширом, лишний раз подтверждает, что Екатерина до своего вступления на престол не гнушалась брать деньги у короля Великобритании, обещая защищать интересы Англии.

Чем же объяснялся отказ британского короля принять одолженные когда-то деньги Екатерине? Нам представляется, что Георг III, с одной стороны, опасался, как бы подобная история с подкупом будущей российской императрицы не стала достоянием широкой гласности, а с другой – не хотел и впредь упускать столь возможный и эффективный рычаг давления на Екатерину II, как подкуп. Однако, как показали последующие события, он глубоко ошибался: укрепившись на престоле, императрица больше не нуждалась в финансовой поддержке со стороны иностранной державы, а потому могла проводить самостоятельную внешнюю политику.

Убедившись, что англичане не идут на уступки, Россия в марте 1764 г. заключила союзный договор с Пруссией, что обеспечило ей поддержку позиций в Польше. В результате переговоры о союзном и торговом договорах с Англией и вовсе зашли в тупик. Таким образом, миссия британского посла оказалась провальной. Официальный Лондон счел необходимым отозвать Бэкингэмшира, заменив его в начале 1765 г. новым послом – Джорджем Маккартни.

Примечательно, что одну из причин своей неудачи в переговорах Бэкингэмшир усматривал в подозрительности русской стороны. Однако, в действительности, как мы могли убедиться, виной тому была отнюдь не подозрительность или осторожность русских дипломатов, а неуступчивость самих англичан в отношении предложений императрицы. Что же касается проявления подозрительности, то этим отличались сами англичане, хотя считали себя просвещенной и цивилизованной нацией. В этой связи показательно высказывание Сэндвича о российском после в Лондоне графе А.Р. Воронцове. «В последнее время поведение графа Воронцова сильно изменилось, – писал госсекретарь Бэкингэмширу, – он не только принимает участие во всех интригах и партиях нашего государства, но даже ... сносится с людьми, наиболее восстановленными против мер Его Величества и употребляющими все усилия к тому, чтобы верным подданным короля помешать в исполнении их обязанностей. Судя по этому, можно весьма основательно опасаться, что то, что он сообщает своему двору, не может способствовать установлению согласия и союза между Англией и Россией. Поэтому, – предостерегал министр посла, – остерегайтесь всяких его действий и передаваемых им сведений»²³⁸. Однако советы Сэндвича оказались бесполезными: Бэкингэмшир к тому времени уже был отозван на родину. Его место занял сэр Джордж Макартни.

²³⁶ Подробнее см.: Глава первая.

²³⁷ Дипломатическая переписка. С. 163–165.

²³⁸ Там же. С. 149–150.

По возвращении в Англию граф Бэкингемшир с 1776 по 1780 гг. занимал должность лорда-лейтенанта Ирландии. На этом посту ему удалось сделать немало полезного для ирландского народа. Так, он добился свободной торговли, а также принятия в 1778 г. Билля о папистах, который отменял репрессивное законодательство против римских католиков и диссентеров²³⁹ и облегчал их положение в Ирландии. 3 августа 1793 г. граф Джон Хобарт Бэкингэмшир скончался. Он был похоронен в фамильной усыпальнице в Норфолке.

Анализ дипломатических отношений России и Британии в первые годы правления Екатерины II показал, что миссия графа Бэкингэмшира завершилась неудачей не столько в силу его непрофессионализма, сколько из-за нежелания Великобритании идти на какие-либо уступки при заключении договоров с Россией. В то же время нельзя сбрасывать со счетов успехи российской дипломатии в лице самой императрицы, а также ее ближайших сподвижников (Панин, Бестужев, Воронцов), твердо и последовательно отстаивавших интересы Отечества. Историк И. де Мадариага высоко оценила успехи Екатерины II, достигнутые ею во внешней политике в первые годы правления. «Учитывая, какое положение досталось Екатерине в наследство, можно сказать, что к 1766 г. она сумела поднять престиж России в Европе до беспрецедентно высокого уровня, – подчеркивала исследовательница. – Императрица преодолела изоляцию, к которой привел страну Петр III; союзные договоры связали Россию с мощной сухопутной державой – Пруссией и с морской державой – Данией. Екатерина достигла своих целей в Швеции и сохранила торговые связи с Британией, не налагавшие на Россию никаких обязательств. В Польше она возвела на трон того короля, которого ей хотелось»²⁴⁰. И хотя союзный и торговый договоры не удалось подписать, обе стороны, как российская, так и британская, не оставляли надежд на дальнейшее продолжение переговорного процесса.

²³⁹ Диссентеры – (от англ. «dissent» – разногласие, расхождение во взглядах) в Англии одно из наименований протестантов, отклонявшихся от официально принятого вероисповедания – англиканизма.

²⁴⁰ Де Мадариага И. Указ. соч. С. 318.

Глава четвертая

Посол Джон Макартни в борьбе за преференции в торговом договоре

В декабре 1764 г. в Петербург прибыл новый посол Великобритании граф Джордж Макартни (1737–1806). Выходец из аристократической семьи, ведущей свое происхождение от древнего шотландско-ирландского рода, он являлся единственным сыном от брака Джорджа Макартни и Элизабет Виндер. По окончании Тринити-колледжа в Дублине в 1759 г. Джордж поступил в юридическую корпорацию в Лондоне. Спустя пять лет его уже назначили чрезвычайным послом Великобритании в России.

В ту пору Макартни исполнилось 27 лет, а такому неопытному дипломату правительство Великобритании поручило завершить неудачно начатое его предшественником графом Бэкингэмширом важное предприятие: заключить оборонительный и торговый договора с Россией. Возможно, это назначение не обошлось без ходатайства лорда Холланда, который оказывал покровительство молодому Макартни. Как утверждал его биограф Барроу, «почтенный лорд в данном случае руководствовался тем соображением, что красивая наружность Макартни, привлекательные манеры, обходительность и ловкость могли служить немалым ручательством успеха при дворе, где царствующей особой была женщина, и даже привести к большим результатам, чем выдающийся талант без этих преимуществ»²⁴¹. На использование слабости Екатерины II к «сильному полу» намекал в своем письме к Макартни и лорд Холланд. «Русская императрица, – писал он, – в том возрасте, который пользуется вашим особенным предпочтением, а я добавлю со своей стороны, что она стареется с каждым днем. Поэтому советую выехать из России, как только вы заметите, что красота ее начинает блекнуть»²⁴².

По прибытии в Петербург Макартни поселился в доме графа Бэкингэмшира, который и посветил его в тонкости придворной жизни Петербурга. В январе 1765 г. посол был официально представлен императрице и великому князю Павлу Петровичу. Поначалу дипломат намеревался произнести свою речь по-английски, но граф Н.И. Панин посоветовал: «двору будет приятнее французский язык», к тому же сама императрица и великий князь будут отвечать ему по-французски.

Послу было известно, что Панин, находившийся «в наилучших отношениях» с графом Григорием Орловым, «пользуется особенной милостью императрицы, ибо разделяет ее политические убеждения», а потому он решил поближе сойтись с сановником. В депеше от 29 марта 1768 г. Джордж Макартни извещал госсекретаря графа Сэндвича: «Так как Панин единственный министр, руководящий всем здешним правительством, то я пользуюсь всеми случаями за ним ухаживать, стараюсь вступить с ним в дружбу и заслужить с его стороны хорошее обо мне мнение, и ... надеюсь, что старания мои не останутся без успеха»²⁴³.

Макартни обратил внимание на то, что Панин, хотя и обладал «огромным состоянием», но был весьма расточителен и «совершенно запутался» со своими финансовыми делами. Дипломату стало «достоверно известно», что императрица намеревалась заплатить долги Панина, чтобы он мог «удалиться с достоинством и не жаловался бы на свою отставку»²⁴⁴.

²⁴¹ Цит. по: *Белозерская Н.А.* Россия в шестидесятых годах прошлого века // *Русская старина*. СПб., 1887. Кн. IX. С. 499–500.

²⁴² Там же. С. 500.

²⁴³ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе (далее – «Дипломатическая переписка») // *Сборник императорского русского исторического общества*. Т. XII. СПб., 1873. С. 198–199.

²⁴⁴ Там же.

Однако предположения посла о приближающейся отставке графа оказались преждевременными, и потому ему пришлось вести все переговоры о договорах именно с Паниным. В то же время искренность российского министра и его «частые и торжественные» высказывания дружеского расположения к послу не повлияли на ход переговоров.

Главное внимание Макартни предложили уделить заключению торгового договора, который пролонгировал бы действие прежнего, от 1734 г., соглашения, обеспечивавшего ряд преференций английскому купечеству. Однако решить данную проблему быстро послу не удалось. «Торговый договор подвигается с необычайной медлительностью, – сетовал в своей депеше к Сэндвичу Макартни, с раздражением добавляя, – да, и не может быть иначе в стране, где все это дело ведется какими-то лавками, величаемыми коллегиями, и мелкими купцами, которых им угодно называть членами комиссии». На взгляд дипломата, в медлительности решения вопроса о торговом договоре Панин не был виновен, поскольку, как считал Макартни, он не видел в том выгоды ни для себя, ни для народа. «Я объясняю эту неудачу единственно отсутствием всякой методичности, преобладающей в делах всей этой обширной империи», – приходил к заключению посол²⁴⁵.

На протяжении четырех месяцев Макартни вел интенсивные переговоры, которые, наконец-то, завершились и должны были получить, по его мнению, «милостивое одобрение» короля, поскольку посол «держался как можно ближе к букве данных ... инструкций». «Принимая в соображение, что условия, гарантированные нам, гораздо лучше того, на что рассчитывали наши купцы, а также и то, что купцы эти чрезвычайно довольны договором в настоящем его виде, – докладывал Макартни министру Графтону, сменившего Сэндвича, – я наконец решился подписать трактат». Посол ставил себе в заслугу, что выбрал подходящий момент для подписания договора, поскольку в случае перехода власти от Панина к Орловым, «отъявленных врагов иностранцев», заключить данный трактат вряд ли бы удалось²⁴⁶.

Однако радость Макартни по поводу столь удачно выполненной, на его взгляд, задачи оказалась преждевременной. «Не могу от вас скрыть, что как Его Величество, так и все его министры крайне недовольны тем, что вы решились подписать торговый договор, прежде чем прислать его сюда, и таким образом узнать волю Его Величества относительно условий его, – сообщал в ответном послании герцог Графтон. – Трактат, подписанный королевским министром при иностранном дворе, идет вразрез с инструкциями, данными ему прежней администрацией, без всякого разрешения со стороны настоящей администрации, рассматриваемый в то же время королем, как договор, существенно вредный для торговли, что подтверждается и купцами, ни в каком виде не может быть принят нами и ратифицирован Его Величеством». Послу предложили добавить к 4 статье договора декларацию, в которой речь шла о «расширении российского мореплавания». В декларации, в частности, говорилось, что британские подданные будут иметь возможность участвовать во всех предприятиях и извлекать из них такие же выгоды, как и российские граждане, подданные Ее Императорского Величества, причем упомянутые меры «ни в каком случае не будут клониться к уменьшению или ограничению торговли, которую в настоящую минуту подданные Его Британского Величества ведут с подданными Ее Императорского Величества ... Декларация эта будет иметь равную силу, как будто бы она была включена в трактат»²⁴⁷.

Макартни, по его собственным словам, «движимый государственными и частными побуждениями», стараясь достигнуть поставленной цели «с неутомимой энергией и беспримерной настойчивостью», приступил к переговорам с графом Паниным. Каково же было удивление дипломата, когда он столкнулся с возмущением сановника. «Он, кажется, был очень

²⁴⁵ Там же. С. 204–205.

²⁴⁶ Там же. С. 209–211.

²⁴⁷ Там же. С. 227.

удивлен этим предложением, несколько минут молчал, а затем разразился негодованием в таких выражениях, которые ясно доказывали, насколько были поражены его тщеславие и высокое мнение о себе», – извещал посол Графтона. Принять договор с декларацией Панин отказался. Три дня подряд Макартни приходил к Панину и, всячески «стараясь смягчить его», заговаривал о декларации. Посол обращался за содействием ко многим друзьям сановника, чтобы те оказали на него влияние. Однако все попытки дипломата оказались безуспешными, а все его усилия «тщетными». И тогда Макартни решил обратиться к самой императрице. Он осмелился говорить о своем деле с Екатериной «в маскарade и чуть не упал перед ней на колени, убеждая ее, но непоколебимость ее превзошла даже обычное женщинам упрямство». Посол был вынужден признать свое поражение, так как был убежден в невозможности добиться от императорского двора уступок. Макартни объяснял госсекретарю, чем объяснялась подобная несговорчивость российской стороны. «Двор здешний становится с каждым часом горделивее и в ослеплении от настоящего своего благоденствия относится все с меньшим уважением к прочим державам и все с большим восхищением к самому себе, – сообщал посол. – Усилившись союзом с Данией и Пруссией, гордые тем, что назначили короля Польши (Станислава Понятовского – *Т.Л.*) ... они, по моему убеждению, будут с каждым днем менее умеренны в своих требованиях и более несговорчивы в переговорах. Поэтому милорд, осмеливаюсь полагать, ... что обмен ратификаций должен бы произойти как можно скорее, так как всякое новое требование подвергло бы нас тем ответам, которые бы им вздумалось дать нам и вызвало бы с их стороны объяснения, несовместные с достоинством Его Величества и невыгодные для интересов его подданных, ведущих торговлю в этой империи»²⁴⁸.

Между тем, Екатерина II решила сама разъяснить послу причины, вследствие которых для нее было «совершенно невозможно» согласиться на подобную декларацию. Она не требует «взаимности новых условий с декларацией, подобной той, какую у нее спрашивают», поскольку Россия от Англии ничего не получает, и потому «это было бы лишь актом прямой зависимости, несогласной с достоинством престола». Господину послу хорошо известен образ мыслей русского двора, продолжала императрица, для того, чтобы «допустить возможность склонить его на декларацию, унижительную для его достоинства и невозможную как по форме, так и по выражениям». Посему императрица повелела своему министерству объявить, что «настоящий шаг составляет ее ультиматум и что она не может согласиться ни на какие другие условия». Екатерина предлагала британской стороне решить, что ей удобнее: «воспользоваться выгодами, возникающими от общения одной дружбы или отказаться от них единственно по неимению права облекать их в законы». Если же ответ короля «будет не таков, каким бы его желали», то императрица потребует, чтобы немедленно приступили к отзыву подписей под трактатом²⁴⁹. Как видно, твердая позиция, занятая Екатериной II в вопросе о декларации к торговому договору, являлась свидетельством усиления ее позиций в договорном процессе с Великобританией в целом.

Между тем, король Великобритании не сдавался. Он решил увязать принятие декларации с заключением союзного договора. Король потребовал от посла донести до сведения императрицы, что желает с ней «скрепить теснейший союз», но медлительность с выдачей «форменной декларации» служит тому серьезным препятствием. Поручение Георга III было выполнено, и вскоре Макартни извещал Графтона о разговоре с Паниным. Граф отвечал ему «сдержанно, но презрительно»: «Как видно, сэръ, у нас никогда не будет торгового трактата; что же касается до союзного договора, то так как это предмет совсем другого рода, то мы займемся им на свободе, когда найдем это всего удобнее для наших взаимных интересов, но когда наша торговля будет доступна для других наций, не думайте, чтобы предстояла возможность стеснять ее из

²⁴⁸ Там же. С. 229–232.

²⁴⁹ Там же. С. 234–236.

пристрастия к вам. Давно пора, – продолжал Панин, – положить конец этому делу и приступить к уничтожению подписей, что я и сделаю немедленно в вашем присутствии». Увидев, что Панин уже собирался послать в канцелярию за трактатом, Макартни «самым убедительным и трогательным образом» упрощил его отложить, хотя бы на несколько дней, исполнение «столь поспешного и крайнего намерения». И хотя Панин обещал, «несмотря на свою непоколебимую решимость», не принимать никаких мер «под влиянием гнева или раздражения», посол пришел к неутешительному выводу: «Окончательная неудача трактата и отмена привилегий, которыми наши купцы пользовались лишь вследствие снисхождения, теперь ... неизбежны»²⁵⁰.

Пытаясь всеми силами отсрочить намерение императорского двора отказаться от пролонгации торгового договора, Макартни напросился на прием к Панину после посещения театра. Во время беседы посол поинтересовался у графа, правда ли, что собираются отменить торговый договор, принятый при Елизавете Петровне. «Он (граф Панин – Т.Л.) очень спокойно ответил мне, что это совершенная правда, – докладывал госсекретарю Макартни, – что он часто предупреждал меня, что таково должно быть окончание нашего дела и спросил.. неужели я удивлен тем, что он держит данное им ... слово; далее он сказал, ... что нет никакой возможности вести переговоры с англичанами на равных правах, что решил он на немедленное исполнение этого намерения в тех видах, чтобы дать здешним английским купцам время предупредить своих друзей в Англии, прежде чем наступит сезон мореплавания, через что они имели бы возможность принять сообразные с этим меры и не потерпели бы убытки, вследствие надежды на трактат, который, быть может, они считали уже оконченным»²⁵¹. Убедившись после разговора с Паниным, что добиться принятия российской стороной декларации на условиях англичан не представляется возможным, посол еще раз предложил госсекретарю ратифицировать договор с тем, чтобы сохранить все то, что уже было «условлено и приобретено», и чего возможно лишиться, если британская сторона будет настаивать на принятии декларации.

В то же время, чтобы решительнее повлиять на российскую сторону, посол предложил королю объявить о намерении ежегодно посылать в Балтийское море для защиты британской торговли 4 или 5 военных кораблей. Макартни полагал, что «опасение подобной меры» может побудить Россию согласиться с требованием англичан, а в случае их отказа послужит «предлогом для того, чтобы постоянно иметь флот на Балтийском море»²⁵². Дипломат ссылался на прецедент 1716–1717 гг., когда эскадра под командованием Джона Норриса появилась в Балтийском море. Тогда это вызвало большое недовольство российской стороны.

Между тем, Екатерина, убедившись в неуступчивости англичан, приказала подготовить указ об отмене прежнего торгового договора. Макартни не на шутку забеспокоился и в донесении от 15 апреля 1766 г. стал чуть не умолять официальный Лондон о необходимости скорейшего подписания существующего договора без всяких дополнительных условий. «При настоящем положении дел, – писал дипломат, – я с истинным сожалением усматриваю, что нам остается выбирать между двумя исходами, а именно: невозвратно потерять торговый трактат со всеми его выгодами или немедленно согласиться на него на тех условиях, которых быть может еще возможно достигнуть». По-видимому, согласие на подписание договора от правительства было получено, так как 23 июля 1766 г. Макартни сообщал, что был вынужден подписать трактат «в прежнем виде». Король согласился одобрить договор и повелел подготовить ратификацию, хотя и был недоволен тем, что 4 статья не была исправлена в соответствии с английской редакцией. Как бы то ни было, торговый договор был ратифицирован, о чем госсекретарь Конвей известил Макартни 24 октября. «Ратификации торгового трактата доставили здесь большое удовольствие, – писал он, – хотя, конечно, оно значительно ослаблено усиленными и мно-

²⁵⁰ Там же. С. 239, 243.

²⁵¹ Там же. С. 246.

²⁵² Там же. С. 253.

гократными объяснениями Панина насчет союзного трактата и непреклонной и решительной настойчивостью его и его двора»²⁵³. Таким образом, многолетние усилия британской стороны, направленные на пролонгацию торгового договора, наконец-то привели к долгожданной развязке. На взгляд А.Б. Соколова, успеху Макартни способствовало то обстоятельство, что в 1766 г. в Англии пришло к власти правительство У. Питта-старшего, который активно выступал за сближение Великобритании с Россией. Историк полагал, что торговый договор 1766 г. был выгоден для обеих сторон. В качестве аргумента, подтверждавшего данный факт, он приводил высказывание британского ученого П. Кленденнига, который утверждал: «Британское правительство через посредство Русской компании обеспечило себе приток сырья для военных дел по выгодным ценам, почти не пожертвовав военными и политическими принципами. С другой стороны, русские могли быть уверены в поступлении английских товаров в связи с установлением низких тарифов»²⁵⁴.

Воодушевленный одержанной победой на коммерческом фронте Макартни решил активизировать свои усилия, направленные на пролонгацию союзного договора. Напомним его предысторию. На протяжении XVI–XVII вв. связи Англии и России носили, как известно, по преимуществу экономический характер. Англия в ту пору не нуждалась в каком-либо политическом союзе с Россией. Необходимость в таковом возникла в 1740-х годах, поскольку в начавшейся войне за Австрийское наследство Россия участвовала на стороне Австрии и Англии. Первый в истории русско-английский договор был заключен 3 апреля 1741 г.²⁵⁵, однако он не вступил в силу из-за дворцового переворота, вызвавшего смену правления. В 1742 г. договор был возобновлен практически в прежнем виде²⁵⁶. Договор носил характер субсидиарной конвенции.

По прошествии времени в связи с изменением международных отношений в Европе в 1755 г. с Англией был подготовлен новый союзный договор. Поскольку Великобритания заключила субсидиарную конвенцию с Пруссией, а затем выступила и ее союзницей во время Семилетней войны, тогда как Россия воевала в противоположном лагере вместе с Францией и Австрией, то указанный договор был расторгнут.

В 1762 г. с приходом к власти Екатерины II сближение Англии с Россией казалось легко достижимым. Политический союз с Россией становится одной из целей внешней политики Великобритании. Вот, почему прибывавшие в Россию британские дипломаты постоянно поднимали вопрос о заключении союзного договора. Не стал исключением и Макартни.

Проживая в августе 1766 г. в окрестностях Петербурга, в Стрельне, в одном из императорских домов, который Екатерина «была так добра» предоставить послу на летний сезон, Макартни нередко встречался с графом Паниным. «Я употреблял все доводы, рассуждения и средства убедить его принять мои мысли по поводу настоящего кризиса в делах, – извещал посол госсекретаря Конвея, – и приступить к беспристрастному и справедливому плану союза между обеими нациями; но уверяю вас, сэр, до сих пор переговоры шли только с моей стороны, потому что действий его я не могу назвать переговорами». Макартни не скрывал своего раздражения неуступчивостью императорского двора в решении данного вопроса, объясняя это усилением позиций России на международной арене. «Тщеславясь прошлыми успехами, в упоении от настоящих надежд, не видя и не допуская возможности переворота, двор этот становится день ото дня более ослепленным своей гордостью и относится все презрительнее к прочим державам, восхищаясь лишь собственным могуществом», – утверждал дипломат²⁵⁷.

²⁵³ Там же. С. 261, 262, 267–269, 277.

²⁵⁴ Соколов А.Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVIII вв. Ярославль, 1992. С. 262.

²⁵⁵ Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными государствами. СПб., 1802. Т. 9 (10). С. 90–112.

²⁵⁶ Там же. С. 112–133.

²⁵⁷ Дипломатическая переписка. С. 260–270.

Макартни не оставлял своих попыток подтолкнуть российскую сторону к заключению союзного договора и в следующем, 1767 году. Поскольку императрица, по мнению посла, в последнее время стала обращать гораздо меньше внимания на иностранную политику, и «все ее мысли поглощены заботой о внутреннем управлении государством», Макартни решил более настойчиво действовать через графа Панина. Он добивался от сановника подписать союзный договор без статьи о турецком вопросе, но Панин категорически отказывался это делать, объяснив, что готов тотчас же заключить с Англией «твердый союз, без всякого вмешательства прочих держав, но что он никогда не отступит от турецкого вопроса». Граф заверял англичан, что они сильно заблуждаются, если льстят себя надеждой, что он со временем будет менее непреклонен. Союз с Великобританией, продолжал Панин, «не представляет для России никакой пользы, иначе как в случае войны с Оттоманской Портой, ибо какая другая держава осмелится напасть на нее?» В то же время Великобритания, полагал российский министр, извлечет для себя все выгоды, какие только может желать, из союза с Россией, вне зависимости от того, рассматривать этот союз «в наступательном характере, или только оборонительном»²⁵⁸. Однако британская сторона не желала поддержать Россию в надвигающейся войне с Турцией (1768–1774 гг.), предпочитая сохранять нейтралитет. В этой связи миссия Макартни представлялась завершённой: весной 1767 г. его пост занял Генрих Ширли.

В одном из своих последних донесений в Лондон Макартни сообщал о российском после господине Стэнли, которого императрица направляла в Великобританию, полагая, что эта информация может заинтересовать правительство. Стэнли был младшим сыном знаменитого графа Чернышева, одного из генералов Петра I, прославившегося, несмотря на незнатное происхождение, «собственными замечательными делами». Ему 40 лет, сообщал Макартни, но он сохранил «всю живость и подвижность молодости; сознавая за собой большие таланты». По мнению дипломата, «природный ум его, хотя и не глубок, но отличается быстротой и в России может прослыть первостепенным». Макартни обращал внимание на начитанность российского посла, отмечая в то же время, что он следовал «французской привычке»: читал исключительно одни мемуары, письма, анекдоты, альманахи и словари. Классические языки ему совершенно неизвестны, зато он владеет многими новыми языками, по-французски и по-немецки говорит «с необыкновенной легкостью». Его разговор «умен и занимателен, но часто утомителен до приторности многословными выражениями, так как по его понятиям красноречие и болтливость одно и то же». На взгляд посла, господину Стэнли, как и всем русским людям, «совершенно недостает проницательности». Его честолюбие «превосходит всякую самонадеянность, – продолжал дипломат, – он подозрителен к своим друзьям, ненасытно мстителен к врагам, повелителен перед низшими, двуличен перед высшими, невнимателен к подчиненным, жесток к своим рабам; обращение его высокомерно, а характер вспыльчив до бешенства; он проникнут сумасбродными идеями о величии и могуществе своего народа, сравнительно с которым имеет самое невыгодное понятие об остальных государствах». Макартни полагал, что императрица, в бытность свою великой княгиней, имела случай хорошо с ним познакомиться, а потому ненавидит его. Не обошел своим вниманием британский посол пристрастие российского дипломата к роскоши, отмечая, что его обстановка в доме «необычайно роскошна и великолепна, так как он человек богатый и чрезвычайно расточительный». Свои суждения Макартни вынес на основании того, что ливрея каждого из слуг Стэнли стоила более 100 фунтов, а бриллианты его жены – около 40 тыс. фунтов стерлингов. Супруга мистера Стэнли, по наблюдениям Макартни, «отличается необыкновенной красотой, кротким нравом, и самым любезным характером». Дипломат полагал, что она несчастлива в браке, однако «мысль об этом посольстве до того ослепляет ее», что она решилась сопровождать мужа в Англию. Завершая характеристику российского посла в Великобритании, Макартни упоминал, что давно зна-

²⁵⁸ Там же. С. 295.

ком с ним «весьма близко», и потому не ошибся насчет его характера и не преувеличил его «в дурную сторону»²⁵⁹.

Заметим, что столь исчерпывающая информация о российском после, представленная британским дипломатом, не была случайностью. Скорее она отвечала требованиям, которые правительство и король Великобритании предъявляли ко всем своим резидентам, находящимся на службе в Российской империи. Там, государственный секретарь Конвей напоминал Макартни о том, что тот должен постоянно обращать внимание на все, что имеет отношение к внешней политике императрицы, поскольку «планы ее слишком обширны, а значение ее слишком велико для того, чтобы считать незначительным малейший ее шаг»²⁶⁰.

Надо сказать, что в своей дипломатической переписке Макартни не ограничивался обсуждением вопросов, имевших непосредственное отношение к его деятельности. Подобно своим предшественникам, в своих донесениях он сообщал информацию о том, что могло заинтересовать правительство. Так, Макартни извещал государственного секретаря о неудовлетворительном состоянии финансов в России. «Лорд Бэкингом (Бэкингэмшир – Т.Л.) ... описывал вам в одном из своих писем, милорд, блестящее состояние финансов императрицы, – писал Макартни. – Действительно, ее частная казна простирается до семи миллионов рублей, и она так бережлива, что сумма эта возрастает с каждым днем». Однако, несмотря на богатство императрицы, продолжал посол, «страна ... бедна, и ни в руках купцов, ни за игорными столами почти не видно золота или серебра. Это тем более удивительно, так как положительно доказано, что Россия ежегодно получает шестьсот тысяч футов стерлингов, составляющих баланс в ее пользу в торговле ее с Англией»²⁶¹.

Не обошел своим вниманием посол состояние армии и флота Российской империи. «Морская сила этой империи давно уже приходит в упадок, – извещал Макартни государственного секретаря Графтона, – и теперь значительно слабее, чем при смерти Петра I. Адмиралтейство их находится в величайшем беспорядке. Их кораблестроители самонадеянны и невежественны; их матросы немногочисленны и не знают дисциплины; их офицеры ленивы, небрежны и равнодушны к службе»²⁶².

Следует отметить, что Макартни отзывался о русском народе весьма нелицеприятно. «Наша ошибка по отношению к ним, – писал он в одном из донесений госсекретарю, – состоит в том, что мы считаем их народом образованным и так и относимся к ним. Между тем, они нисколько не заслуживают подобного названия». А далее посол объяснял, на чем он основывался, делая подобные выводы. «Ни один из здешних министров не понимает латинского языка и весьма немногие знакомы с общими основаниями литературы. Гордость нераздельна с невежеством и ... действия ... двора часто проникнуты гордостью и тщеславием ... В этих словах нет ничего преувеличенного». «Мне говорили, – продолжал он, – что только со времени нынешнего царствования здесь введены обычные формы делопроизводства, употребляемые при других дворах». Дипломат ссылаясь на высказывания Панина и вице-канцлера, которые его уверяли в том, что во времена императрицы Елизаветы Петровны Бестужев подписывал все трактаты, конвенции и декларации «без всяких уполномочий со стороны государыни». Макартни полагал, что никакие международные законы не могли достигнуть успехов в стране, «где нет ничего похожего на университет». «Принимая во внимание их варварство и незнание тех искусств, которые развивая способности и освещая ум, приводят к открытиям, – продолжал дипломат, – я нимало не опасаюсь их успехов в торговле и попыток в мореплавании. Их как детей привлекает всякая новая мысль, которую они преследуют на минуту, а затем оставляют

²⁵⁹ Там же. С. 297–300.

²⁶⁰ Там же. С. 278.

²⁶¹ Там же. С. 200–201.

²⁶² Там же. С. 254.

ее как только в воображении их возникает что-нибудь новое ... В последнее время все попытки их в коммерческих предприятиях кончались лишь убытками, неудачами и стыдом»²⁶³.

Высказываясь столь нелестно о русском народе, посол в то же время с восхищением отзывался об императрице. Он отмечал, что Екатерина II обладала проницательным умом, вследствие которого она не только находила недостатки, но тотчас же изыскивала средства для их исправления. Поскольку императрица убедилась «в беспорядке, сложности, запутанности и несправедливости законов» своей империи, их исправление составляло «предмет ее честолюбия». Для этой цели Екатерина II рассмотрела и изучила «с величайшим вниманием и точностью» различные законодательства других стран. На основании собственных замечаний по этому предмету и мнений «самых ученых и способных ее советников» она составила уложение, соответствующее благу ее подданных и характеру народа. «Уложение это, – продолжал Макартни, – будет предложено на рассмотрение депутатов империи, которые соберутся в Москве в течение будущего лета, причем им будет предоставлено право высказывать свои мнения о нем, указывать на те недостатки, которые они найдут в нем, и предлагать изменения». После соответствующего обсуждения и утверждения уложение будет обнародовано, и оно «составит основное законодательство империи на будущее время». На взгляд Макартни, «это высокое предприятие достойно честолюбия великого монарха, предпочитающего титул законодателя славе побед, и полагающего в основание своего величия, заботу о благоденствии, а не уничтожении человечества»²⁶⁴.

Бесспорный интерес в донесениях Макартни представляла информация о первом законодательном органе России – собрании депутатов, который предполагалось создать для составления и утверждения новых законов. В его состав должны входить 1100 – 1200 депутатов, избранных из всех сословий и из всех народов, «составляющих русские владения», без различия вероисповедания, т.е. христиан, язычников и магометан. Дипломат полагал, что действия «столь шумного собрания» вряд ли будут правильными, а его решения «отличаться быстротой». Между тем, подобная затея Екатерины II с собранием депутатов, на его взгляд, будет выгодной англичанам, поскольку «отобьет охоту ко всякой иностранной политике и в течение значительного времени всецело поглотит внимание императрицы»²⁶⁵.

Информация о депутатах собрания оказалась последней в донесениях дипломата, но, по-видимому, наблюдения за российской действительностью на протяжении его пребывания в Петербурге и Москве, не прошли даром. В 1767 г. Макартни возвратился на родину, и спустя год анонимно издал книгу «Описание России 1767 года»²⁶⁶. Поскольку труд Макартни представляет собой ценный источник по истории екатерининской России, к его анализу мы обратимся особо²⁶⁷.

Как сложилась судьба дипломата после его возвращения на родину? В 1769–1772 гг. Макартни избирался в парламент, некоторое время исполнял обязанности главного секретаря Ирландии. Спустя три года правительство направило его в качестве губернатора на Карибы, а в 1780–1786 гг. – губернатором в Британскую Индию. За безупречную службу Макартни в 1792 г. получил от короля титул виконта. В том же году началась его дипломатическая миссия при дворе китайского императора Цяньлуна. Цель британского посла была та же, что и в России, – добиться торговых преференций для купцов и предпринимателей Великобритании. Ему также было поручено договориться с китайской стороной об открытии для англичан Кантона и ряда других портов, а также учреждения британского представительства в китайской столице.

²⁶³ Там же. С. 248–250.

²⁶⁴ Там же. С. 291.

²⁶⁵ Там же. С. 292–293.

²⁶⁶ An Account of Russia. 1767. Lnd., 1768.

²⁶⁷ См.: Глава одиннадцатая.

Макартни был принят во дворце как посол «далекого и маленького “варварского” государства» – очередного «данника» богдыхана, а его подарки были восприняты как преподношение дани. Подобно предшественникам – послам других государств, Макартни отказался исполнить унижительный для европейцев обряд тройного коленопреклонения с земным поклоном (коутоу). В результате ему пришлось возвратиться на родину ни с чем²⁶⁸. Однако, несмотря на неудавшуюся миссию, в 1794 г. король присвоил Макартни титул барона, а спустя два года направил его губернатором в Капскую колонию в Южной Африке. В 1798 г. из-за ухудшившегося здоровья дипломат вышел в отставку. 31 мая 1806 г. Джордж Макартни скончался. Его титул, равно как и собственность, после кончины вдовы леди Джейн Стюарт, с которой Макартни прожил в браке 38 лет, но не имел детей, перешли сыну его племянницы²⁶⁹.

Жизнь талантливого дипломата Великобритании оборвалась, но его имя осталось в памяти потомков не только в силу его незаурядной профессиональной деятельности, но в немалой степени благодаря интересному труду о далекой и великой России.

²⁶⁸ <http://www.wiki-link.ru/citrates/1358421> (дата обращения 26.11.2015 г.)

²⁶⁹ <http://www.dic.nsf/ruwiki/655927> (дата обращения 26.11.2015 г.)

Глава пятая

Союзный договор – «камень преткновения» в переговорах британских и российских дипломатов

Шестидесятые годы XVIII века явились переломным этапом во взаимоотношениях Великобритании и России. Именно в этот период вскрылись те глубокие противоречия между государствами, которые в дальнейшем приведут к резкому обострению их отношений. Одним из сложных в дипломатическом диалоге стран в ту пору стал вопрос о союзном договоре.

Надо заметить, что первые шаги екатерининской дипломатии отличались, по словам известного российского историка В.Н. Виноградова, «осторожностью и сдержанностью»²⁷⁰. Глава внешнеполитического ведомства Н.И. Панин надумал создать для противодействия союзу Бурбонского дома (Франции и Испании) так называемую Северную систему (или Северный аккорд). На взгляд В.Н. Виноградова, эта система представляла собой «нечто аморфное, трудно поддающееся определению, не коалиция, и не союз, а некое согласие жить в мире – в противовес французскому Восточному барьеру, чреватому конфликтами и войной»²⁷¹. К Северной системе предполагалось привлечь Англию, Пруссию, Данию, Швецию, Польшу. Анализируя оценки Северной системы историками, В.Н. Виноградов, отдавая им должное, считал Северный аккорд своего рода «лигой мира». Он подчеркивал, что, несмотря на долю идеализма в замыслах Панина, Северный аккорд явился «провозвестником будущих международных и даже всемирных организаций»²⁷².

В основу Северной системы должен был лечь оборонительный союз с Великобританией. Для этого имелись веские основания. В то время как России требовались субсидии и морская поддержка, британцы испытывали нужду в сухопутных войсках. Кроме того, обе страны были заинтересованы в ослаблении усилившегося влияния Франции на севере Европы – в Швеции, Дании, Польше. После окончания Семилетней войны Великобритания оказалась в сложном положении. А.Б. Соколов отмечал: «Распался союз с Пруссией, которая считала себя обманутой «коварным Альбионом». Главный противник, Людовик XV, заключил «семейный договор» с испанскими Бурбонами. Этот блок поддерживала тогда и Австрия. Великобритания рисковала оказаться в состоянии международной изоляции. Это заставило английское правительство ... добиваться восстановления союза с Россией»²⁷³.

Переговоры о союзе России и Англии были начаты, как мы помним, в 1762 г. Однако британские дипломаты – вначале граф Бэкингэмшир, а затем Дж. Макартни не смогли решить эту задачу. Сменившие их на посту Генрих Ширли и Чарльз Кэткарт должны были продолжить начатое дело.

После отъезда из России Макартни заведовать делами английского посольства остался ответственный секретарь Генрих Ширли. Он пробыл в стране недолго, с 1766 по 1767 гг., мало в чем преуспел на ниве дипломатии, и потому, возможно, о нем не осталось информации в справочных изданиях, Словаре национальной биографии, Википедии. Единственное упоминание в отечественной литературе о нем встречаем у С.М. Соловьева²⁷⁴.

Причину неудачи с заключением англо-русского союзного договора предшественниками Ширли усматривал главным образом в негативном отношении Пруссии к России. Он сообщал

²⁷⁰ Виноградов В.Н. Дипломатия Екатерины Великой // Новая и новейшая история. М., 2001, № 3. С. 135.

²⁷¹ Там же.

²⁷² Там же. С. 136.

²⁷³ Соколов А.Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVIII вв. Ярославль, 1992. С. 256.

²⁷⁴ Соловьев С.М. Сочинения. Книга XIV. История России с древнейших времен. Т. 27. М., 1994. С. 213–214.

своему двору о позиции короля Фридриха II: «Я убежден, что он (король – Т.Л.) не входит в виды этого (русского – Т.Л.) двора; что он вовсе не приверженец Северной системы; что одна необходимость (союз Австрии, его естественного врага, с бурбонским домом) может заставить его искать убежища под покровительством России; что если бы он мог действовать открыто с безопасностью для себя, то он немедленно составил бы сильную оппозицию намерениям императрицы; что он с большим неудовольствием смотрит на быстроту, с какой она увеличивает свою власть и значение ... Он делает все возможное, чтобы только помешать успеху панинской системы. Нет сомнения, – заключал Ширли, – что с великой досадой увидал бы он союз между нашим королем и императрицей»²⁷⁵.

Государственный секретарь Конвей, изыскивая доводы в пользу заключения договора, советовал Ширли ссылаться на достижения Великобритании. «Беспримерные успехи последней (Семилетней – Т.Л.) войны ... поставили Англию на столь высокую степень славы, что зависть наших соседей внушает более опасений, чем противоположное тому чувство, – писал Конвей в депеше 9 октября 1767 г. – Успех нашего оружия является не пустым блеском славы, но источником существенного увеличения могущества и богатства, который доставит нации прочнейшие выгоды». А далее он ссылался и на другие достижения королевства: «Финансы увеличены без всякого отягощения для народа ... Наша торговля, от которой так много зависит положение финансов, усиливается почти по всем отраслям»²⁷⁶.

Не забыл госсекретарь упомянуть и о колониальных владениях Великобритании. «Наши колонии, столь многолюдные, богатые и обширные, в последнее время заявили дух такого повиновения к родной стране, и такого искреннего усердия к ее интересам, который ручается нам в их готовности поддержать нас ... что даст нам в этой части света могущество ... устрашающее для наших соседей. В Ост-Индии наши приобретения во время войны ... поражают удивлением даже нас самих и превосходят наши самые далекие ожидания. Доход в 4 млн. ф. стерлингов, собираемый с одной земли и охраняемый военной силой, которой ничто в этой стране не в состоянии противостоять, являет ... беспримерное до сих пор соединение силы и богатства. По сравнению с этими цифрами финансы всей Русской империи окажутся не многим значительнее»²⁷⁷.

Особое внимание Конвей обращал на усиление мощи британского флота и армии, достигнутое во многом благодаря деятельности короля Георга III. «Никогда в прежнее время нация не имела стольких средств защищаться от врагов или наступать на них, – писал он. – В настоящую минуту в строю находятся до 20 пехотных полков ... Наш сильный флот сохраняется в полном порядке, а увеличение нашей торговли даст нам возможность при первой надобности набрать на него людей в количестве, недоступном для всякого другого королевства»²⁷⁸.

Для Конвея представлялось важным обратить внимание российской стороны на мир и спокойствие, достигнутые в британском обществе, которое поддерживало свое правительство. «Я говорю о единодушной привязанности всех лиц и сословий к настоящему правительству ... и их преданности Его королевской особе, – продолжал чиновник. – Различие вероисповедания не влечет за собой никакого дальнейшего различия между гражданами. Партии, возникающие между сильными, ограничиваются их собственной средой и преимущественно проявляются попытками к личному повышению, отнюдь не распространяя вражды или несогласия на народ. И вообще, оказывается, что, несмотря на дерзость писателей и на частное неудоволь-

²⁷⁵ Цит. по: Соловьев С.М. Указ. соч. С. 213.

²⁷⁶ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе (далее: «Дипломатическая переписка») // Сборник императорского русского исторического общества. Т. XII. СПб, 1883. С. 312.

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸ Там же. С. 313.

ствие некоторых личностей, вот уже более полвека как Англия не пользовалась таким спокойствием, не нарушаемым никакими опасными раздорами, как ... в настоящую минуту»²⁷⁹.

В завершение Конвей переходил к главной цели своего послания. Он советовал Ширли, на что следует особенно обращать внимание российской стороны, аргументируя необходимость заключения союза. «... Очевидно, – писал он, – что ... они (Англия и Россия – *Т.Л.*) никогда не будут иметь повода вмешиваться в дела друг друга, многие обстоятельства побуждают обе державы к тому, чтобы возобновить и упрочить их старинный союз. Взаимная их торговля весьма полезна для Англии и выгодна для России; могущество первой из них на море значительно и может при случае оказать помощь второй; сухопутные же силы России могут ... быть равно полезны для Англии, последняя богата деньгами, а первая людьми; таким образом, каждое из этих государств как будто назначено самой природой для пополнения недостатков другого; и в случае, если бы союз их состоялся и получил всеобщую известность, это усилило бы значение каждого из них, дав им в то же время возможность не к завоеваниям от соседей, так как императрица объявила, что это не входит в ее виды, но к беспрепятственному развитию всех мирных отраслей наук и искусств, оставляющих истинное величие и благосостояние народа, и в настоящую минуту, по-видимому, служащих главной целью этой великой и мудрой монархии»²⁸⁰.

Советы Конвея были услышаны. В начале ноября 1766 г. Генри Ширли встретился с Н.И. Паниным. Беседа, естественно, зашла о заключении союза. «Тут, сэр, я воспользовался вашими инструкциями и предоставил нашу страну в надлежащем свете, – сообщал дипломат Конвею. – Заметив, с каким жаром я говорил, Панин улыбнулся, взял меня за руку и сказал: «Я бы мог, если бы захотел, указать вам на такую же картину и с нашей стороны». Затем Панин высказал пожелание завершить столь важное для обоих государств дело, но прибавил, что «осторожность не позволила ему это исполнить до тех пор, пока условия будут недостаточны для России и принудят его искать других друзей». В заключение беседы Панин дал понять, что не приступит к переговорам до тех пор, пока Великобритания не примет меры для устранения затруднений, препятствовавших заключению союза»²⁸¹.

В завершении своего послания Ширли вину за неуступчивость российской стороны вновь возлагал на прусского короля, который, на его взгляд, делает все, чтобы воспрепятствовать успеху англичан в российском государстве. «Он (Фридрих II – *Т.Л.*) не только вредит нашим делам в России, но с помощью различных интриг старается нарушить спокойствие Польши и Дании», заключал дипломат²⁸².

Однако серьезным препятствием в деле заключения союзного договора становилась не только и не столько позиция Фридриха II, как осложнившиеся в ту пору отношения России с Польшей и Турцией. Для обеспечения безопасности северо-западных границ империи Екатерина II в начале 1760-х годов начала изыскивать способы для оказания российского влияния в Польше. После кончины 13 октября 1763 г. польского короля Августа III на его место императрица сумела провести своего ставленника, бывшего возлюбленного Станислава Августа Понятовского. Хотя британцы не видели для своей страны особого интереса в делах Польши (в 1765 г. в Форин Оффис подсчитали, что Польша потребляет английских товаров немногим больше 15 000 ф.ст. в год – сумма для экономики Британии незначительная)²⁸³, тем не менее, стремление к союзу с Россией заставило правительство Великобритании поначалу поддержать кандидатуру Понятовского, но в дальнейшем Георг III отказался от участия в польских делах.

²⁷⁹ Там же. С. 313–314.

²⁸⁰ Там же. С. 315–316.

²⁸¹ Там же. С. 318–319.

²⁸² Там же. С. 320.

²⁸³ Родзинская И.Ю. Русско-английские отношения в шестидесятых годах XVIII в. // Московский государственный историко-архивный институт. Труды. Т. 21. М., 1965. С. 250.

Новый король Польши, как и следовало ожидать, не играл какой-либо самостоятельной роли. Императрица, на взгляд Ширли, смотрела на него «единственно как на орудие». Посол был убежден, что Екатерина будет оказывать ему покровительство до тех пор, «пока он будет ей полезен, но не долее»²⁸⁴. В то же время утверждение Понятовского на престоле, которое дорого обошлось России (на подкуп чиновников в 1763–1766 гг. было истрачено 4,4 млн. руб.), по мнению В.Н. Виноградова, свидетельствовало об отсутствии у Екатерины II стремления к разделу Польши²⁸⁵.

В феврале 1768 г. в Петербург прибыл чрезвычайный посол Великобритании «кавалер древнейшего и благороднейшего ордена св. Андрея», член Тайного совета и генерал-лейтенант английских войск лорд Чарльз Кэткарт. В инструкции, полученной им от главы внешнеполитического ведомства, говорилось следующее: «Так как в 1742 году в Москве был заключен между обеими державами союзный трактат, сроком на 15 лет, ныне уже истекших, и так как с этого времени было преступлено к обсуждению возобновления упомянутого трактата, то Вы воспользуетесь удобным случаем осведомиться, изменились ли чувства, высказанные до сих пор по этому поводу министрами Ее Императорского Величества, и сообщите нам все, что узнаете касательно этого предмета для дальнейших наших инструкций»²⁸⁶. Как видно, очередному британскому послу вновь предписывалось добиться пролонгации союзного оборонительного договора с Россией.

Что представлял собой новый посол? Это был человек с богатой биографией. Девятый лорд Кэткарт Чарльз происходил из семьи родовитой шотландской аристократии. Он родился 21 марта 1721 г. Его отец был видным военачальником. Сын пошел по стопам отца: юношей поступил на военную службу в гвардию и в 22 года уже командовал отделением под предводительством графа Стэра. Участвовал в Войне за Австрийское наследство (1740–1748 гг.), а вскоре стал адъютантом графа Камберленда, которого сопровождал во Фландрию, Шотландию, Голландию. Стойкий противник династии Стюартов, он принял участие в подавлении их сторонников – якобитов. В битве при Фонтено (1745 г.) получил тяжелое ранение в голову. С тех пор носил шелковую повязку на шее, за что позднее получил прозвище «Заплата Кэткарт» (Patch Cathcart). Военная карьера Кэткарта не прервалась после ранения. Он вернулся в строй, героически сражался в битве при Каллодене, где вновь был ранен. В 1750 г. получил чин полковника. Спустя 10 лет, дослужившись до чина генерал-лейтенанта, Кэткарт оставил военную службу. Тогда же он занял место в парламенте Великобритании как один из тех знатных пэров, которые представляли в нем Шотландию.

Женился Чарльз Кэткарт в зрелом возрасте, в 32 года. Его избранницей стала дочь капитана лорда Арчибалда Гамильтона – Джейн Гамильтон. Брак оказался удачным. В семье любящих супругов родилось семеро детей: три сына и четыре дочери. Одна из дочерей, Мэри, прославившаяся своей красотой, вышла замуж за первого барона Линдача Томаса Грэхема. Финансовое положение Кэткарта заметно улучшилось после того, как он продал унаследованное от матери поместье в Сандреме. Правительство должным образом оценило как его боевые заслуги, так и деятельность в Тайном совете: в 1763 г. Кэткарт был посвящен в рыцари. В феврале 1768 г. его назначили послом в Санкт-Петербург, где он пробыл около четырех лет, вплоть до 1772 г.²⁸⁷

По прибытии в Россию Чарльз Кэткарт встретил самый радушный прием, как со стороны императрицы, так и ее придворных. Еще до того, как состоялась первая официальная встреча посла с Екатериной II, он получил для себя, своей супруги и сестры, с которыми при-

²⁸⁴ Дипломатическая переписка. Указ. соч. С. 325–326.

²⁸⁵ Виноградов В.Н. Указ. соч. С. 138.

²⁸⁶ Дипломатическая переписка. Указ. соч. С. 333.

²⁸⁷ Dictionary of National Biography. Vol. III. Oxford, 1949–1950. P. 1194.

ехал в Россию, приглашение на церемонию закладки первого камня «великолепной церкви во имя св. Исаакия» (Исаакиевского собора). На церемонию должна была прибыть Екатерина II. Кэткорт полагал, что императрица, «несмотря на то, что это не принято обычаем», желала с ним познакомиться «как можно скорее». В донесении главе внешнеполитического ведомства Британии лорду Веймуту от 12 августа 1768 г. Кэткорт подробно описал церемонию закладки камня. «Под триумфальной аркой возвышалась платформа, откуда Ее Величество могла подойти к аналою, на котором лежал камень с надписью, медалями и монетами. В назначенный час Ее Императорское Величество прибыла, предшествуемая епископами, архимандритами и прочими лицами высшего духовенства вместе с придворными певчими». Отслужили молебен. Посол был представлен сначала великому князю, а затем императрице, которой поцеловал руку. «При этом многочисленном собрании Ее Императорскому Величеству угодно было оказать мне «отличие», – продолжал повествование Кэткорт, – она обращалась ко мне со многими вопросами, а положив камень, медали ... в другой камень большей величины, где отчасти окружила их известью, поручила мне прибавить извести той же лопаткой, которую употребляла ... Я выполнил это, а вслед за мной еще некоторые государственные сановники последовали моему примеру, после чего императрица помогла опустить камень на предназначенное ему место ... Я никогда не видел такого торжественного и великолепного зрелища», – с восторгом заключал дипломат²⁸⁸.

Вечером того же дня Кэткорт имел удовольствие видеть еще одно зрелище «весьма приятного свойства» – смотр кадетского корпуса, «заведения учрежденного императрицей Анной (Иоанновной – Т.Л.), но много усиленное и увеличенное ныне царствующей императрицей». Граф Григорий Орлов, проводивший смотр, был до того любезен, что настоял, чтобы дипломату «была оказана честь военного салюта». «После этого, – пояснял Кэткорт, – я счел долгом сделать ему визит»²⁸⁹.

Спустя несколько дней посол был приглашен на смотр батальонов полка под командованием бригадира Каменского. Произошло сражение, продолжавшееся два часа, маневры были «чрезвычайно разнообразны и искусны». «Я никогда не видал столько молодости, равенства в росте, деятельности и проворства, – свидетельствовал Кэткорт. – Люди были отлично одеты и вооружены и соблюдали полнейшую дисциплину. Этим последним обстоятельствам они обязаны лагерной жизни, в которой русская армия проводит каждое лето, а также искусству и заботливости генералов Чернышева и Панина» (брата Н.И. Панина – Т.Л.).

Далее дипломат с восторгом повествовал о приеме, оказанном ему придворными. «Не могу описать вам, милорд, – сообщал он лорду Веймуту, – любезности начальствовавших офицеров и графа Панина, который был там и сделал мне честь одолжить ... прекрасную английскую лошадь». Примечательно, что с самим графом Паниным Кэткорт успел пообщаться еще накануне в покоях Никиты Ивановича, где они вели «долгий предварительный разговор». О его содержании Кэткорт решил в тот момент не распространяться. «Могу только уверить вас, милорд, – заверял дипломат своего шефа, – что репутация откровенности, искренности и способностей этого министра вовсе не преувеличена, и он по убеждению твердый сторонник британского народа и того тесного союза, которого столь настоятельно требуют интересы обоих дворов»²⁹⁰.

Особой милостью со стороны императрицы явилось знакомство с супругой посла, что выходило за рамки существующего при дворе этикета. Кэткорт упомянул об этом в донесении от 19 сентября 1768 г. Он сообщил, что его супруга была представлена императрице, которая пригласила ее играть в пикет. Леди Кэткорт «осталась весьма довольна многочисленными зна-

²⁸⁸ Дипломатическая переписка. Указ. соч. С. 349–350.

²⁸⁹ Там же. С. 351–352.

²⁹⁰ Там же. С. 361–362.

ками внимания, которые Ее Величеству угодно было оказать ей»²⁹¹. Супругу посла пригласили также на ужин с императрицей и великим князем. Сам дипломат обедал с императрицей в Адмиралтействе и там, «сидя подле нее за столом и будучи особенно отличен ее милостью, убедился в том, что в настоящую минуту британская нация пользуется здесь полнейшим уважением»²⁹².

Летом 1770 г. у четы Кэткарт родилась дочь, названная Екатериной Шарлоттой. Крестными девочки изъявили желание стать графиня Воронцова и граф Панин. «Не могу достаточно передать вам, милорд, милостивое участие, принятое императрицей в состоянии здоровья леди Кэткарт и ребенка, ту доброту, с которой граф Панин и все придворные лица содействовали ей», – с волнением сообщал дипломат новому главе внешнеполитического ведомства графу Рошфору и далее продолжал: «Императрица имеет обычай оставлять матери какой-нибудь предмет на память ребенку о чести, сделанной при его крещении, потому госпожа Воронцова передала леди Кэткарт от имени Ее Императорского Величества великолепный бриллиантовый фермуар, а граф Панин от имени великого князя передал другой фермуар, хотя и меньший по сравнению, однако весьма значительной ценности»²⁹³.

Чем же объяснялся столь радушный прием, оказанный Екатериной и ее приближенными британскому послу? Сам Кэткарт полагал, что это было следствием особой симпатии императрицы ко всем его соотечественникам. Об этом он не раз писал в донесениях в Лондон. Так, в послании лорду Веймуту от 19 сентября 1768 г. Кэткарт утверждал: императрица «пользуется всяким случаем, чтобы заявить о своем расположении и уважении», к британскому королю и его нации»²⁹⁴. А в депеше графу Рошфору от 9 января 1670 г. он ссылаясь на высказывание графа Орлова о том, что Екатерина «питает высокое почтение к королю и ... английской нации, и что, когда ей случается, что-либо похвалить, ее самое обыкновенное выражение таково: “придуманно, сказано или сделано по-английски”»²⁹⁵. В депеше от 12 октября того же года Кэткарт приводил в пример «небольшой случай», который, на его взгляд, доказывал уважение императрицы и ее двора к британским подданным. Екатерина посетила театральное представление, в котором принимали участие английские актеры. В разговоре с руководителем труппы императрица заявила, что «когда она находится с англичанами, то чувствует себя совершенно дома»²⁹⁶. На одном из празднеств дипломат обратил внимание на то, что Екатерина особо выделяет англичан среди прочих гостей. «Англичане всех званий постоянно пользуются большим отличием Ее Величества и ее двора», – заключил он²⁹⁷. Наконец, особое расположение императрицы к выходцам с Британских островов Кэткарт усмотрел в ее согласии отужинать в его доме. «Меня уверили, – докладывал он графу Рошфору, – что это был первый пример, где ... Ее Императорское Величество ужинала в иностранном доме»²⁹⁸.

Кэткарт обращал внимание также на расположение к британцам ближайших соратников императрицы, прежде всего Никиты Панина и Григория Орлова. «... Мне остается только еще раз уверить вас, милорд, – писал он Рошфору, – до какой степени императрица, граф Панин и граф Орлов сознают дружбу Его Величества к императрице, благорасположение нации к России и ценность сих обстоятельств для этой империи, что они выражали мне в различных слу-

²⁹¹ Там же. С. 364.

²⁹² Сборник императорского русского исторического общества (далее: СИРИО). Т. XIX. СПб., 1876. С. 110.

²⁹³ Там же. С. 65–66.

²⁹⁴ Дипломатическая переписка. Указ. соч. С. 364.

²⁹⁵ СИРИО. Указ. соч. С. 30.

²⁹⁶ Там же. С. 124.

²⁹⁷ Там же. С. 131.

²⁹⁸ Там же. С. 156.

чаях и в чем я имею ежедневные доказательства, также как и в высоком мнении императрицы обо всем, что англичане думают, говорят и делают»²⁹⁹.

Подобные примеры отношения Екатерины II к британцам действительно свидетельствовали о ее особом к ним расположении, что позволяло некоторым ученым причислять российскую императрицу к англофилам³⁰⁰. В свое время мы останавливались на данном вопросе³⁰¹ и пришли к выводу о том, что доля истины в подобном утверждении была. Екатерина II и, правда, проявляла несомненный интерес, как к британской культуре, так и к ее носителям – выходцам с Британских островов. Однако в случае с послом Кэткартом речь шла о другом. Оказывая ему радушный прием, российская императрица действовала как опытный и искусный дипломат, преследуя цель привлечь Великобританию в ряды союзников в надвигавшейся войне с Турцией.

Что же касается Великобритании, то ее правительство предпочитало заключить союз на прежних условиях, лишь пролонгировав его на более продолжительный срок. Впрочем, британцы пожелали также, чтобы секретная статья о польских делах была обращена в простую гарантию неприкосновенности польских законов. Наконец, неперенным их условием стало исключение из условий договора Турции, прежде всего для того, чтобы не пострадала торговля британцев в Леванте. «Эта последняя статья, – утверждал российский исследователь Н.А. Нотович, – была вечным камнем преткновения, и первые тридцать лет правления Екатерины прошли без того, чтобы был заключен какой-нибудь формальный договор, который соединил бы судьбы обеих наций. Тщетно граф Панин в первые дни своего министерства выдвигал один за другим важные аргументы, долженствовавшие привести к соглашению между обеими сторонами, Англия ни за что не хотела отказаться от дружбы с Турцией, а одним из наших естественных требований было уничтожение этой дружбы»³⁰².

Весной 1768 г. ситуация на международной арене для России значительно осложнилась. Практически одновременно началось выступление антирусской конфедерации в Польше, и возникла опасность реставрации абсолютизма в Швеции. Но главное – назревала война с Турцией. Как отмечала историк И.Ю. Родзинская, русское правительство весной 1768 г. поставило своей целью связать Англию субсидиарным договором со Швецией, по которому Англия обязывалась выплачивать Швеции ежегодно 50 тыс. ф. ст. и таким образом устранила бы французское влияние в этой стране. В свою очередь русское правительство отказывалось от своего первоначального требования помощи от Великобритании в войне с Турцией. Однако англичане не пожелали выплатить оговоренную сумму, поскольку были не особенно заинтересованы в польских и шведских делах³⁰³.

В это же время начались осложнения с Турцией. Французский король Людовик XV, считавший Екатерину «узурпаторшей», весной 1766 г. направил своему послу инструкцию следующего содержания: «Единственной целью ваших усилий должно быть вовлечение турок в войну». И далее заключал: «Нас не интересует конечный успех, но само ее объявление и ход позволят нам приступить к нарушению зловещих замыслов Екатерины»³⁰⁴.

Великий визирь вспомнил условия Прутского мира 1711 г. (обязательстве Петра I не вмешиваться в польские дела – Т.Л.) и потребовал от российского резидента А.М. Обрезкова гарантий вывода войск из Речи Посполитой. «Растущее недовольство турецкой стороны, под-

²⁹⁹ Там же. С. 2–3.

³⁰⁰ Родзинская И.Ю. Русско-английские отношения в шестидесятых годах в. Указ. соч., С. 245.

³⁰¹ Лабутина Т.Л. Англомания и англофильство в правление Екатерины II // Лабутина Т.Л. Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013. С. 135–164.

³⁰² Нотович Н.А. Россия и Англия. Историко-политический этюд. СПб., 1907. С. 100–101.

³⁰³ Родзинская И.Ю. «Естественные» союзники (Русско-английские отношения 60–70-х годов XVIII в.) // Проблемы британской истории. М., 1972. С. 204.

³⁰⁴ Цит. по: Виноградов В.Н. Указ. соч. С. 141.

крепленное 3 млн ливров от Франции, перевесило все уверения (как и 70 тыс. руб.) русского посла о том, что Россия выведет войска из Польши, как только конфедераты будут подавлены»³⁰⁵. В начале октября Турция выдвинула России ультиматум с требованием очистить Польшу от русских войск. Русский посол отверг требования ультиматума и был немедленно посажен в Семибашенный замок, что в Турции означало объявление войны. Итак, приходила к заключению исследовательница И. де Мадариага, «своей политикой Россия навлекла гражданскую войну на Польшу и войну с Турцией на самое себя. “О господи, уж лучше бы мы не брались сажать в Польше короля! – сокрушался Фридрих II”»³⁰⁶.

Императрица сочла подобные действия турецкой стороны актом агрессии, а свою империю – жертвой этой агрессии. Осенью 1768 г. началась первая в правление Екатерины II русско-турецкая война.

Правительство Великобритании отнеслось к этой войне негативно. На то у него были свои причины. Во-первых, война отвлекала внимание России от решения вопроса о союзном договоре, а во-вторых, грозила втянуть Великобританию в развязавшийся конфликт. Поэтому британцы попытались примирить враждующие стороны, неоднократно предлагая свое посредничество. Однако их инициатива не встретила в России отклика.

Хотя Великобритания стремилась сохранить нейтралитет в войне, поддерживая одновременно дружеские отношения с обоими государствами, из этого ничего не вышло. Поскольку союз с Россией был в ту пору для англичан необходим, а Турция находилась под влиянием их противника – Франции, то симпатии британского правительства все больше склонялись на сторону России. К тому же российский двор тоже испытывал неприязненные чувства к Франции, на что указывал и Кэткарт. «Поведение Франции, – писал он, – внушает этому двору все большее и большее к ней отвращение, и между здешним и тем двором существует разрыв такой же полный и, по-видимому, непоправимый, как тот, которого французский двор желал бы видеть между нами и Россией»³⁰⁷.

Следует отметить, что и предшественник Кэткарта Генрих Ширли также обращал внимание на то, что влияние французского двора и репутация французского народа в России «совершенно утратили свое прежнее значение». В то же время он высказывал опасение, что в случае каких-либо перемен в администрации, положение может измениться, поскольку почти все дворяне России воспитываются французами, которые с раннего детства внушают им «высокое понятие о Франции и некоторого рода презрение ко всем прочим нациям». Теперь же, на взгляд Ширли, «им начинает нравиться все, что принадлежит Англии, и они уже переняли некоторые из наших обычаев, принаравливая свой вкус к нашему». Дипломат выражал надежду на то, что со временем «это приведет большинство нации (политические мнения которого были к нам неблагоприятны) к выгодным понятиям о величии Великобритании, причем они усмотрят, как полезен был бы для них союз с такой державой, и будут действовать соответственно с этим убеждением».³⁰⁸

³⁰⁵ Де Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. Пер. с англ. М., 2002. С. 331.

³⁰⁶ Там же.

³⁰⁷ СИРИО. Т. XIX. С. 3.

³⁰⁸ Дипломатическая переписка. С. 309–310.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.